

Монархи открытого океана или приключения буканьеров. Том 3 (из 3)

Уолтер Торнбери

THE

MONARCHS OF THE MAIN;

OR,

ADVENTURES OF THE BUCCANEERS.

BY

GEORGE W. THORNBURY, ESQ.

"One foot on sea and one on shore,
To one thing constant never."

MUCH ADO ABOUT NOTHING.

IN THREE VOLUMES.

VOL. III.

LONDON:

HURST AND BLACKETT, PUBLISHERS,

SUCCESSORS TO HENRY COLBURN,

13, GREAT MARLBOROUGH STREET.

1855.

The Project Gutenberg eBook of The Monarchs of the Main; Or, Adventures of the Buccaneers. Том 3 (из 3)

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Monarchs of the Main; Or, Adventures of the Buccaneers. Том 3 (из 3)

Автор: Уолтер Торнбери

Дата выхода: 21 января 2012 [eBook #38633]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Адамом Бухбиндером, Рори Оконором и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, щедро предоставленных проектом Google Books Library (<http://books.google.com/>).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MONARCHS OF THE MAIN; OR, ADVENTURES OF THE BUCCANEERS. ТОМ 3 (ИЗ 3) ***

Электронный текст подготовлен Адамом Бухбиндером, Рори Оконором, и командой онлайн-распределенной корректуры (<http://www.pgdp.net>) на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии щедро предоставленных библиотечным проектом Google Books (<http://books.google.com/>)

Примечание:

У проекта "Гутенберг" есть два других тома этой работы.

Том I: см.

<http://www.gutenberg.org/files/38631/38631-h/38631-h.htm>

Том II: см.

<http://www.gutenberg.org/files/38632/38632-h/38632-h.htm>.

Изображения оригинальных страниц доступны в библиотечном проекте Google Books. См.

<http://books.google.com/books?vid=FyYCAAAA>

Монархи открытого океана или приключения буканьеров. Том 3 (из 3)

ДЖОРДЖ В. ТОРНБЕРИ, ЭСКВАЙР.

"Одна нога в море, другая на берегу,
К одному неизменен никогда".
Much Ado about Nothing.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ III.

ЛОНДОН: ХЕРСТ И БЛЭКЕТТ, ИЗДАТЕЛИ,
ПРЕЕМНИКИ ГЕНРИ КОЛБЕРНА,
13, GREAT MARLBOROUGH STREET.
1855.

ЛОНДОН: СЕРКОМБ И ДЖЕК, 16, ВЕЛИКАЯ ВИНДМИЛЛ-СТРИТ.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА. III.

ГЛАВА I. РАВЕНО ДЕ ЛЮССАН.

Молодой французский офицер присоединяется к де Граффу на острове Св. Доминго - круиз вокруг Карфагены - переход через перешеек - трудности - присоединение к флоту буканьеров - Гронье, Французский капитан - Предыстория его жизни - Схватка с греческими наемниками на острове - Взятие Ла-Сеппы - Схватка у Панамы - Взятие Пуэбла-Нуэва - Отделение от англичан - Захват Леона - Взятие Чирикиты - Сожжение Гранады - Штурм Вилии - Удивление от речной засады - Проникновение греческого шпиона - Захват судов - Изгнание испанских пленников - Письмо испанскому президенту - Сожжение Саванны. Президент - Сожжение Саванны - Перепалка между французами и англичанами - Нападение на Куаякилью -

Любовное приключение Де Луссана - Переправа французских буканьеров по суше через Дарьенский перешеек - Переход с севера на юг Тихого океана - Большая опасность - Переход между горами - Смелая стратегия Де Луссана - Спасение - Река потоков - Плоты - Прибытие в Св. Доминго 1

ГЛАВА II. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ БРАТСТВА.

Сьер де Монтбан - плавание по побережью Гвинеи - захват английского корабля - спасение от взрыва - жизнь с негритянским королем - Лоранс де Графф - его победы - поступление на французскую службу - предательство - буканьеры присоединяются к французской экспедиции и берут Картажену - буканьерские стрелки - отбирают добычу - возвращаются и снова берут город - захват английским и голландским флотами, 1698 г. - Буканьеры терпят крушение вместе с д'Эстре - Граммон берет Сантьяго - Захватывает Маракайбо, Гибралтар и Торилью - Высаживается в Кумане - Поступает на французскую службу - Потерян в прощальном круизе 105

ГЛАВА III.- РАЗРУШЕНИЕ ПЛАВУЧЕЙ ИМПЕРИИ.

Мир в Райсвике - попытка устроить буканьеров в качестве плантаторов - их превращение в пиратов - Черная Борода и Пол Джонс - последняя экспедиция на Дарьенские копи, 1702 год 157

ГЛАВА IV.- ПИРАТЫ НОВОГО ПРОВИДЕНСА И КОРОЛИ МАДАГАСКАРА.

Законы и одежда - Правительство - Черная Борода - Его злодеяния - Капитан Эвери и Великий Могол - Дэвис - Лоутер - Робертс - Майор Боннет - Капитан Гоу - Гвинейское побережье - Рассказы о пиратских пленниках - Сиквел 163

Список источников.

Вожди буканьеров.

МОНАРХИ ОТКРЫТОГО ОКЕАНА

ГЛАВА I. РАВЕНО ДЕ ЛЮССАН.

Присоединяется к де Граффу-Круиз вокруг Карфагены-Пересечение перешейка-Трудности-Присоединение к флоту буканьеров-Гронье-Предыдущая история кораблей-Борьба с греческими наемниками-Взятие Ла-Сеппы-Вооружение у Панамы-Взятие Пуэбла-Нуэва-Отделение от англичан-Взятие Леона-Взятие Чирикиты-Взятие Гранады-Взятие Вилья - удивлен засадой - предательство греческого шпиона - захват судов - пленные - сжигание саванн - ссора между французами и англичанами - взятие Гуаякиля - любовное приключение де Люссана - путешествие по суше из северной части Тихого океана в южную - смелая стратегия де Люссана - спасение - река и потоки - плоты - прибытие в Св. Доминго.

За путешествия Гронье мы обязаны страницам Равено де Люссана, молодого солдата, такого же храброго и прозорливого, как Ксенофонт.

22 ноября 1684 года Равено де Люссан отплыл из Пти-Гуава с командой из 120 искателей приключений на борту приза, недавно захваченного возле Карфагена капитаном Лорансом де Граффом. Они намеревались присоединиться к флоту буканьеров, крейсировавшему у Гаванны. До этого они выполняли роль конвоя для генерал-лейтенанта и интенданта французских колоний, которые опасались нападения испанских пирата. Вскоре после схода с материка их окликнул французский тартан, который, не веря, что они принадлежат к его народу или имеют поручение от графа Толуза, верховного адмирала Франции, дал им две пушки и приказал нанести удар. Буканьеры, думая, что встретили испанца, выбили головки из двух бочек с порохом, намереваясь скорее сжечь себя и взорвать судно, чем подвергнуться жестоким пыткам и быть повешенными на верфи со своими комиссионными на шее. Сигнал, однако, обнаружил ошибку, и вскоре к ним присоединились искомые суда. Одним из них был *"Мятежный"*, бывший *"Мир"*, которым командовал капитан Майкл Ландрессон и на котором было пятьдесят пушек. Другой - *"Нептун"*, бывший *"Святой Франциск"*, имел сорок четыре орудия. Оба они были испанскими броненосцами, вышли из Карфагены, чтобы захватить капитанов де Граффа, Мишеля, Куэта и Ле Сажа, и сами были взяты в плен перед самыми стенами. Четыре другие лодки принадлежали Розе Виньерон, Ла Гарду и "английскому предателю с Ямайки". В то время они следили за паташе Маргариты и эскадрой испанских кораблей.

В Курасоа они отправили шлюпку на берег, чтобы попросить разрешения высадиться и отремонтировать судно Лоранса де Граффа, пострадавшее от урагана, но получили отказ, хотя и предъявили свои полномочия, а высадившиеся люди должны были оставить свои шпаги у ворот. В Санта-Крусе они отсалютовали форту, и губернатор, обнаружив, что 200 из них бродят по городу, приказал им барабанным боем вернуться на свои корабли, предложив им двух шалопаев за две штуки восемь центов за человека, чтобы они отвезли их на корабли, но отказавшись позволить им пройти по острову. Причиной этого они сочли то, что корабли Майкла и Лауренса недавно захватили 200 000 кусков восьмерика на двух голландских кораблях у Гаванны. Вольные разбойники не трогали этот товар, находясь в мире с Голландией, но моряки украли его и передали французам.

Прибыв к мысу Ла-Велья, они поставили пятнадцать часовых, чтобы следить за паташе, и отправили лодку к реке Ла-Хаш, чтобы получить пленных, но, несмотря на различные уловки, попытка не удалась. Между экипажами, которым надоело ждать паташе, возник спор - такие споры неизменно вспыхивают во все времена несчастий, когда объединение более чем необходимо.

Лоранс де Графф, которого они обвинили в мошенничестве, сразу же отплыл в Сен-Доминго, за ним следовали восемьдесят семь человек приза, а Равенау сопровождал капитана Роуза и капитана Майкла до Картахены, где они захватили семь пирата, груженных маисом. От пленников они узнали, что в порту стоят два галеона, что флот находится в Порто-Бельо и что несколько кораблей собираются в путь. Вскоре после этого, оказавшись в разлуке с капитаном Роузом и Майклом, Равенау решил пересечь континент и попасть в Южное море, как, по его сведениям, сделала предыдущая экспедиция за несколько месяцев до этого.

Недалеко от мыса Матанс произошло удивительное приключение. Испанский солдат, принадлежавший к галеонам и захваченный на одном из судов с кукурузой, хотя с ним обращались со всей любезностью, попытался утопиться, бросившись в море; его тело, однако, плыло на спине, хотя он делал все возможное, чтобы утонуть, пока наконец, отказавшись от снастей, брошенных ему из очень сильного сострадания, он не перевернулся на лицо и не погрузился на дно. Высадившись на Золотом острове и установив флаг, чтобы предупредить индейцев, они увидели на берегу вымпел и обнаружили, что он

принадлежит трем людям капитана Гронье, которые отказались следовать за экспедицией, только что отправившейся в Южное море. Вскоре индейцы принесли им письма, оставленные для первых высадившихся на берег вольных разбойников, в которых сообщалось, что Гронье и 170 человек ушли в Южное море и что их преследовали 115 англичан. Вскоре после этого Майкл и Роуз, преследовавшие испанское судно из Сантьяго в Картахену, вышли на воду, и многие из команды решили присоединиться к их походу. 118 человек покинули Михаила, а все шестьдесят четыре человека из команды Розы, возместив убытки владельцам, сожгли свое судно и присоединились к ним. Корабль Равенау остался на попечении капитана Майкла, а объединенные 264 человека теперь расположились лагерем на берегу.

В воскресенье, 1 марта 1685 года, возложив надежды на защиту Всевышнего, экспедиция отправилась в путь под командованием капитанов Роуза, Пикара и Десмаре, с двумя индейскими проводниками и сорока индейцами-носильщиками.

Страна оказалась настолько пересеченной, что они могли проходить только три лиги в день; она изобилвала горами, обрывами и непроходимыми лесами. Шли сильные дожди, которые увеличивали трудности путешествия, а тяжесть оружия и боеприпасов мешала им подниматься по обрывам. Спустившись на равнину, которая, хотя и была без тропинок, казалась гладкой и ровной, они обнаружили, что на протяжении всего двух лиг им пришлось сорок четыре раза пересекать одну и ту же реку, причем по опасным и скользким камням. Прибыв на следующий день в индийский караван-сарай, они некоторое время пробыли там, стреляя оленей, обезьян и диких свиней, птиц огненного цвета, диких фазанов и куропаток, которыми изобилывали леса. Наконец, после шести дней мучительного и утомительного путешествия, буканьеры достигли реки Бокка-дель-Чика, впадающей в Южное море. Здесь, ведомые индейцами, они занялись изготовлением каноэ и обменяли у дикарей ножи, иглы и топоры на маис, картофель и бананы. Хотя они были уверены, что их поход был невозможен, если бы не дружелюбие этих дикарей, они все равно держались настороже, опасаясь предательства. "У них, - говорит Равенау с благочестивым вздохом жалости, - не было ни малейшего признака религии или богопознания, они считали, что общаются с дьяволом", и действительно, как он рассказывает, проводя уединенные ночи в лесу, он часто предсказывал французам события, которые сбывались до мельчайших подробностей.

Как раз когда они закончили готовить каноэ, Луссан узнал, что английская экспедиция под командованием капитана Таунли захватила два судна с провизией из Лимы, а вскоре к ним присоединился один из людей Гронье, потерявшийся во время охоты. Услышав, что Гронье ждет их на Королевских островах, прежде чем напасть на флот Перу, они отправились в путь 1 апреля на четырнадцать каноэ, с двадцатью веслами на каждом, и с несколькими индейцами-проводниками, которые были полны надежд на грабеж. Четвертого числа они остановились, чтобы передохнуть и починить свои каноэ, сильно пострадавшие от камней и мелей на реке. В некоторых местах им даже приходилось нести свои лодки на себе или перетаскивать их через поваленные деревья, загромождавшие глубокие места во время паводка. Несколько человек умерло, а многие были поражены болезнями, вызванными жесткой пищей и погружением в воду. Теперь они довольствовались горстью сырого маиса в день.

От индейцев, посланных навстречу, они узнали, что на некотором расстоянии их ожидает провизия и что 1000 испанцев приготовили засаду на берегу реки. Однако им удалось избежать этого, поскольку они поднимались только в темноте и то без шума. Однажды ночью каноэ, застигнутые врасплох приливом, стремительно понеслись вниз по реке, и некоторые из них разбились о корягу; люди спаслись, но оружие и боеприпасы были потеряны.

Приблизившись к индейской засаде в Лестокаде, они положили свои каноэ одно в другое и, сказав дозорным, что это индейские лодки, везущие соль в Южное море, ушли невредимыми. 12-го числа стало так темно, что гребцы едва могли разглядеть друг друга, а сильный дождь заливал лодку так опасно, что двум людям приходилось постоянно подгребать. В полночь они с криками вошли в Южное море и обнаружили, что в Бокка-Чике их ждет провизия, а также два барка, чтобы доставить их к флоту. Отдохнув день или два, они отправились на Королевские острова, чтобы дожидаться кораблей. Эти гористые острова были оплотом негров-марунов.

22-го числа, в день Пасхи, флот прибыл. Он состоял из десяти судов: фрегата капитана Дэвида с тридцатью шестью пушками, вице-адмирала капитана Сэммса с шестнадцатью пушками, капитана Таунли с двумя кораблями; капитан Гронье, капитан Бренди и капитан Питер Генри также имели по одному судну, а двумя небольшими барками командовали квартирмейстеры. Кроме Гронье, который был французом, и Дэвида, который был Флемингом, все остальные были англичанами. Общая численность корабля составляла 1100 человек.

О различных судах Равенау дает следующий хвалебный отзыв. Адмиральский принадлежал англичанам, которые в Сен-Доминго в ожидании ветра захватили длинный барк под командованием капитана Тристана, француза. Затем они захватили голландский корабль и, сменив суда, отправились за несколькими призами к побережью Гвинеи, а в Кастрес захватил судно из Гамбурга, присоединился к этой экспедиции. Они, по словам Равенау, были немногим лучше пиратов, нападая даже на своих соотечественников, чего никогда не делал ни один настоящий буканьер. За некоторое время до этого они подверглись нападению фрегата, который, обстреляв их с широкой стороны и дав залп мелкой дробью, убил их капитана и двадцать человек.

Вице-адмирала они заставили присоединиться к ним, а недавно захватили корабль *"Святая Роза"*, груженный кукурузой и вином, шедший из Труксильо в Панаму, и это судно Дэвис отдал французам. Все остальные корабли были призами, захваченными в Южных морях.

Вскоре после этого Священный союз захватил советское судно, перевозившее письма из Мадрида в Панаму и депеши от вице-короля Перу; но капитан и лоцман дали клятву скорее умереть, чем отдать свои пакеты или разгласить какую-либо тайну, и выбросили за борт свертки, а также шкатулку с драгоценностями. Вечером того же дня 500 человек на двадцати двух каноэ отправились брать Ла-Сеппу, небольшой городок в семи лигах к ветру от Панамы. На следующий день, рано утром, два вооруженных пиратских каноэ, укомплектованных испанскими наемниками, увидев, что к ним приближаются несколько каноэ с сорока шестью людьми, высадились на берег острова в бухте и приготовились к обороне. Эти войска состояли из представителей всех народов и были посланы для защиты этого побережья. Одна из "греческих" лодок раскололась на берегу. Другую захватили буканьеры, но беглецы, водрузив свой флаг неповиновения на возвышенности, отчаянно сражались и вынудили вольных разбойников высадиться на другой части острова и зайти им в тыл. После часового боя они скрылись в лесу, оставив тридцать пять человек мертвыми и двух пленных.

Нападение на Ла-Сеппу оказалось неудачным, поскольку "Морским разбойникам" пришлось грести две лиги вверх по реке, где их вскоре обнаружили дозорные. Но несмотря на это, они яростно наступали и взяли город, потеряв всего одного человека, но добыча оказалась незначительной.

Теперь флот бросил якорь у прекрасных островов, называемых Панамскими садами. Все богатых купцов города имели здесь увеселительные дома, окруженные богатыми

фруктовыми садами и беседками из жасмина, орошаемые речушками и ручьями. Голодные моряки лакомились фруктами и собирали обильные урожаи маиса и риса, которые, по словам Равенау, "испанцы, как я полагаю, не сеяли с намерением ими насладиться".

8 мая они прошли мимо старых и новых городов Панама в браваре, с развевающимися цветами и флажками, и бросили якорь у Тавоги, еще одного острова удовольствий. Отлакировав свои корабли, они послали длинный барк в качестве разведчика и разработали план нападения на испанский флот. Дэвис и Гронье должны были взять на бордаж адмирала, Сэммс и Брэнди - вице-адмирала, Генри и Таунли - паташе, а вооруженные пиратские корабли должны были виться вокруг и отпугивать вражеские огневые корабли. На следующий день они высадили на берег сорок пленников в Тавоге; и в тот же день звук пушек, который они не могли объяснить, возвестил о незамеченном прибытии испанского флота в Панаму. Вся эскадра буканьеров, ожидая скорого сражения, принесла обычную клятву, что они не обидят друг друга ни на йоту, если Богу будет угодно даровать им победу над испанцами.

Едва они узнали от испанского пленника, что флот действительно прибыл и разворачивается, прежде чем отважиться выйти, как капитан Гронье, семь раз подняв свой флаг, дал знать, чтобы они быстро приготовились. Буканьеры удвоили расстояние до острова, где они бросили якорь, и увидели семь больших кораблей, несущихся к ним с кровавым флагом на корме и королевским на мачтах. Французы, обезумев от радости при виде таких призов и считая их уже своими, от радости бросали шляпы в море. Наступил полдень. Остаток дня оба флота провели в попытках получить погоду, а на закате обменялись выстрелами в борт. Ночью плавучий ланторн обманул буканьеров, и утром они обнаружили, что все еще находятся с подветренной стороны, за исключением двух судов, на которых не было пушек. Несмотря на то, что испанцы были страшно изранены выстрелами, английский адмирал и вице-адмирал решили скорее умереть в бою, чем позволить захватить одно судно, хотя, будучи хорошими моряками, они могли бы сразу же спастись. Испанцы, отказавшись идти на бордаж, отбили их на безопасное расстояние и не позволили Гронье присоединиться к ним, а корабль Питера Генри, получив более 120 пушечных выстрелов, отвалил в сторону и был захвачен двумя пиратскими кораблями.

Длинный барк, изрядно потрепанный, был покинут командой, которая выбросила за борт свои пушки и оставила испанских пленников на произвол судьбы. Эти несчастные попытались вернуться к своим соотечественникам, но испанский адмирал, приняв их за врагов, потопил их из своих пушек.

Корабль Питера Генри достиг острова Сент-Джон-де-Куэбло в двадцати четырех лигах от Панама с пятью футами воды в трюме и, отремонтировавшись, вернулся к своему флоту примерно через две недели. Они обнаружили, что капитан Дэвис был тяжело ранен, получив два выстрела в руль, и шесть его людей были ранены, но только один убит. Не меньше досталось и капитану Сэммсу. Его форштевень был наполовину снесен, и он получил несколько выстрелов между ветром и водой. Три человека были ранены, а его помощнику пушечным ядром снесло голову. Меньшие суда не потеряли ни одного человека, но имели несколько раненых. На испанском адмирале, как выяснилось, было 56 орудий, на вице-адмирале - 40, на "Паташе" - 28, а на "Консерве" - 18. На огненных кораблях также были установлены пушки, чтобы скрыть их истинную цель. Учитывая неравенство сил и незначительные потери своих спутников, Равенау, похоже, не сомневался, что если бы им удалось перехватить испанцев до того, как они вошли в Панаму, и получить от них погоду, то он вернулся бы через проливы с богатством, достаточным для того, чтобы спокойно прожить всю жизнь, и избежал бы еще трех лет опасностей и усталости.

Ничуть не обескураженные этим поражением, вольные разбойники высадили 300 человек с пяти каноэ, чтобы устроить сюрприз в городе Пуэбла-Нуэва. Проплыв две лиги вверх по очень мелкой реке, они захватили одного дозорного, но другой сбежал и поднял тревогу. Место оказалось пустынным, но на обратном пути они взяли корабль.

Здесь разгорелась ссора между французами и англичанами. Последние, превосходя в численности, отняли бы корабль Гронье и отдали его Таунли, если бы французы не выступили решительно. Отказавшись признать это господство, 130 из них разделились на группы, а экипаж Гронье довел их до 330 человек.

"Помимо национальной вражды, одной из главных причин, - говорит Люссан, - побудивших нас к разногласиям, была их нечестивость по отношению к нашей религии, ибо они не стеснялись, войдя в церковь, рубить саблями рукояти распятий или сбивать их фузилами и пистолетами, тем же оружием нанося синяки и увечья изображениям святых, в насмешку над тем поклонением, которое мы, французы, им оказывали. И главным образом из-за этих ужасных расстройств испанцы одинаково ненавидели нас всех, как мы поняли из различных их писем, попавших в наши руки". Мы нисколько не сомневаемся, что, если бы не эти "ужасные расстройства", испанцы считали бы смерть своих детей и потерю своих денег настоящими комплиментами.

Вернувшись на остров Святого Иоанна, оба народа в отдельных лагерях начали рубить деревья акажу, чтобы выдолбить из них каноэ взамен тех, что они потеряли в бою.

Эти деревья были настолько велики, что один ствол мог вместить восемьдесят человек. Боясь англичан, французы поставили дозорного на высоком дереве на берегу моря, чтобы он наблюдал за обоими лагерями, а также подавал сигнал в случае приближения какого-либо испанского судна. Когда корабль буканьеров вошел в гавань, они обнаружили, что им командует капитан Уилнетт. Сорок человек из его команды покинули его и присоединились к англичанам, но одиннадцать французов остались с Гронье. Это судно только что захватило корабль с кукурузой возле Сансонната, и, узнав, что на южном побережье находятся другие братья, отправилось на их поиски. Теперь французы испытывали острую нехватку продовольствия, имея мало пороха и не решаясь тратить его на оленей и обезьян, когда испанцы были под рукой, так как за пятнадцать дней англичане съели или прогнали всю черепаху. Им хватало двух черепах на 330 человек в течение сорока восьми часов. Многие из мужчин, забредших в лес, ели ядовитые плоды. Других кусали змеи, и они умирали от страшных болей, не зная о фруктах, которые являются противоядием от таких ран. Несколько человек были съедены крокодилами.

Находясь в таком положении, англичане послали квестора просить французов присоединиться к экспедиции против города Леон, поскольку сами они были слишком слабы. Израненное тщеславие французов боролось с их голодом. Они знали, что у англичан много провизии, привели корабль Вильнетта, и тридцать человек, утомленные постом, покинули Гронье и присоединились к Дэвису. Но партия Равенау, имея только один корабль, попросила еще один, чтобы держаться вместе, и, получив отказ, разорвала договор.

Как только партия Леона высадилась, французы под командованием капитана Гронье также отправились в путь со 120 людьми на пяти каноэ, оставив 200 человек на острове, чтобы построить еще каноэ и присоединиться к ним на континенте. Прибыв на материк к скотоводческой стоянке, а затем к сахарной плантации, они взяли несколько пленников, которые, как оказалось, не знали о различии между французами и англичанами. Отправив каноэ с провизией на остров, они снова высадились примерно в сорока лигах к подветренной стороне от Панамы и в петушиный крик напали на испанскую эстансию и

взяли пятьдесят пленных, включая молодых мужчину и женщину в чине, которые обещали выкуп. Они доставили их на остров Игнуана и получили деньги после двухнедельной задержки.

Вернувшись в Сент-Джонс, они обнаружили, что сто человек пришли в Пуэбла-Нуэва, заняли это место, хотя и были обнаружены часовыми, и оставались там два дня, несмотря на непрерывные атаки. Комендант этого места пришел с трубой, чтобы поговорить с ними, и поинтересовался, почему они, будучи англичанами, сражаются под французскими знаменами. Но они, не удовлетворив его любопытства, свирепо велели ему убираться восвояси. Восемь из них, отстав от основной массы, были храбро преследованы 150 испанцами, которые убили двоих из них, но, имея преимущество в численности, не смогли помешать остальным шести восстановить основную гвардию, которая сражалась и отступала с необычайной энергией.

Вновь воссоединившись, эти неугомонные норманны отправились на материк на шести каноэ, в количестве 140 человек, чтобы посетить сахарную плантацию возле Сент-Джаго, где они уже бывали раньше. Два человека были посланы на скотный двор, чтобы получить выкуп за хозяина, которого они держали в плену, другие посетили сахарный завод в поисках необходимых им котлов; и, разгоряченные известием о том, что губернатор Сент-Джаго с 800 людьми посетил это место после их отплытия, они послали отважиться на встречу с ним.

Запрягая корабли и набирая воду и дрова, они сразу же отплыли бы, но их задержал восемнадцатидневный дождь, в течение которого солнце ни разу не выглянуло. Об этой части Южного моря ходила поговорка из-за постоянных дождей, и ее называли испанцы "Утопленники". "Эти дожди, - говорит Равенау, - не только гнили паруса, но и вызывали дизентерию у людей, а между их кожей и плотью плодились черви длиной в полпальца и толщиной в перо". Вскоре после отплытия с острова их едва не выбросило на берег во время страшного шторма, и они были вынуждены чинить свои разбитые паруса рубашками и кальсонами, которыми они и так были весьма скудно обеспечены.

В Реалегуа, где горел вулкан, они высадили 100 человек в четырех каноэ и, захватив несколько пленных, напали на хатто. Они обнаружили, что англичане уже взяли Леон и сожгли Реалегуа. Несмотря на испанское подкрепление из восьми соседних городов, они оставались в Леоне целых три дня и вызвали испанцев на бой в саванне Расе. Но испанцы ответили, что они еще не собрались все вместе, "что означает, - говорит наш друг Равенау, - что их еще не было шесть к одному". Пока они были здесь, один из их квартирмейстеров, каталонец по происхождению, перебежал к испанцам и заставил французозов отказаться от замысла взять город Гранаду. В Реалегуа шесть человек попытались доплыть до берега, чтобы наполнить бочки водой, несмотря на испанцев на берегу, и один из них утонул при этой попытке. Высадившись в порту, они обнаружили, что церкви, дома и три укрепления наполовину сгорели. Удивив дозорных Леона, они обнаружили, что, несмотря на гарнизон в 2000 человек, жители, узнав о высадке буканьеров, прячут свои сокровища. Вскоре они обратили в бегство конный отряд и взяли в плен капитана.

Через несколько дней после этого 150 человек покинули суда, чтобы захватить небольшой городок Пуэбла-Вьеха, расположенный неподалеку от Реалегуа, который они нашли все еще пустынным. У испанцев вошло в обычай, когда вольные разбойники часто захватывали одно и то же место, прелат отлучал его от церкви, и впредь там не хоронили даже своих мертвых. Обнаруженные дозорным, буканьеры нашли врага окопавшимся в церкви Пуэблы, а около 150 лошадей - на рыночной площади. Несколько выстрелов отогнали всадников, а защитники церкви скрылись через дверь в ризнице. Пробыв в захваченном городе полтора

дня, вольные разбойники унесли все провиант, который смогли найти, на лошадях и на собственных спинах, прихватив с собой испанского дворянина, обещавшего выкуп. На следующий день испанский офицер принес письмо за подписью генерального викария провинции, написанное по приказу генерала Коста-Рики, в котором объявлялось, что Франция и Испания заключили мир и объединились для борьбы с неверными, и предлагался проход в Северное море на галеонах его католического величества. На это они ответили угрозами и, высадив на берег тридцать пленников, ушли на своих кораблях, а испанцы, уходя, зажгли костры на побережье.

Экспедиция пятидесяти человек на трех каноэ против города Эспарсо не удалась, но голодные люди убили и съели лошадей часовых, которых взяли в плен, так как уже четыре дня почти ничего не ели. В Кальдарио они посетили банановый завод и нагрузили свои каноэ фруктами, а в Пойнт-Борике запаслись какао-орехами, которые Равенау старается описать как орехи, неизвестные в Европе. Нагруженные золотом, но, тем не менее, подобно Мидасу, голодающие из-за недостатка пищи, они высадили шестьдесят человек в трех каноэ и взяли несколько пленных в хатто, который окружили, но, обнаружив, что находятся совсем рядом с Чирикитой и гарнизоном из 600 человек, отступили к своим кораблям, пробиваясь через 400 лошадей, которые ругали их и требовали вернуться в город, что они вскоре и сделали.

5 января 1686 года они отправили 230 человек на восьми каноэ, чтобы вновь посетить это место, сойдя на берег ночью без проводника, и шли до рассвета, не будучи обнаруженными. 7-го числа они весь день прятались в лесу, а с наступлением ночи снова двинулись вперед; 8-го они также провели в укрытии, а затем обнаружили, что вышли на берег не на той стороне реки. Усталые, они дождались ночи, а затем, вернувшись на к своим каноэ, переправились через реку. К удивлению дозорных, они обнаружили, что испанцы, даже при прежней тревоге, вывезли все свои сокровища. 9-го числа они достигли Чирикиты за два часа до наступления дня и застали жителей спящими. Горожане уже два дня спорили друг с другом о часах, и буканьеры высмеяли их, сказав, что пришли избавить их от лишних хлопот. Солдаты обнаружили, что они играют в караульном дворе, а в устье реки на берегу стоит небольшой фрегат.

Около полудня пятеро буканьеров, забредших в пригород, чтобы разграбить дом и получить пленного, попали в засаду, состоявшую из 120 человек. Не найдя надежды на спасение, они решили дорого продать свои жизни, и в течение полутора часов сражались с врагом спина к спине, когда только двое остались способны к сопротивлению. На помощь им подоспела основная часть, считавшая, что они просто стреляли в цель, после чего враг сразу же бежал. Об этой стычке, на которой присутствовал Луссан, он говорит: "Эта помощь, подоспевшая так вовремя, несомненно, спасла нам жизнь; ведь враг уже убил двух человек и вывел из строя еще одного, и было невозможно устоять под таким ливнем пуль, который сыпался на нас со всех сторон; и поэтому я могу с уверенностью сказать, что избежал изнурения, не получив ни одной раны, но благодаря видимой руке защиты с небес". Испанцы оставили на месте тридцать человек убитыми; таким образом, мы защищались как отчаянные люди и, одним словом, как вольные разбойники".

Сжегши все дома в городе, буканьеры, опасаясь ночного нападения, отступили в большую церковь, время от времени обмениваясь выстрелами с противником. Этот город был построен на саваннах и окружен шляхами, а его главной торговлей было сало и кожа. Здесь люди отдыхали до десятого числа, радуясь изобилию провизии после почти четырехдневного поста. Затем они перевезли пленников на остров в реке, куда испанцы могли подойти только открыто на шаландах. Враг, выбитый из засады, послал требовать пленников, заявив, что вернет их или погибнет при попытке; но успокоился, когда Гронье

объявил, что все они будут преданы смерти, если в них попадет хоть одна пуля. Отбив караул из 100 человек, они разграбили севшее на мель судно и узнали из писем, что адмирал флота Перу недавно погиб вместе со своими 400 людьми, так как его судно поразила молния. Шестнадцатого числа, получив выкуп за пленных, они вернулись на остров Святого Иоанна.

Испанцы, опасаясь вольных разбойников, прекратили плавание, запретив захватывать корабли, и, не имея парусов, а без них их судно бесполезно, французы начали рубить деревья и строить пирагуа. 27-го числа они заметили в море семь парусов и послали пять каноэ на разведку, подозревая, что это авангард перуанского флота. Вскоре, заметив вдали двенадцать пирагуа и три длинных барка, они отступили к своим причалам на реке, вытащили свой барк на берег, чтобы сделать его бесполезным для испанцев, и устроили на берегу засаду из 150 человек. Неприятель, заподозрив подвох, не обратил внимания на два каноэ, которые были посланы, чтобы заманить их в ловушку, но начал яростно обстреливать из пушек севший на мель корабль, на котором не было ничего, кроме бедной кошки, а затем, увидев, что он пуст, храбро взял его на abordаж и сжег ради железной работы, а вскоре после этого уплыл. Впоследствии они узнали, что пленники Чирикиты сообщили, что они укрепили остров, и флот был послан, чтобы высадить полевые орудия и разрушить постройки. Эта тревога испанцев была вызвана тем, что буканьеры специально попросили в Чириките каменщиков и обязали пленников дать кирпичи в качестве части выкупа.

14 марта они покинули остров Святого Иоанна на двух барках, полугалере с сорока веслами, десяти больших пирагуа и десяти каноэ поменьше, построенных из дерева мапу. Проведя ревизию своих людей, четырнадцать из которых погибли в феврале, они обнаружили, что потеряли тридцать человек с момента ухода англичан. Чтобы подготовиться к давно запланированному нападению на Гранаду, полгалеры и четыре каноэ были отправлены за провизией в Пуэбла-Нуэва. Войдя в реку при свете луны, буканьеры приблизились на расстояние пистолетного выстрела к небольшому фрегату, длинному барку и пирагуа, которые они приняли за своих старых английских союзников, но были встречены шквальным залпом крупной и мелкой дроби, убившим двадцать человек. На самом деле эти корабли были отрядом испанского флота, оставленным для охраны судов с провизией, направлявшихся в Панаму. Быстро оправившись от неожиданности, искатели приключений, хотя и без пушек, в течение двух часов вели упорный бой, убивая каждого, кто появлялся на обтекателях, и сбивая одного за другим гренадеров с грот-мачты. Но как только зашла луна, буканьеры ушли с четырьмя убитыми и тридцатью тремя ранеными, ожидая дневного света, чтобы отомстить. Тем временем враг отступил под прикрытие окопов, к которым толпились деревенские жители, привлеченные ночью стрельбой; вопреки таким обстоятельствам, буканьеры были вынуждены нехотя отступить и вскоре вернулись к своим каноэ у Сент-Питерс.

Высадившись у городка в десяти лигах подветренной стороны от Чирикиты, они не получили никакой провизии и, потеряв двух человек, вынуждены были пробиваться через засаду из 500 испанцев. Снова присоединившись к своим баркам, они несколько дней охотились в заливе Бока-дель-Торо, добывая сытную пищу для раненых. Следующее их предприятие было направлено против города Леспарсо, который они нашли покинутым. Пока они лежали в бухте, к ним присоединился капитан Таунли с пятью каноэ, который со своими 115 людьми умолял разрешить ему присоединиться к экспедиции против Гранады. Помня о прежнем властном поведении англичан, французы сначала, чтобы напугать их, взошли на борт их каноэ и предложили увезти их. "Затем, - говорит Луссан, - мы дали капитану понять, что мы более честные люди, чем он (любопытный спор), и что, хотя у нас есть преимущество, мы не будем пользоваться преимуществом, чтобы отомстить за нанесенные нам обиды, и что мы

отдадим ему и всем его людям во владение то, что мы взяли у них четыре или пять часов назад". Затем мужчин собрали на острове Бананери в бухте и проверили их запасы пороха, опасаясь, что кто-нибудь израсходует его на охоте. Также был издан приказ, согласно которому любой брат, уличенный в трусости, насилии, пьянстве, непослушании, воровстве или отступлении от основной массы, должен лишиться своей доли в добыче Гранады.

25-го числа французы и англичане отплыли на пирagua и каноэ, 345 человек, и высадились на ровном берегу, следуя за хорошим проводником, который вел их два дня через лес. Однако они были замечены рыбаками, которые встревожили город, уже получивший сведения об их походе из Леспарсо. Сильная усталость заставила их отдохнуть вечером 9-го числа на сахарной плантации, принадлежащей рыцарю Святого Иакова, которого они слишком устали, чтобы преследовать.

10-го числа они увидели на далеком озере Никарагуа два корабля, увозившие все богатства города на соседний остров. От пленного они узнали, что жители сильно укрепились на рыночной площади, охраняемой четырнадцатью пушками и шестью патереро, и что шесть конных отрядов ожидают нападения на них с тыла.

Эта информация, которая усыпила бы мужество любого, кроме буканьеров, подтолкнула их к атаке еще быстрее. В два часа пополудни они вошли в город по трупам отряда, ожидавшего их в засаде, и отправили отряд на разведку форта. Скирмишеры, сделав несколько выстрелов, вернулись и сообщили, что к форту ведут три улицы, и все решили сосредоточиться на одной из них.

Луссан описывает эту сцену, очевидцем которой он был, слишком наглядно, чтобы ее можно было сократить. "После того как мы увещевали друг друга, - говорит он, - чтобы мы храбро сражались, мы продвигались в хорошем темпе по направлению к упомянутому укреплению. Как только подсудимые увидели нас на расстоянии хорошего пушечного выстрела, они открыли по нам яростный огонь; но, заметив, что при каждом выстреле из их больших пушек мы салютуем им до самой земли, чтобы их выстрелы пролетели над нами, они придумали фальшиво заряжать их, чтобы мы могли поднять наши тела, когда притворство закончится, и таким образом быть действительно удивленными их настоящей стрельбой. Как только мы обнаружили эту хитрость, мы расположились вдоль домов и, поднявшись на небольшой подъем, который был садовым участком, обстреливали их оттуда так открыто в течение полутора часов, что они были вынуждены покинуть свои позиции, чему наши выносливые парни, добравшиеся до подножия их стен, способствовали еще больше, чем другие, беспрестанно забрасывая их ручными гранатами, так что наконец они ушли к большой церкви или башне, но ранили нас несколько человек. Как только наши люди, взбравшиеся на указанную возвышенность, увидели, что враг бежит, они призвали нас перепрыгнуть через стены, что мы и сделали, но они последовали за нами, и таким образом мы стали хозяевами города, из которого они бежали, потеряв много людей. С нашей стороны было только четыре человека убитых и восемь раненых, что, по правде говоря, было очень дешево. Когда мы вошли в форт, то обнаружили, что он способен вместить 6000 человек; он был обнесен стеной, такой же, как та, о которой нам рассказали наши пленники. Она была пробита множеством отверстий, чтобы казнить нападающих, и хорошо снабжена оружием. Та ее часть, что выходила на улицу, через которую мы ее атаковали, была защищена двумя пушками и четырьмя патереро, не говоря уже о нескольких других местах, сделанных в стене, через которые они просовывали орудия, сделанные специально для того, чтобы ломать ноги тем, кто отважится подойти к ней; но они, с помощью наших гренадеров,

оказались для них бесполезными. После того как мы пропели *Te Deum* в большой церкви и поставили четырех часовых на башне, мы разместили наш караул в крепких домах, которые также заключены в оружейной палате, и там собрали все боеприпасы, которые смогли достать, а затем мы пошли осматривать дома, где не нашли ничего, кроме нескольких товаров и провизии, которую мы отнесли в наш караул".

На следующий вечер 150 человек были отправлены на дальнюю сахарную плантацию, чтобы захватить несколько знатных дам с сокровищами; но на следующий день пришел монах, чтобы договориться о выкупе, который они потребуют за сохранение города. К несчастью, испанцы захватили бродягу-буканьера, который рассказал им, что его спутники никогда не собирались сжигать это место, а намеревались пробыть здесь несколько месяцев и вернуться в Северное море, к озеру Никарагуа. Отказавшись от выкупа, вольные разбойники в отместку подожгли дома. Если бы у французов действительно были только каноэ, чтобы захватить два корабля на острове и получить сокровища, они, несомненно, осуществили бы этот план. Для горстки голодных людей, без еды и без кораблей, даже сады Гранады казались ненавистными.

Покинув город, буканьеры взяли с собой одну пушку и четыре патереро, , запряженных волами, и вынуждены были пробиваться к берегу через саванну на протяжении двадцати лиг в окружении 2500 испанцев, жаждущих их крови. В любом месте враг бежал при первом же выстреле. От одного из пленных они узнали, что в стене форта замуровано полтора миллиона восьмерок, хранившихся в качестве выкупа, но мужчины не испытывали никакого желания возвращаться. Вскоре им пришлось оставить пушки: волы задохнулись от пыли, изнемогли от жары и умирали от жажды; но патереро все еще тащили мулы. В маленькой деревушке Массайя, расположенной неподалеку от озера, индейцы приняли их с распростертыми объятиями, лишь попросив не жечь их хижины.

Вся вода в деревне была испорчена испанцами, но туземцы принесли им столько, сколько им было нужно. Пока они лежали здесь, к ним пришел испанский монах, чтобы добиться освобождения священника, который был захвачен вооруженным и с карманами, набитыми отравленными пулями. Они отказались выдать его только в обмен на одного из своих людей. На следующий день, выйдя из леса на равнину, они подверглись нападению 500 человек, собравшихся на подъеме, которыми командовал их испанский дезертир. Каждая сторона выставила кровавые флаги, но авангард с удивительной храбростью отбил их и захватил пятьдесят лошадей. Враги бежали, бросив оружие и раненых, и оказались вспомогательными войсками из Леона. Еще через три дня они достигли берега и, отдохнув несколько дней, чтобы запастись провизией, отплыли в Реалегуа, где собрали провизию и 100 лошадей. Затем они сожгли город Гинандего, несмотря на 200 солдат и укрепление, потому что жители противились их приходу. Однако и здесь они испытывали большие затруднения с провиантом: коррегидор Леона приказал всем сжигать провиант, где бы ни высадились буканьеры.

В тот же день в полдень часовые зазвонили в колокол тревоги на шпиле и сообщили, что 800 человек из Леона движутся через саванну, чтобы сразиться с ними. Мужчины, выскочив из домов, сразу же отправились в путь, 150 человек под красными знаменами, и после нескольких выстрелов отогнали врага.

Теперь в советах флибустьеров начались разногласия. 148 французов и все англичане во главе с капитаном Таунли решили подняться до Панамы, чтобы проверить, возобновилась ли навигация. 148 французов под командованием капитана Гронье решили спуститься ниже на запад и перезимовать на одном из островов, дожидаясь ослабления дождей и южных

ветров. Затем барки, каноэ и провиант были разделены, а хирурги принесли отчеты о раненых и калехах. Оказалось, что калек было четверо, а раненых - шестеро: последним выдали по 600 кусков восьмерки на человека, а первым - по 1000, то есть ровно все деньги, которые тогда были в наличии.

Равенау присоединился к Панамской дивизии, которая, снова добравшись до своих старых мест на острове Сент-Джон, забрала пленного, который сбежал, когда они были там в последний раз, и приступила к высадке и захвату города Вилья со 160 людьми. Продвигаясь с большой скоростью, они достигли города через час после восхода солнца и, удивив жителей массой, взяли 300 пленных. Затем они попытались захватить три барка, лежащие в реке, но испанские моряки потопили один из них и разрушили такелаж двух других. Собрав все товары города, оставленные флотом, захватчики обнаружили, что они составляют полтора миллиона, оцененные в 15 000 кусков по восемь монет из хорошего серебра. Однако большая часть сокровищ была зарыта, и испанцы предпочли скорее умереть, чем признаться в своих тайниках.

На следующий день отряд из четырехсот человек был отправлен перегнать вьючных лошадей на берег реки, чтобы погрузить добычу на два испанских каноэ. Они не надеялись получить какой-либо выкуп за город, так как алькальде-майор прислал к ним сказать, что единственным выкупом он может дать только порох и шары, которых у него много; что что касается пленников, то он должен вверить их в руки Божьи, и что его люди готовятся как можно быстрее, чтобы иметь честь увидеть их. Получив такой дерзкий ответ, буканьеры в ярости расстреляли город и двинулись к реке. Поскольку испанские засады не позволяли лодкам подойти к ним, искатели приключений посадили девять человек на борт лодок, а сами пошли рядом с ними, чтобы уберечь их от нападения. С другой стороны, неизвестно откуда взявшиеся и скрытые деревьями, шли 900 испанцев. Когда они прошли около лиги, непроходимая чаща заставила их отступить примерно на 200 шагов, что повлекло за собой потерю всего награбленного в Вилье.

Прежде чем покинуть лодки, капитан приказал экипажам остановиться чуть выше, где лежали три испанские барки, и попытаться их увести. Прибыв туда, они были застигнуты врасплох засадой, и, поскольку они защищались от испанцев, течение отбросило их за три барки и далеко от основной массы. Видя их беспомощность, противник произвел по ним шестьдесят мушкетных выстрелов, убив четырех человек и ранив одного. Остальные, бросив каноэ, переплыли на другой берег реки, а дюжина индейцев вброд доставила лодку испанцам; отрубив голову раненому, они повесили ее на шест у берега.

Буканьеры, не слышавшие стрельбы, вернувшись к реке, с удивлением увидели, что каноэ нет, и, пока ждали, пока они поднимутся, так как предполагали, что те отстали, гребцы, которым удалось спастись, пробрались бездыханными через заросли и рассказали свою историю. К счастью, во время бегства через лес они обнаружили рули и паруса трех барков, на которые тут же сели буканьеры, и отправили пятьдесят шесть человек на берег, чтобы вернуть снаряжение, договорившись, что каждый должен выстрелить из трех пушек в качестве сигнала. Вскоре после того, как они высадились на берег, послышался выстрел из 500 орудий, но прежде чем они смогли достичь врага, испанцы скрылись. Выйдя на берег на следующий день, они обнаружили, что оба каноэ разбиты на куски, а тела погибших сильно изуродованы: голова одного была насажена на шест, а тело другого сожжено в огне. Эти зрелища так разъярили буканьеров, что они тут же отрубили головы четырем пленникам и насадили их на шесты в том же месте. Своих же мертвецов они везли с собой, чтобы похоронить на берегу моря - подходящее место для погребения моряков. Трижды им приходилось высаживаться на берег, чтобы прорваться через засаду в устье реки, и в

последней атаке они потеряли трех человек. С испанцем, который поднялся на борт, они договорились о выкупе в 10 000 кусков восьмерки, но пригрозили убить всех пленников, если деньги не будут принесены в течение двух дней. Когда упрямый алькальде захватил заложников, отправленных на берег за деньгами для освобождения их жен, буканьеры отрубили головы двум пленникам и отправили их в город, заявив, что если выкуп не будет выплачен, они подадут остальным то же самое, а посадив женщин на остров, придут и захватят алькальде. В тот же вечер пришло обещание заплатить все выкупы и, кроме того, приводить каждый день, пока они остаются, десять волов, двадцать овец и 200 фунтов муки. За огнестрельное оружие буканьера, которое враг притворился потерянным (ведь испанцы очень любили французское оружие), они заплатили 400 кусков восьмерки. Они также купили один из захваченных барков за 600 восьмерок и 100 фунтов гвоздей, в которых авантюристы очень нуждались, но снасти и якоря не были сданы. Они также получили флибустьерский паспорт, согласно которому барк не должен быть возвращен, хотя его груз может быть конфискован. Получив на прощание подарок в виде 100 соленых тушканчиков, французы отплыли из этого многострадального места. Боясь высаживаться на континент, который охраняли 4000 человек, они воздерживались, пока, почти умирая от жажды, не спустились с 200 матросами, прогнав испанцев, которых они нашли лежащими на траве примерно в 100 шагах от моря.

Луссан говорит, что они увидели, что "мы были людьми, которые готовы рискнуть всем ради малого дела".

Высадившись в полночь на небольшом острове близ мыса Пин, они были обнаружены ловцами жемчуга, но на рассвете им все же удалось захватить корабль. От пленных они узнали, что испанцы недавно разбили тридцать шесть французов и англичан из Перу, которые пытались пройти в Северное море по реке Бокка-дель-Чика. Две партии англичан, по сорок человек в каждой, направлявшиеся в Южное море, также подверглись резне, все, кроме четырех, были взяты в плен в Панаме. Чтобы уравновесить эти дурные предзнаменования, со всех сторон к буканьерам приходили известия о призах. В реке Бокка-дель-Чика стоял барк, ожидая 800 фунтов золота из шахт, чтобы доставить его в Панаму. Ожидались также два корабля с продовольствием и деньгами для гарнизона Лимы; а от пленника (шпиона, как выяснилось впоследствии), захваченного на Королевских островах, они узнали, что в реке Сеппа лежат два торговых барка и пирагуа с шестьюдесятью индейцами, а также фрегат и разведывательная галера под пушками Панамы.

Сильно нуждаясь в судах и не подозревая о пленнике, четыре каноэ сразу же были отправлены вырезать барки Панамы, причем "греческий" солдат охотно пошел с ними в качестве проводника. Они прибыли за два часа до рассвета, и луна светила очень ярко они ждали, пока облако заслонит ее, видя, как им казалось, ожидаемый приз, лежащий неподалеку с распушенными парусами. По чистой случайности авантюристы, чтобы не терять времени, преследовали судно, только что вышедшее из порта, приняв его за галеру-разведчика, и взяли его без единого выстрела. При допросе капитан признался, что их проводник - командир греческой пирагуа, и губернатор Панамы обещал большое вознаграждение за то, что они предадут его в руки. Корабль, который они увидели, был просто фикцией из досок и парусов, построенный на твердой земле, всего в пистолетном выстреле от порта. Они предположили, что буканьеры, желая захватить его, будут грести к нему, отгоняя свои каноэ далеко от берега, и надеялись одолеть их прежде, чем они сойдут на берег. Греческий капитан, которого сразу же опознали как шпиона, был, по словам Рингроуза, "отправлен на тот свет, куда он намеревался отправить нас". Затем флот направился к островам Оттокуа и Тавога, потеряв двух человек во второй засаде греков на

Сеппе, но захватив на своем пути барк из Наты, груженный провизией, после нескольких выстрелов из мушкетов испанский капитан вплавь добрался до берега. Из Тавоги они послали губернатору Панамы сообщение, что если он немедленно не выдаст пять своих английских и французских пленников, то они немедленно предадут смерти пятьдесят испанских пленников.

Затем они снова бросили якорь у Королевских островов и отправили галеру и четыре каноэ вверх по реке Бокка-Чика, чтобы узнать, заключили ли индейцы мир с Испанией или нет, и уничтожить засаду из ста испанцев, которые, как они слышали, поджидали на берегу тридцать вольных разбойников, направлявшихся с юга в северную часть Тихого океана. Быстро несясь по течению, проводник, заставив их грести быстрее перед самым рассветом, привел их, к их удивлению, к изгибу реки, напротив лагерных костров врага. Проводник, которого окликнули, ответил, что они из Панамы; спросив имя командира, он замешкался, подбирая подходящее название, и получил в ответ залп. Буканьеры, оттеснив врага двумя патереро, быстро прошли мимо него и, бросив якорь вдали от берега, стали ждать прилива и отлива. Убрав всех своих людей на палубу, авантюристы вернулись примерно за час до рассвета, отсалютовав им четырьмя выстрелами из патереро, когда они проходили мимо, и не получив в ответ никаких повреждений. На следующий день, захватив небольшое индейское судно, буканьеры высадились ниже по реке, намереваясь захватить испанские укрепления в тылу; но, увидев, что враг выставляет пирагуа для нападения на их галеру, они поспешно вернулись и высадились напротив испанского сторожевого поста, убив множество людей и изгнав остальных. Они также застрелили индейца, который, приняв их за испанцев, последовал за ними и ругал их, когда они высаживались на берег. Пленные рассказали им, что соседний город Террибль был готов к их приходу. В окопе было найдено письмо начальнику лагеря в Террибле. Оно заключалось в следующем: "Я послал тебе 300 человек для победы над этими врагами Бога и добра; будь начеку, бойся неожиданностей, и твои люди непременно одержат над ними победу". Пленники также заставили их быть начеку многих засад и тайных опасностей. Сжегши караульное помещение и унеся с собой пирагуа с несколькими фунтами золотой пыли, буканьеры ушли, уволив индейцев, чтобы умиловить народ, получивший от президента Панамы поручение вооружить против них каноэ. Во время спуска по реке, положив на палубу несколько испанских пленников, чтобы обмануть индейцев, пришли несколько туземцев и принесли им золотую пыль, приняв их за друзей. Через несколько дней после этого сорок испанских пленников, высаженных на берег Королевских островов, случайно встретили несколько каноэ и бежали в Панаму.

Теперь французы снова были застигнуты врасплох, как и раньше: три вражеских судна подошли под прикрытием одного из островов. Отважившись на опасный проход между островом Тавагилья и скалой, буканьеры наконец-то получили погодный манометр. Бой продолжался до полудня, и испанцы были отбиты при всех попытках взять их на abordаж. Бросая гранаты в самый большой корабль, один из них поджег порох и сжег множество людей; во время этого смятения искатели приключений взяли на abordаж врага, который сплотился на корме и оказал энергичное сопротивление, но в конце концов попросил четвертовать его. Второе судно было в то же время захвачено. Третье судно, своего рода галера, преследуемое тремя судами буканьеров, выбросилось на берег и разлетелось на куски; немногие из команды спаслись, не более дюжины, как считает Рингроуз. На фрегате было убито и ранено восемьдесят человек из 120 находившихся на борту. На втором корабле из восьмидесяти человек не пострадали только восемнадцать. Все офицеры были убиты и ранены, а капитан получил не менее пяти мушкетных выстрелов. Это был тот самый солдат, который получил пять ран, сопротивляясь им в Пуэбла-Нуэва, и он же спланировал засаду в Вилье.

Пока они деловито срачивали такелаж и выбрасывали мертвых за борт, со стороны Панамы показались еще два паруса. Англичане тут же вывесили испанские флаги, чтобы заманить их, а под ними разместили французов и англичан. Когда враги приблизились, они получили залп и, поспешно отстреливаясь, сразу же побежали к фрегату, который они считали еще своим. Фрегат ответил несколькими гранатами, которые отправили один из них на дно, а пирagua взяли на abordаж другой и, обнаружив на борту четыре пачки недоуздок, в отместку предали всю команду смерти. Им было приказано не щадить никого, кроме хирургов-буканьеров, и послать конные отряды, чтобы перебить всех, кто спасется на каноэ. На следующий же день они захватили шаланду из Панамы, которую президент послал поднять якорь, оставленный авантюристами в бухте. В схватке был убит только один буканьер, но капитан Таунли и двадцать человек были ранены, и большинство из них умерли, так как испанцы отравили их пули. Теперь они отправили к президенту пленника, требуя от него пять пленников и медикаменты для использования его собственными людьми. Посланнику также велели сильно жаловаться на расправу над тремя партиями в Дарьене.

На эти уговоры офицер прислал следующий ответ: "Господа, я удивляюсь, что вы, которые должны понимать, как вести войну, требуете от меня тех людей, которые находятся под нашей опекой. Ваше безрассудство противоречит той вежливости, с которой вы должны были бы обращаться с людьми, находящимися в вашей власти. Если вы не будете использовать их должным образом, Бог, возможно, будет на нашей стороне". На это они ответили угрозой обезглавить всех своих пленников без пощады; и, сделав это, сразу же отплыли к Перикотским островам, опасаясь испанских огнестрельных кораблей. Епископ Панамы, который, как они знали, подстрекал президента к войне, прислал письмо, в котором умолял их проявить милосердие, говоря, что у президента есть приказ короля не возвращать пленных, и что англичане, перейдя в католичество, не хотят покидать Панаму.

На это буканьеры отправили президенту двадцать голов испанцев в каноэ, угрожая убить всех остальных, если пленники не будут восстановлены к следующему дню. Очень рано утром следующего дня прибыли пленники, четыре англичанина и один француз, с лекарствами для раненых, и президент предоставил их чести дать столько людей, сколько они выберут в обмен. Они сразу же отправили дюжину самых раненых на берег, обвинив президента в том, что он является убийцей двадцати убитых ими людей, и угрожая смертью остальным, если за них не будет заплачено 20 000 кусков восьмерки в качестве выкупа. Сначала испанцы пытались заставить их заплатить только 6000, но когда буканьеры вывесили свой главный флаг, выстрелили из пушки и приготовились войти в порт, они вывесили белый флаг на бастионе и пообещали деньги в ближайшее время. На следующий день мальтийский рыцарь приплыл на барке с деньгами и принял пленников. Остановившись в Оттокуа для пополнения запасов на кораблях, испанцы высадились ночью и убили своих проводников-индейцев. На следующий день французы преследовали судно с провизией до самых пушек Панамы, когда гарнизон поднял на бастионе бургундский флаг и по ошибке открыл огонь по собственному судну, которое и захватили буканьеры. Высадив на берег девятнадцать пленников, они снова попытались заставить Вилью врасплох, но потерпели неудачу, обнаружив, что все жители в оружии, а из Панамы недавно прибыло подкрепление в 600 человек. Затем они взяли город Сан-Лоренцо и, застав его в сумерках, сожгли. Они узнали, что испанцы получили приказ отгонять скот от берега моря, устраивать засады и получать от женщин сведения о передвижениях буканьеров. Страшный шторм, настигший флот в заливе Бокка-дель-Торо, побудил Луссана с наивным филантропизмом сказать своим читателям: "Если вы хотите войти в него безопасно, вы должны держать хлыст руля по правому борту, потому что опасно держаться восточной стороны". Здесь же тот же автор приводит следующую черту флибустьерских нравов: - "25-го числа, в день Рождества, после

того как мы, по обычаю, помолились ночью, один из наших квартирмейстеров сошел на берег, чтобы позаботиться о том, чтобы мы поели немного провизии (так как наши корабли тонули, и вся провизия была вывезена), один из наших пленников, служивший у нас поваром, ударил его ножом в шесть мест, отчего он закричал, и ему сразу стало легче, а убийца был наказан смертью."

1 января 1687 года, оставив свои корабли в бухте Калдайра, буканьеры посадили 200 человек на каноэ и переправились на остров Ла-Канья.

Коварный проводник, под предлогом спрятать их в укрытии, завел их в болото, где грязь в самых глубоких местах поднималась выше середины тела; пять человек, тонувших по самые подбородки, были вытащены веревками, привязанными к ветвям мангровых деревьев. Люди, желая спастись, подняли своего проводника на вершину дерева, чтобы при свете луны узнать, где начинается суша. Но он, оказавшись на свободе, скакал, как обезьяна, от дерева к дереву, набрасываясь на них и высмеивая их беспомощность. Всю ночь они потратили на то, чтобы обойти это болото на сто шагов, а на рассвете вылезли из него, вымазанные с ног до головы, с огнестрельным оружием, набитым грязью. "Когда мы были в состоянии, - говорит Луссан, - немного поразмыслить о себе и увидели 200 человек в такой же одежде, так любопытно экипированных, среди нас не нашлось ни одного, кто не забыл бы о своем труде, чтобы посмеяться над позой, в которой оказались и он сам, и остальные".

Поругавшись со своим проводником, они вернулись к своим каноэ, и прошли две лиги вверх по реке до укрепления, где обнаружили остатки двух судов, сожженных испанцами за некоторое время до этого при приближении Бетшарпа, английского вольного разбойника. Ориентируясь по лаю собак, они захватили город Санта-Каталина и, посадив шестьдесят человек на лошадей, вошли в Никойю и изгнали врага, захватив с собой тарелки и имущество губернатора. Здесь они нашли несколько писем от президента Панама, в которых описывались действия "этих новых турок", как они высадились в местах, где море было так высоко, что не было выставлено ни одного часового, и прошли через леса, как дикие звери. В письмах говорилось, как сильно испанцы были поражены манерой нападения буканьеров - "быстро наступать, петь, танцевать, как будто они собирались на пир"; их также описывали как "врагов Бога и Его святых, которые оскверняют Его церкви и губят Его слуг". В одном сражении, говорится в книге, будучи заблокированными, "они стали как бешеные псы". Всякий раз, когда эти безрелигиозные люди ступают на землю, они всегда одерживают победу".

Высадившись в Калдайре, дозорные подожгли саванны, через которые они прошли к Леспарсу и к Карфагену, но отступили, услышав о 400 людях и укреплении. Спрятав пять человек в траве, они схватили испанского солдата, который их оскорбил, и, поставив его на дыбу, смеясь над его гримасами боли, узнали, что Гронье находится поблизости, и вскоре услышали пушечный выстрел, к которому он присоединился на трех каноэ.

Теперь он рассказал им о своих приключениях в Напалле. Три моряка, развращенные испанцами, которые взяли их в плен, уговорили его по возвращении посетить золотой рудник, расположенный в четырнадцати лигах от берега моря. По счастливой случайности они добрались туда до засады, взяли несколько пленных и несколько фунтов золота, но 450 фунтов веса были унесены за час до этого. Вернувшись, они обнаружили, что все предатели и пленники сбежали. Затем он высадился в Пуэбла-Вьеха и атаковал засаду и укрепление из 300 человек. Половина из них бежала, половина попала в плен, и три их цвета были взяты, а вольные разбойники потеряли только трех человек. Восемьдесят пять его людей решили посетить Калифорнию, а он сам и его шестьдесят человек вернулись в Панаму. Гронье согласился присоединиться к французской экспедиции и, захватив Куэкилью, проложить

себе путь в Северное море. Они высадились на берег и в третий раз сожгли Никою, и здесь Луссан угощает нас забавным кусочком суеверия буканьеров. Он говорит: "Хотя мы были *вынуждены* наказывать испанцев таким образом, мы проявили себя очень аккуратными в сохранении церквей, в которые мы переносили картины и изображения святых, найденные нами в отдельных домах, чтобы они не подвергались ярости и сожжению англичан, которым такие меры предосторожности были не по душе; они были людьми, которые получали больше удовольствия и наслаждения от того, что одна церковь сгорела, чем все дома Америки вместе взятые. Но поскольку теперь была наша очередь быть более сильной стороной, они не смели делать ничего, что умаляло бы наше уважение ко всем этим вещам". На французов пришлось пробиваться через горящие саванны, но они благополучно добрались до своих кораблей, высадив на следующий день на берег сорок пленников, которые были слишком пригодны для содержания.

Теперь между англичанами и французами возникло новое разногласие, и первые, настаивая на первом взятом призе, снова разделились, Гронье остался с первыми: всего на фрегате и длинном барке было 142 человека, а на корабле Равенау - 162. Оба судна пытались обогнать друг друга и первыми достичь Куэкиллы, но французы, обнаружив, что англичане превосходят их в скорости, решили сопровождать их, поскольку у них было так мало продовольствия, что они были вынуждены есть только раз в сорок восемь часов, и, если бы не дождевая вода, умерли бы от жажды. У берегов Санта-Элены они догнали корабль и обнаружили, что это приз, груженный вином и кукурузой, недавно захваченный людьми капитана Давида, поскольку они совершали спуски вдоль побережья, в Писке отбили 800 человек из Лимы, а также захватили множество кораблей, которые разграбили и отпустили. Набрав 5000 кусков по восемь на человека, отплыли к Магеллану, и по дороге многие из них проиграли все, что имели, в азартные игры. Те, кто выиграл, присоединились к Уилнету и вернулись в Северное море; проигравшие же, шестьдесят англичан и двадцать французов, присоединились к Дэвиду и решили остаться и добыть еще больше трофеев на юге. Генри и Сэммс отправились в Ост-Индию. Восемь человек из команды Давида, которые командовали призом, присоединились к ним против Куэкиллы. Спустив паруса, чтобы их не заметили, они бросили якорь у Белого мыса и в десять утра посадили 260 человек в свои каноэ. 15-го числа на закате они достигли скалистого острова Санта-Клара, а 16-го весь день отдыхали, ослабев от долгого голодания, на острове Ла-Пуна, избегая обнаружения сорока дозорных. 17-е число они провели на том же острове и организовали атаку. Капитан Пикар с пятьюдесятью бойцами возглавил эту жалкую надежду, еще один капитан и восемьдесят гренадеров составили резерв. Капитан Гронье с основным отрядом должен был стать хозяином города и порта, а английский капитан Джордж Хьюит, с пятьюдесятью людьми, - атаковать меньший форт; при этом 1000 штук восьмерок было обещано первому прапорщику, который водрузит цвета на большой форт. Они вышли из своего укрытия вечером и надеялись добраться до города к рассвету, но, получив лишь три часа благоприятного прилива, вынуждены были весь день оставаться на острове, а ночью, выплыв на веслах, были настигнуты уже засветло, когда дозорный, увидев их, поджег коттедж и встревожил своих товарищей. Пройдя через лес к костру, они убили двух испанцев и взяли в плен мальчика. Пробыв в укрытии весь день, они решили, что их не обнаружили, поскольку город не ответил на сигнал о пожаре, и ночью поплыли вверх по реке - быстрое течение вынесло их на четыре лиги за два часа. Весь 19-й день они провели под прикрытием острова в реке, а ночью пошли вверх по течению, не гребя, боясь встревожить дозорных. Они тщетно пытались зайти за город, с наименее охраняемой стороны, но прилив заставил их высадиться за два часа до наступления дня, на пушечный выстрел от города, где они могли разглядеть горящие огни, так как испанцы жгли лампы всю ночь. Они высадились в болотистой местности, и им пришлось прорубать путь через кусты своими саблями. Вскоре они встретили часового и обнаружили, что один из

людей, оставленных охранять каноэ, вопреки приказу разжег фонарь, чтобы раскурить свою трубку. Дозорный, зная, что у его соотечественников это карается смертью, заподозрил врагов и выстрелил из патеро, на что форт ответил выстрелом из всех своих пушек. Буканьеры, застигнутые бурей, вошли в большой дом неподалеку, чтобы зажечь спички своих гранат и дождаться дня, а враг непрерывно стрелял, бросая вызов. 20-го числа, на рассвете, они вышли в полном порядке, с барабанами и цветами, и обнаружили 700 человек, ожидавших их за стеной высотой в четыре с половиной фута и рвом. Убив многих буканьеров, враг осмелился выступить с мечом в руках и был сразу же обращен в бегство. Несмотря на то, что мост был разрушен, преследователи перебрались через ров и, добравшись до подножия стены, забросали ее гранатами и загнали врагов в их дома. Вытесненные и оттуда, они бежали в редут на площади Вооруженных Сил, а оттуда, после часового боя, в третий форт, самый большой из всех. Здесь они долго оборонялись, непрерывно стреляя по врагам, которые не могли видеть их из-за дыма. Из этих палисадо они снова открыли огонь, ранили нескольких буканьеров и взяли одного в плен. В конце концов они отступили с большими потерями.

Флибустьеры, утомленные одиннадцатичасовым боем и обнаружив, что их порох почти израсходован, пришли в отчаяние, но, удвоив усилия, с некоторыми потерями овладели этим местом, имея девять человек убитыми и дюжину ранеными. Затем были посланы отряды для преследования беглецов, и гарнизон был размещен в большом форте, а римско-католическая часть группы отправилась петь *Te Deum* в большой церкви.

Бэзил Холл описывает Гуаякиль так: с одной стороны - большое болото, с другой - большая река, а вся страна на протяжении почти 100 миль представляет собой сплошное ровное болото, густо поросшее деревьями. Река широка и глубока, но полна мелей и странных поворотов, леса, растущие у самой кромки воды, стоят близко, темные и неподвижные, как две огромные черные стены; а по берегам дует горячий ветер, дышащий смертью, разложением и гниением.

Город был обнесен стеной, а форты построены на возвышенности. Дома строили из досок и возводили на сваях из-за частых наводнений. Главной торговлей здесь было какао.

Буканьеры взяли 700 пленных, включая губернатора и его семью. Сам он был ранен, как и большинство его офицеров, которые сражались лучше, чем все 5 000 мужчин этого места. В городе было много товаров, драгоценных камней, серебряных пластин и 70 000 штук восьмерок. Во время взятия форта было спрятано еще до трех миллионов. Как только подошли каноэ, их отправили в погоню за сокровищами, но было уже поздно. Однако они захватили 22 000 штук восьмерок и позолоченного орла цвета лазури, весом 66 фунтов, который служил скинией для какой-то церкви. Он был редкой работы, а глаза были сформированы из двух больших "камней изумрудов". В порту находилось четырнадцать барков - галеры, с которыми они сражались при Пуэбла-Нуэва, и два королевских корабля, недостроенных на складах. В качестве выкупа за все это губернатор пообещал миллион восемь кусков золота и 400 мешков кукурузы, потребовав отпустить генерального викария, чтобы тот отправился в Кито и закупил их.

Женщины города, очень красивые, были убеждены своими исповедниками, что буканьеры - чудовища и каннибалы, и прониклись к ним ужасом и отвращением. "Они не могли избавиться от этого, - говорит Луссан, - пока не узнали нас получше. Но тогда я могу смело сказать, что они питали совсем иные чувства к нашим персонам и приводили нам частые примеры столь бурных страстей, доходивших иногда даже до безрассудства". В качестве

доказательства клеветы, распространяемой против безжалостных завоевателей, Луссан рассказывает следующее: "Не из случайной истории, - продолжает он, - я узнал, какое впечатление произвело на этих женщин то, что мы были мужчинами, которые могли бы их съесть; на следующий день после взятия города мне в руки случайно попала молодая девушка, которая ждала губернатора этого места. Когда я нес ее к месту, где содержались остальные пленники, и для этого заставил ее идти впереди меня, она обернулась и со слезами на глазах сказала мне на своем языке: "Senor, pur l'amor di Dios ne mi como", то есть "Молитесь, сэр, ради Бога, не ешьте меня"; тогда я спросил ее, кто сказал ей, что мы привыкли есть людей? Она ответила: "Отцы", которые также заверили их, что мы не имеем человеческого облика, а похожи на обезьян".

21-го числа часть города случайно сгорела из-за того, что некоторые мужчины разожгли огонь в одном из домов и оставили его непотушенным, когда возвращались ночью в караульный двор. Опасаясь, что огонь доберется до места, где они хранили порох и товары, французы перенесли все награбленное на свои суда, а пленных доставили в форт, но только после этого попытались спасти город, третья часть которого к тому времени была разрушена. Боясь, что испанцы теперь откажутся платить выкуп, они обвинили их в этом, угрожая прислать пятьдесят голов пленных, если они не заплатят им то, что потеряли от пожара. Враг, удивленный этим, приписал поджог предателям и пообещал сатисфакцию. Вонь от 900 мертвых туш, до сих пор лежащих непогребенными вдоль и поперек города, стала вызывать мор, и буканьеры разобрали и забили пушки шипами, а 500 пленных унесли на свои корабли, бросив якорь в Пуне. Вскоре после этого капитан Гронье умер от ран. Испанцы получили еще четыре дня передышки, а затем, еще больше затягивая выкуп, авантюристы заставили пленников бросать кости на жизнь и, отрубив головы четверым, отправили их в Куэакилью, угрожая новыми смертями. Теперь к ним присоединился капитан Дэвид с недавно захваченным призом. Он планировал напасть на Паиту, чтобы достать провизию для нескольких человек, раненых в бою с испанским кораблем "Каталина" у Лимы. Они сражались два дня, причем люди Давида, будучи пьяными, постоянно оказывались с подветренной стороны и двадцать раз терпели неудачу при попытке взять корабль на abordаж. Испанцы, набравшись храбрости после этих неудач, подняли кровавый флаг; но на третий день Давид, протрезвев, привел в порядок снасти и такелаж, встал с подветренной стороны и решительно пошел на abordаж. Враг в ужасе выбежал на берег и через два часа разлетелся на куски. Двое мужчин спаслись на каноэ и рассказали, что их капитану пушечным ядром пробило бедро. Корабль Дэвида, нуждающийся в ремонте, был нанят для крейсирования в бухте, чтобы предотвратить неожиданности со стороны испанцев. Из письма, полученного от курьера, они узнали, что жители Кеакильи лишь пытаются выиграть время.

Буканьеры провели тридцать дней на острове Ла-Пуна, питаясь роскошной пищей, привезенной из Куэкильи, и нанимая пленников с лютнями, теорбами, арфами и гитарами, чтобы радовать их вечными концертами и серенадами. Луссан говорит: "Некоторые из наших мужчин очень сблизилась с нашими пленными женщинами, которые, не предлагая им никакого насилия, не скупилась на их услуги, и, как я уже отмечал, оказалось, что, узнав нас, они не сохранили всей той неприязни к нам, которая была привита им, когда мы были для них чужими. Все наши люди были так очарованы этим образом жизни, что забыли о своих прошлых страданиях и думали об опасности со стороны испанцев не больше, чем если бы они находились в центре Парижа".

Равенау также рассказывает нам о своем личном любовном приключении, которое мы приводим в качестве любопытной иллюстрации превратностей жизни искателя

приключений в Южных морях. "Среди прочего, - говорит он, - у меня было одно симпатичное приключение. Среди прочих пленников у нас была молодая джентльменка, недавно ставшая вдовой казначея города, который был убит при его захвате. Эта женщина, казалось, так утешилась своей потерей, из жестокосердия, которое они питают друг к другу в этой стране, что предложила спрятать меня и себя в каком-нибудь уголке острова, пока наши люди не уйдут, а затем она приведет меня в Куакилю, чтобы я женился на ней, чтобы она обеспечила мне должность своего мужа и наделила меня его имуществом, которое было очень велико. Поблагодарив ее за столь любезные предложения, я дал ей понять, что боюсь, что ее интересы не одержали верх над обидами испанцев, и что раны, полученные ими от нас, еще слишком свежи и зелены, чтобы они могли их легко забыть. Она постаралась избавить меня от подозрений, тайно получив от губернатора и главных офицеров обещания, что они будут обращаться со мной любезно. Признаюсь, я был в некотором недоумении, и столь настойчивые свидетельства благосклонности и дружбы ко мне привели меня, после небольшого совета с самим собой, в такое затруднительное положение, что я не знал, с какой стороны к ней подступиться; Но в конце концов я почувствовал, что склоняюсь к тому, чтобы принять предложение, и у меня было две веские причины, побуждавшие меня к этому, одна из которых заключалась в жалкой и томительной жизни, которую мы ведем в тех местах, где мы находимся в вечной опасности потерять ее, от которой я должен был освободиться, получив выгодное предложение красивой женщины и значительного поселения: другая проистекала из отчаяния, что я когда-либо смогу вернуться в свою страну из-за отсутствия кораблей, пригодных для этой цели. Но когда я стал размышлять об этих вещах с большей свободой и внимательностью и решил для себя, что не стоит доверять обещаниям и вере столь вероломной и злопамятной нации, как испанцы, и особенно людям в нашем положении, с которыми они так плохо обращались, это второе размышление перечеркнуло первое, и даже все преимущества, предложенные мне этой дамой. Но как бы там ни было, я решил, несмотря на горе и слезы этой милой женщины, предпочесть продолжение моих бед (с лучиком надежды снова увидеть Францию), чем вечное подозрение, которое я должен был иметь в отношении какого-то предательства, задуманного против меня. Таким образом, я отклонил ее предложения, но так, чтобы заверить ее, что я должен сохранить, пока я жив, живое воспоминание о ее привязанности и добром расположении ко мне".

После некоторых переговоров со священником жителя Кеакильи принесли двадцать четыре мешка муки и 20 000 кусков по восемь золотых. После того как они отказались от выкупа в размере более 22 000 кусков восьмерки, был созван совет, чтобы решить вопрос о предании всех пленников смерти, но в конце концов Равенау, будучи в большинстве, решил пощадить их. Затем они взяли с собой пятьдесят самых богатых пленников на остров Святой Елены, а остальных сдали, заплатив еще 22 000.

Находясь в Ла-Пуне, буканьеры вышли в атаку на две испанские броненосцы, но, не имея пиратуасов, чтобы отбуксировать их на ветер, могли лишь вести канонаду на расстоянии. Французские суда были сильно разбиты, но ни один человек не погиб. На следующий день они сошлись в тесном бою, обе стороны использовали стрелковое оружие и большие пушки, но ни один буканьер не был убит. Испанцы потеряли много людей, и кровь текла из их шпигатов, но они все равно кричали при расставании: "A la mañana, la partida" (завтра, снова). На следующую ночь буканьеры сняли риги и потопили один из своих призов и снарядили другой, укомплектовав его двадцатью французами, которые хотели покинуть Давида. В ту же ночь четверо испанцев захватили один из призов и бежали в Куэкилу. Находясь теперь на расстоянии половины пушечного выстрела, соперничающие суда весь день колотили друг друга; у французов были испорчены снасти и порваны паруса, а фрегат получил пять пушечных выстрелов в фор-мачту и три в грот-мачту, но не имел ни одного

убитого или раненого. На следующий день испанцы подняли бургундские флаги и дали залп из мушкетов, но ни одна из сторон не взяла корабль на abordaj. На следующий день мушкетный огонь буканьеров был настолько разрушительным, что испанцы закрыли свои портовые отверстия и встали против ветра. В тот день французы получили шестьдесят выстрелов в бок, две трети между ветром и водой, такелаж был порван, а Равенау и еще один человек были ранены. Ночью испанцы потерпели неудачу, пытаясь взять корабль на abordaj. Мы провели эту ночь на якоре, говорит Луссан, чтобы остановить пасть наших пушек, которые в противном случае могли бы отправить нас в глубину. К его изумлению, на следующее утро армадильцы бежали. В течение этих нескольких дней губернатор и офицеры Кеакильи были доставлены на палубу, чтобы наблюдать за поражением своих соотечественников.

Затем они вывели пленников на берег и разделили добычу: все вместе составило 500 000 восьмушек, или 15 000 000 ливров, а в долях - по 400 восьмушек на человека. Неочищенное золото и драгоценные камни, ценность которых была неопределенной, были проданы с аукциона, чтобы те, у кого было серебро и кто выиграл в азартные игры, могли купить их. Все, кто ожидал сухопутной экспедиции, стремились приобрести драгоценности, как более портативные и менее тяжелые, чем серебро. Теперь при спуске они искали только золото и драгоценности, совершенно не обращая внимания на серебро как на плохой и тяжелый для переноски металл. Они даже оставили многие вещи в Кеакилье и не послали каноэ за 100 каонами чеканного серебра (всего 11 000 кусков восьмерки), которые были отправлены на противоположный берег реки. Воспользовавшись их безразличием, испанские воры смешались с буканьерами и стали грабить своих соотечественников. Они высадились в Пойнт-Мангла и перебили дозор из пятнадцати испанских солдат, поставленных охранять реку, изобилующую изумрудами. Через несколько дней после этого они захватили судно из Панамы, направлявшееся в Порто-Бельо, чтобы купить негров у пункта Харина. На французский флот напали испанская галера и два пирагуа. От пленного они узнали о 300 французах, которые разбили 600 испанцев и убили их предводителя в саваннах. В бухте Мапалла к ним присоединились эти люди, оказавшиеся частью людей Гронье, которые оставили своих товарищей на побережье Акапулько, отказавшись идти дальше в сторону Калифорнии.

Авантюристы высадились в заливе Текоантепекуа и, разогнав 300 испанцев, расположившихся на возвышенности, двинулись вглубь острова к городу, ночуя под открытым небом. Ничто, кроме голода и отчаяния, не могло спровоцировать эту атаку. Город пересекала большая и очень быстрая река, его окружали восемь пригородов, а обороняли 3000 человек. Буканьеры перешли реку вброд, вода доходила им до середины, и после часового боя вытеснили испанцев из их укреплений. Через два часа эти люди, разъяренные голодом, заняли это место в рукопашной схватке, а затем восемьдесят моряков выбили врага из аббатства Святого Франциска, с террас которого открывался вид на город. Обнаружив, что река переполнена, а выкуп не поступает, буканьеры отплыли на следующий день и, высадившись в Ватулко, взяли в плен старого губернатора Мерида и получили немного провизии. Они также высадились в Муэмелуне и взяли провиант; у испанцев были сильные укрепления, но они не оказали особого сопротивления. На берегу они нашли мушкет и труп матроса фрегата, который пытался высадиться месяц назад. Испанцы не видели тела, иначе они разрезали бы его на куски или сожгли, так как у них было принято раскапывать даже погребенных на их берегу буканьеров. В Сансоннате они высадились на берег перед лицом 600 испанцев, чтобы наполнить свои фляги водой, изнемогая от жажды. Один из мужчин,

более нетерпеливый, чем остальные, и подгоняемый четырехдневной засухой, поплыл к берегу и утонул, никто не смог ему помочь.

Теперь они провели серьезный совет по поводу возвращения по суше. Пленные заявили, что лучший путь - через Сеговию, где они встретят *всего* 5000 или 6000 испанцев, и что этот путь будет легким для больных и раненых. Французы решили высадиться на берег и получить более точные сведения, и это было одно из самых смелых их приключений. Они высадили семьдесят человек и два дня шли, никого не встречая, после чего восемнадцать, менее утомленные, чем остальные, двинулись в путь и вскоре вышли на большую дорогу. Поймав трех всадников, они узнали, что находятся всего в четверти лиги от Чилотеки, маленького городка с примерно 400 белыми жителями, кроме негров, индейцев, и мулатов, которые не подозревали об их приближении. Боясь потерять время на бегство за своими спутниками, они вошли в город, напугали испанцев и взяли в плен Теньенте и еще пятьдесят человек. Если бы не было готовых лошадей, на которых они сбежали, враги все подчинились бы, будучи охвачены паническим страхом и полагая, что противник очень многочислен. От пленных они узнали, что панамская галера ждет их в Кальдайре, а *"Святой Лоренцо"* с тридцатью пушками - в Реалегуа. Они также сообщили, что к следующему дню в городе будет 600 человек. Испанцы начали собираться и заставили буканьеров закрепиться в церкви. Пленники, видя, что они спешат туда, и думая, что их сильно теснят, бросились к куче оружия и приготовились оказать сопротивление; но буканьеры, отступив к дверям, стреляли в толпу, пока в живых не осталось только четверо мужчин и их жены. Тогда они сели на лошадей и отступили, унося с собой по четыре пленника каждого пола и стреляя в глашатая, пытавшегося переговоры. Присоединившись к своим товарищам, которых они нашли отдыхающими в хатто, они выступили и оттеснили 600 испанцев.

Показания пленников усилили их опасения относительно сухопутного пути, но, решив, что лучше умереть с мечом в руках, чем изнывать от голода, они сразу же приняли решение. Спустив на берег все суда, кроме галер и пирагуасов, которые должны были доставить их с острова на материк, и не оставив робким других путей к бегству, они сформировали четыре роты по семьдесят человек, выбрав из каждой по десять человек, чтобы каждое утро облегчаться. Те, кто был увечен, должны были получить, как и раньше, 1000 штук восьмерок, а лошади должны были быть сохранены для калек и раненых. Раненые беглецы не должны были получать никакого вознаграждения, а насилие, трусость и пьянство должны были быть наказаны. Пока они вынашивали свои планы, подошло испанское судно и, встав на якорь, начало обстреливать севшие на мель корабли, вскоре лишив их возможности отплыть. Боясь потерять свои пирагуа, буканьеры отправили пленников и багаж на отмель за островом. На следующий день французы, укрывшись за скалами, выходящими в море, держали судно на расстоянии; но теперь, опасаясь полного уничтожения, буканьеры ночью отправили 100 человек на континент, чтобы те захватили лошадей и ждали их в определенном порту. На следующий день испанский корабль загорелся и вышел в море, чтобы погасить пламя. На следующий день буканьеры спаслись с помощью хитроумной уловки. Проведя всю ночь на молотах, как бы уклоняясь, чтобы предотвратить всякое подозрение о своем отплытии, они зарядили все свои ружья, гранаты и четыре пушки, привязав к ним куски зажженных спичек разной длины, чтобы поддерживать тревогу в течение всей ночи. В сумерках они ушли так скрытно, как только могли: пленники несли лекарства для хирургов, плотницкие инструменты и раненых.

1 января 1688 года буканьеры прибыли на континент. Вечером того же дня к ним присоединились люди с шестьюдесятью восемью лошадьми и несколькими пленниками, которые тщетно отговаривали их от попытки пройти через Сеговию, где испанцы были в

полной тревоге. Ничего не оставалось делать, как собрать каждый свой груз, а серебро и боеприпасы сложить в мешки. Те, у кого было слишком много, отдавали их тем, кто потерял свое в азартных играх, обещая им половину "в случае, если Богу будет угодно привести их в целости и сохранности к Северному морю". Равено де Люссан рассказывает, что его груз был легче, но не менее ценным, чем у других, поскольку он превратил 30 000 кусков восьмерки в жемчуг и драгоценные камни. "Но поскольку лучшая часть этого, - говорит он, - была плодом удачи, которую я использовал в игре, некоторые из тех, кто проигрывал, как в игре против меня, так и против других, став очень недовольными своими потерями, замыслили вместе, числом семнадцать или восемнадцать, убить тех, кто был самым богатым среди нас. Я был настолько счастлив, что некоторые друзья своевременно сообщили мне об этом, что не мало беспокоило мой разум, так как это было очень трудной задачей для человека во время столь долгого путешествия, чтобы обезопасить себя от неожиданностей со стороны тех, кто постоянно находился в одной компании, с кем мы должны были есть, пить и спать, и кто мог перебить кого угодно из нас в конфликтах, которые они могли иметь с испанцами, стреляя в нас в спешке." Чтобы сорвать этот замысел, Равенау разделил свои сокровища между несколькими людьми и таким образом избавился от тяжести как в душе, так и в теле.

2 января, прочитав молитвы и спустив лодки на воду, буканьеры отправились в путь, отдохнув в полдень в хатто. 4-го числа они расположились на горном плато, испанцы были видны с флангов и тыла. 5-го числа начались баррикады, а 6-го числа в эстансии они обнаружили следующее письмо, лежащее на кровати в зале: "Мы очень рады, что вы выбрали нашу провинцию для путешествия на родину, но сожалеем, что вы не лучше нагружены серебром; однако, если у вас есть возможность приобрести мулов, мы пришлем их вам. Мы надеемся, что французский генерал Гронье очень быстро окажется в нашей власти, поэтому мы оставляем вам судить о том, что станет с его солдатами".

7-го числа авангард отбил засаду и вечером залег в хатто. Испанцы сожгли всю провизию на пути и подожгли саванны с наветренной стороны, задушив французских лошадей дымом и напугав их пламенем. Пока их поход задерживался и они ждали, пока огонь прогорит, противник заложил окопы и возвел баррикады из деревьев. 8-го числа французы подожгли дом на сахарной плантации и, спрятавшись до прихода испанцев, захватили пленного, который сообщил им, что навстречу им идут 300 вспомогательных войск. "Эти 300 человек, - говорит Луссан, - были нашей постоянной охраной, так как они утром и вечером развлекали нас игрой своих труб, но это было похоже на *музыку заколдованного дворца Психеи*, которая слышала ее, не видя музыкантов, так как наши маршировали по обе стороны от нас, в местах, настолько заросших соснами, что их невозможно было разглядеть".

Во время этого похода буканьеры не разбивали лагерь ни на возвышенностях, ни в открытой саванне, опасаясь, что их зажмут.

Передовое охранение было усилено сорока людьми, которые стреляли из своих мушкетов на входе в лес и в проходах, чтобы отгонять засады, но они не стреляли, когда равнина была открыта и свободна от леса; хотя испанцы, лежавшие на животе по обе стороны от них, открыли огонь и убили двух беглецов. 10-го числа они отразили засаду и захватили несколько лошадей. 11-го они рассеяли еще одну засаду и вошли в Сеговию, но вся провизия была сожжена, а испанцы обстреливали их из сосен, росших на холмах вокруг города. К счастью, в этом месте, где старые проводники не знали дороги, они захватили нового пленника, который привел их за двадцать лиг к искомой реке.

Дорога становилась все более дикой, а вокруг сгущались опасности. Им приходилось с большой опасностью пробираться к вершинам великих гор или зарываться в узкие и темные долины. Холод усилился, и туманы держались несколько часов после рассвета. На равнинах не ощущалось прохлады, но царила та же жара, что и в горах после полудня. "Но, - говорит Люссан, - надежда снова попасть в родную страну заставляла нас терпеливо переносить все эти трудности и служила нам крыльями".

12-го числа они поднялись на несколько гор, с невероятным трудом очистили дорогу от испанских баррикад, и всю ночь враг обстреливал их лагерь. 18-го, за час до восхода солнца, они поднялись на возвышенность, показавшуюся им удобной для лагеря, и увидели на краю возвышенности, отделенной от них узкой долиной, то, что, по их мнению, было кормом для скота.

Обрадованные перспективой пропитания, сорок человек были отправлены на разведку. Они вернулись с мрачным известием, что предполагаемые воли на самом деле были готовыми к седлу лошадьми, а гора, на которой они стояли, была окружена тремя окопами, возвышающимися один над другим и перекрывающими ручей, протекающий через долину. У них не было другого пути, кроме этого, и не было никакой возможности избежать его. Они добавили, что один из испанцев видел их и издали потрясал своей обнаженной секирой. Сердце каждого человека упало при этом известии, а аппетит занял от потери ожидаемой пищи. Медлить было нельзя, так как испанцы из соседних провинций собирались у них в тылу, и, если потерять время, их должны были окружить и одолеть числом. Равено де Люссан, Ксенофонт этого отступления, не пытался скрыть степень опасности. Он сам признается, что им пришлось нелегко и что бегство показалось бы невозможным никому, кроме тех, кто до сих пор добивался успеха почти во всех делах. Он обратился к своим спутникам и хитростью убедил их согласиться с его планами, предварительно подробно рассказав о масштабах их трудностей. Он сказал, что 10 000 человек не смогут пробиться через такие окопы, охраняемые таким количеством людей, какое было у испанцев, судя по количеству их лошадей. Не смогли бы они пройти и по обочине со всеми своими лошадьми и багажом, так как по дороге можно было пройти только в одиночку. Кроме дороги, все вокруг представляло собой густой, бездорожный лес, полный трясин и заваленный поваленными деревьями; и даже если бы эти препятствия были преодолены, с испанцами все равно пришлось бы сражаться. Буканьеры согласились с этими словами, но воскликнули, что бессмысленно говорить о столь очевидных трудностях, не предложив какого-то способа их преодоления и не предложив средств для его осуществления. В ответ на этот намек де Люссан заговорил. Он предложил пересечь эти леса, обрывы, горы и скалы, какими бы недоступными они ни казались, и, засекая погодные условия противника, сразу же взять его в тыл, внезапно и неожиданно. За успех этого плана он должен был отвечать ценой своей жизни. Пленных, лошадей и багаж он решил оставить под охраной восьмидесяти человек, чтобы отгородиться от трехсот испанцев, которые днем и ночью вились вокруг них, расположившись лагерем на расстоянии мушкетного выстрела. Эти восемьдесят человек могли бы ответить в четыре раза больше испанцев. После некоторого раздумья план де Люссана был принят, и сразу же было решено приступить к его выполнению. Внимательно осмотрев гору зоркими глазами охотников и моряков, они увидели дорогу, вьющуюся вдоль склона горы, над самым высоким окопом. Ее можно было проследить только по светлым пятнам, видневшимся между деревьями, но, перебравшись через нее, они были в безопасности. Полные надежд, с возбужденными чувствами, часть людей была отправлена на место выше основного корпуса, чтобы прикрыть другую группу, которая в предыдущих случаях доказала свою изобретательность и опытность, и была послана, чтобы выбрать самые безопасные и прямые места, по которым они могли бы выйти в тыл врага до

наступления дня. Как только эти разведчики вернулись, люди приготовились к отъезду, оставив свой багаж под охраной восьмидесяти человек. Чтобы предотвратить подозрения, командир получил приказ, чтобы каждый часовой, которого он ставил или снимал с поста в ночное время, стрелял из фузила и бил в барабан в обычный час. Ему было сказано, что если Бог даст им победу, то они пошлют отряд, чтобы вывести его, но если через час после прекращения стрельбы они не увидят гонца, то должны позаботиться о собственной безопасности.

Непосредственное повествование об этом чудесном побеге мы приводим со слов самого де Люссана: "Расположившись таким образом, - говорит он, - мы произнесли молитву как можно тише, чтобы нас не услышали испанцы, от которых нас отделяла только долина. В то же время мы отправились вперед в количестве 200 человек при свете луны, так как был уже час ночи; и примерно через час после нашего ухода мы услышали молитву испанцев, которые, зная, что мы расположились лагерем совсем рядом с ними, выстрелили в воздух из 600 мушкетов, чтобы напугать нас. Кроме того, они также стреляли во время всех ответов литании, которую пели. Мы все еще продолжали наш марш и провели всю ночь (то ложась, то вставая), чтобы продвинуться на полчетверти лиги, что составляло расстояние между ними и нами, через страну, как я уже говорил, настолько полную скал, гор, лесов и страшных обрывов, что наши задние и колени были нам более полезны, чем наши ноги, так как иначе нам было невозможно передвигаться. 14-го числа, к рассвету, когда мы преодолели самые опасные участки этого прохода и уже овладели значительным подъемом в гору, поднимаясь вверх в большой тишине, и оставив слева от себя ретраншементы испанцев, мы увидели их отряд, который шел в обход, и который, благодаря туманам, не обнаружил нас. Как только они скрылись из виду, мы направились прямо к тому месту, где их видели, и обнаружили, что это именно та дорога, которую мы намеревались занять. Когда мы остановились на полчаса, чтобы перевести дух, и у нас было немного дневного света, чтобы облегчить наш марш, мы пошли по этой дороге на голос испанцев, которые были на утренней молитве, и мы только начали наш марш, когда, к несчастью, мы встретили двух дозорных, по которым мы были вынуждены открыть огонь, и это дало знать испанцам, которые думали только о том, чтобы увидеть, как мы спустимся сверху на их укрепления, поскольку они ожидали нас не иначе, как снизу; Так что те, кто стоял на страже, а их было около 500 человек, оказавшись снаружи, когда они думали, что были внутри, и, следовательно, открытыми без всякого укрытия, подняли такую тревогу, что, обрушившись на них одновременно, мы заставили их в одно мгновение покинуть это место и бежать, воспользовавшись туманом."

Вскоре последовало продолжение. Защитники двух первых линий стены расположились за самой нижней, и буканьеры в течение часа обстреливали их под прикрытием первой траншеи. Но, обнаружив, что они не дают почвы, а туман мешает прицелиться, французы бросились вперед и обрушили на них удары прикладов своих мушкетов, пока те не бежали сломя голову по узкой дороге. Здесь они запутались в собственных препятствиях, а буканьеры, командуя дорогой от редута, убивали врага на каждом выстреле. Утомленные беготней и убийствами, французы вернулись в окопы и отбросили 500 испанцев, которые теперь воспряли духом и атаковали гарнизон. Преследование прекратилось только от усталости завоевателей и их изнеможения от резни. Испанцы не давали и не давали сдачи, и спаслись, несмотря на самих себя. По словам де Люссана, то ли из-за гордости, то ли из-за природной свирепости, испанские солдаты перед боем часто давали клятву своему командиру не давать и не принимать четверти. Буканьеры, пораженные состраданием к количеству крови, стекающей в ручей, пощадили оставшихся в живых и во второй раз вернулись в окоп, имея только одного человека убитым и двух раненых. Испанцы потеряли своего генерала, старого храброго валлонского офицера, который подсказал им план

окопов. Только по просьбе другого командира были установлены круги и часовые на вершине горы. Генерал согласился, но сказал, что опасности нет, если французы будут только людьми. Им потребуется восемь дней, чтобы подняться наверх, а если они дьяволы, то никакие окопы не смогут их удержать. В его кармане нашлись письма от губернатора Коста-Рики, который намеревался прислать ему 8000 человек, но валлонцы просили только 1500. Он советовал ему беречь своих солдат, поскольку такая победа не принесет никакой славы. Письмо заканчивалось так: "Примите хорошие меры, ибо эти дьяволы обладают хитростью и тонкостью, которые не используются среди нас. Когда вы обнаружите их на расстоянии выстрела из ваших аркебуз, пусть ваши люди стреляют не по двадцаткам, чтобы ваша стрельба не была напрасной; а когда вы обнаружите, что они ослабли, поднимите крик, чтобы напугать их, и обруштесь на них со своими мечами, пока дон Родриго атакует их в тыл. Надеюсь, Бог будет благосклонен к нашим замыслам, ведь они направлены не иначе как на его славу и уничтожение этих новых видов турок. Выдерживайте своих людей, хотя им и хватит того, что по вашему примеру они будут вознаграждены на небесах, а если им достанется больше, то у них будет достаточно золота и серебра, которым нагружены эти разбойники".

Пропев благодарственный гимн Богу, Равено де Люссан посадил на коней шестьдесят человек, чтобы, по его словам, "уведомить остальных людей об успехе, который Всевышний благоволил нам даровать". Они обнаружили, что на них собираются напасть 300 испанцев, которые, видя ночной марш основной массы и считая их разбитыми у окопов, послали офицера для переговоров с остатками. Он сообщил, что 1500 испанцев лежат, готовые окружить их войска, но пообещал им хорошие условия, если они сдадутся; сказав, что заступничеством алмонера и ради чести святого таинства и славной Девы Марии они пощадили всех пленников, которых взяли до сих пор. Буканьеры, несколько уstraшенные этими угрозами, воспряли духом, увидев приближающихся товарищей, и дали следующий яростный ответ: "Хотя у вас достаточно сил, чтобы уничтожить две трети нашего числа, мы не преминем сразиться с оставшейся частью; да, если бы из нас остался только один человек, он должен был бы сражаться против вас всех. Когда мы сошли на берег и покинули Южное море, мы все решили пройти через вашу страну или умереть при попытке; и хотя испанцев было столько же, сколько травинки в саванне, мы не боялись, а шли бы и шли, куда хотим, несмотря на ваши зубы". Прибывший к Равенау офицер как раз увольнялся, и, увидев, что новые союзники обуты и сидят на испанских лошадях, он пожал плечами и поскакал назад, как только мог, к своим товарищам, которые находились не далее чем в мушкетном выстреле на небольшой возвышенности, возвышавшейся над лагерем, чтобы рассказать им новости. Едва он успел добраться до них, как буканьеры выдвинулись вперед с пистолетами и тесаками и, не стреляя, навалились на них и разрубили многих на куски, прежде чем те успели взобраться на коней, а остальных отпустили, задержав их лошадей. Затем они, потеряв одного убитого и двух покалеченных, присоединились к основному корпусу у окопов.

Теперь враг разжег огонь на вершине соседней горы, чтобы собрать разрозненные войска для защиты окопов, расположенных в шести лигах от него; но лежавшие в ожидании буканьеры отрезали им проход, а затем, стреножив 900 лошадей, взяли еще 900, чтобы убить и посолить, когда они доберутся до реки. 15-го числа они миновали недостроенный и необороняемый окоп, а 16-го числа с радостью подошли к долгожданной реке. Сразу же они вошли в лес, покрывавший берега, и принялись за работу, на полном серьезе рубя деревья и строя "пипери", или плоты. Их делали из четырех или пяти стволов деревьев махот, легкой и прочной древесины, которые сначала оббивали корой, а затем связывали жесткими и длинными лианами-паразитами. Два человека, обычно стоящие прямо, управляли каждым из этих хрупких стволов, а палубы погружались на два-три фута под воду. Их строили

специально узкими, чтобы можно было преодолевать скалистые перевалы реки даже в то время. Плоты подтаскивали к берегу реки, а затем спускали на воду, снабдив лодочников длинными шестами, чтобы отталкивать их от скал, о которые, как они были уверены, их будет гнать течение. Де Люссан, который никогда не преувеличивает опасность, не может найти слов, чтобы выразить ужас этого потока. "Он берет начало, - говорит он, - в горах Сеговии и впадает в Северное море у мыса Грасиас а Диос, пройдя долгий путь, самым стремительным образом пересекая огромное количество скал непомерной величины и самых страшных обрывов, которые только можно себе представить, Кроме того, здесь было множество водопадов, по меньшей мере сотня всевозможных, на которые невозможно смотреть без содрогания, а у самых бесстрашных голова идет кругом, когда они видят и слышат, как вода падает с такой высоты в эти огромные водовороты."

К этой опасной реке и ее безжалостным водопадам эти измученные дорогой люди причаливали на хрупких плотках и погружались в воду до середины. Иногда их, несмотря на все их сопротивление, торопили в кипящие бассейны, где они вместе с плотами оказывались погребенными во тьме под пеной, в других случаях они дрейфовали под камнями и упавшими деревьями. Некоторые привязывали себя к баркам. "Что касается этих больших водопадов, - говорит Луссан, - то, к нашей удаче, у их входов и выходов большие бассейны со спокойной водой, что дало нам возможность выбраться на берег реки и вытащить наши пиперии на берег, чтобы снять с них вещи, которые мы положили на них и которые были такими же мокрыми, как и мы сами. Мы несли их с собой, перепрыгивая с камня на камень, пока не добирались до конца водопада, откуда один из нас потом возвращался, опускал свою трубу в воду и пускал ее вплавь тому, кто ждал ее внизу. Но если ему не удавалось зацепиться (вплавь) за эти куски дерева до того, как они выходили из бассейна внизу, сила потока уносила их вправо, и мужчины были вынуждены идти и выбирать деревья, чтобы сделать другие".

Сначала плоты шли все вместе ради взаимопомощи, но по истечении трех дней, сочтя это опасным, Равено де Люссан посоветовал им идти по одной линии, чтобы, если кого-нибудь из них занесет на скалы, они могли выбраться до прибытия следующей лодки, что поначалу привело к многочисленным бедствиям. Де Люссан, будучи сам выброшенным на берег, нашел в этом плане большую безопасность; так как, отвязав свой плот, он сел на одну часть, а его спутник - на другую, и поплыл вниз, пока, достигнув места с меньшей скоростью, они не выбрались на сушу и не восстановили плот. По его совету те, кто плыл первыми, установили флаги на концах длинных шестов, чтобы предупредить, с какой стороны высаживаться, а не сигнализировать о водопаде, так как его рев был отчетливо слышен за лигу от берега.

Во время всех этих опасностей люди жили бананами, которые росли на берегу реки: некоторые из них посеяли индейцы, а другие приплыли и выросли сами во время наводнений. Конина, которую они принесли по воде, испортилась, и через два дня ее пришлось выбросить; и хотя дичи на земле было много, они не смогли убить ни одного человека, так как их оружие было постоянно мокрым, а все боеприпасы испорчены.

Именно в этот кризисный момент заговорщики, о которых мы уже упоминали, решили осуществить свой жестокий план. Спрятавшись за скалами, они убили и ограбили пятерых англичан, которые, как известно, были богаты. Луссан, чей плот пришел последним и следовал за английским судном, обнаружил их тела и возблагодарил Бога за то, что отдал другим свои сокровища. Когда буканьеры собрались все вместе ниже по реке, Луссан рассказал им об убийстве, о котором они не слышали, но убийц больше не видели. 20 февраля река стала шире, медленнее и глубже, водопады прекратились, но поток был загромажден деревьями и бамбуком, снесенными наводнением. Эти коряги часто

переворачивали плоты, но вода, хотя и была глубже, текла гораздо медленнее, и никто не утонул. Через несколько лиг поток стал более пологим и свободным от всяких препятствий, и они решили на протяжении следующих шестидесяти лиг до моря строить каноэ. Разделившись на партии по шестьдесят человек, они высадились на берег, срубили деревья мапу и, работая с удивительным усердием, к первому марта построили четыре каноэ. Оставив 140 человек работать, 120 отправились в путь, стремясь домой, к легкости и отдыху. Англичане, слишком нетерпеливые, чтобы делать каноэ, уже давно достигли морского берега на своих пайолах. Здесь они встретили ямайское судно, стоявшее на якоре, и попытались уговорить капитана вернуться и получить разрешение на высадку, поскольку у них не было комиссии. Капитан отказался идти, не получив авансом 6000 фунтов стерлингов, чего они не могли себе позволить, так как многие из них потеряли все из-за поломки трубопровода. Поэтому моряки решили остаться у дружелюбных индейцев москито, которые жили около устья этой реки и которым они часто привозили безделушки с Ямайки. Англичане, не имея возможности купить судно, решили послать вест французам, надеясь с их помощью добраться до Сен-Доминго. Два индейца москито были отправлены на каноэ за сорок лиг вверх по реке, чтобы перевезти сорок французов, так как судно было маленьким и не имело провизии и не могло вместить больше. Но, несмотря на все это, 120 человек вместо сорока поспешили подняться на борт, пять дней ожидая корабль, отправившийся на остров Жемчуга. С большим удовольствием французы миновали мыс Грасиас а Диос и вошли в Северное море.

Мулаты, жившие на этом мысе, по словам Луссана, происходили от команды негритянского судна, затерявшегося на отмели. Они спали в норах, вырытых в песке, чтобы избежать москитов, которые жалили их до тех пор, пока они не становились похожими на прокаженных. Луссан много говорит об огненных дротиках этого вредного насекомого. Он говорит: "Это не маленькая боль - подвергаться нападению москитов, поскольку, кроме того, что они лишали нас отдыха по ночам, мы были вынуждены ходить голыми из-за отсутствия рубашек, когда беспокойство этих животных приводило нас в отчаяние и такую ярость, что мы были вне себя". Наконец прибыло долгожданное судно, и, невзирая на жребий, пятьдесят самых бдительных, включая Луссана, набились на него, один на другого, и тут же бросили якорь, договорившись с хозяином за сорок кусков по восемь за голову, чтобы он отвез их в Сан-Доминго, боясь отважиться на Ямайку. На Кубе они высадились на берег и, встретив нескольких охотников, заставили их продать им еду, не зная, в состоянии ли Франция и Испания войны или мира.

4 апреля они встали на якорь в Пти-Гуаве, надеясь получить новости из Франции. Де Люссан приводит любопытный пример влияния привычки и инстинктивного воображения. "Некоторые из наших людей, - говорит он, - были настолько одурманены долгими страданиями, которые мы пережили, что не думали ни о чем другом, кроме испанцев, и когда с палубы они увидели несколько всадников, скачущих по берегу моря, они бросились к оружию, чтобы стрелять по ним, воображая, что это враги, хотя мы уверяли их, что сейчас приехали среди наших людей". Де Люссан, сойдя на берег, потребовал у монс. Дюма, лейтенанта короля, в отсутствие губернатора монс. де Кюсси, возмещения ущерба и защиты в пользу амнистии, объявленной французским королем тем, кто в отдаленных местах продолжал воевать с испанцами, не слыша о мире, заключенном между двумя народами.

Де Люссан с нескрываемым пафосом рассказывает о чувствах, которые испытал он сам и его друзья-улиссцы, вновь высадившись в дружественной стране. "Когда мы все сошли на берег, - говорит он, - к людям, говорившим по-французски, мы не могли удержаться от слез радости, что после стольких опасностей, угроз и гибелей Всемогущему Создателю земли и

морей было угодно даровать избавление и вернуть нас к людям нашей нации, чтобы мы могли без лишних слов вернуться в свою страну; К этому я не могу не добавить, что, со своей стороны, я так мало надеялся на возвращение, что в течение пятнадцати дней не мог воспринимать свое возвращение иначе, как иллюзию, и это доходило до того, что я избегал сна, опасаясь, что, проснувшись, снова окажусь в тех странах, из которых я теперь благополучно избавлен."

Из предисловия к книге де Люссана мы узнаем, что он вернулся в Дьепп с рекомендательными письмами от де Кюсси, губернатора Тортуги и Сен-Доминго, к монс. де Люберу, генеральному казначею морского ведомства во Франции. О конце этого храброго человека мы ничего не знаем. Он обладал многими задатками великого полководца.

ГЛАВА II. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ БУКАНЬЕРОВ.

Сьер де Монтобан - чудесное спасение от взрыва - жизнь в Африке - Лоранс де Графф - победы - поступление на французскую службу - протекция - буканьеры присоединяются к французской экспедиции и берут Картагену - буканьерские снайперы - протекция французов - буканьеры возвращаются и берут город - захват английским и голландским флотами - 1698 год - буканьеры терпят крушение вместе с французами - Граммон берет Сантьяго - захватывает Маракайбо, Гибралтар и Торилья - высаживается в Кумане - поступает на французскую службу - погибает в своем последнем плавании.

Из всех пестрых персонажей истории буканьеров Монтобан представляется одним из самых необычных. Друзья описывают его как благоразумного и храброго, прямолинейного и искреннего, рассказывающего о своих приключениях свободно и щедро, что убеждало слушателей в их правдивости, и в конце концов согласившегося написать свою историю не из хвастовства, а из простого желания предоставить французскому государственному министру рассказ о своих походах. Он интересен нам как самый поздний из известных буканьеров, а в строгом смысле слова его едва ли можно считать буканьером вообще, поскольку он чаще нападал на англичан, чем на испанцев, и не ограничивал свои плавания испанским побережьем.

Он начинает свою книгу с большой *наивностью* следующим образом: "Поскольку я так часто испытывал на себе пагубное влияние тех звезд, что властвуют над морями, и по воле неблагоприятной судьбы потерял все то богатство, которое с таким трудом и заботами собрал, мне не стоило бы здесь с удовольствием вспоминать о несчастьях, постигших меня перед завершением последней кампании, если бы желание еще послужить как обществу, так и отдельным лицам, а также дать понять его величеству, что я всегда был привязан и предан его службе, заставило меня взять в руки перо, чтобы дать монс. де Фелипо отчет о тех наблюдениях, которые я сделал; в нем он также может узнать, с каким рвением я проникал в самые отдаленные колонии наших врагов, чтобы уничтожить их и разрушить их торговлю. Я не желал раздувать этот труд рассказом обо всех путешествиях, которые я совершил, и обо всех особых приключениях, которые постигли меня на берегах Новой Испании, Картагены, Мексики, Флориды и Зеленого мыса, где я побывал двадцать лет назад, начав пользоваться морями в шестнадцать лет". Далее он говорит, что не будет останавливаться на том, как в 1691 году на корабле под названием "*Машина*" он опустошил берега Новой Гвинеи и, войдя в

большой Серелион, взял у англичан форт и разбил двадцать четыре пушки, а ограничится лишь своим последним путешествием; "некоторые сведения, - говорит он, - были получены об этом благодаря шуму, поднятому во Франции и других странах при сжигании моего корабля, и ужасному треску, который он произвел в воздухе".

В 1694 году, опустошив побережье Каракки, он направился к Сен-Круа, чтобы следить за торговыми судами и флотом, который ожидался с Барбадоса и Невиса и направлялся в Англию. Плывая к Бермудам и ожидая хорошей добычи, он увидел, что они идут навстречу ему, не опасаясь опасности. Он сразу же напал на конвой ("*Волк*") и захватил его и два торговых судна с сахаром, остальные спаслись во время боя. Вернувшись со своими призами во Францию, он захватил английский корабль с шестнадцатью пушками, шедший из Испании в Англию, который сдался после короткого боя. Это последнее судно он отвел в Рошель и продал, адмиралтейство объявило его хорошим призом; последний корабль он отвел в Бордо и продал купцам. Здесь, предавшись удовольствиям после долгого воздержания, многие из его людей покинули его, и он набрал на их место молодых людей из города, которые вскоре стали такими же опытными, как и ветераны. "Я постоянно заботился о том, чтобы научить своих людей стрелять, - говорит он, - и столь частые занятия с ними в короткое время сделали их такими же способными стрелять и обращаться с оружием, как самые старые морские вольные разбойники или лучшие сухопутные ловцы".

Переоборудовав свой корабль, на котором было всего тридцать четыре пушки, он покинул Бордо в феврале 1695 года, чтобы отправиться в плавание к берегам Гвинеи. От Азорских островов он миновал Канарские острова и четырнадцать дней плыл в виду Тенериффа, надеясь встретить голландские суда, которые в конце концов ускользнули от него, а у мыса Верд он преследовал двух английских интервентов по тридцать пушек каждый, которые оставили на дорогах свои якоря и шаланды. Затем он отправился на поиски голландского сторожевого корабля с тридцатью четырьмя орудиями у соседнего побережья. Приманив противника голландскими цветами, он дождался, когда тот окажется на расстоянии пушечного выстрела, поднял французский флаг, дал сигнал к удару и затем обменялся ударами. Они сражались с раннего утра до четырех часов пополудни, причем Монтобану не удавалось ни узнать погоду, ни подойти достаточно близко, чтобы использовать свое главное оружие - фузиллии. Воспользовавшись благоприятным ветром, голландец бросил якорь у форта Трехконечного мыса, где стояли еще два голландских военных корабля, один с четырнадцатью, а другой с двадцатью восемью пушками. Полагая, что эти три судна объединились для борьбы с ним, Монтобан бросил якорь в лиге от берега, надеясь спровоцировать их постоянными оскорблениями, но сторожевой корабль, уже сильно израненный, не сдвинулся с места. Это судно, как он потом узнал, прогнало французскую флейту. У мыса Сент-Джон он без особого труда захватил английский корабль с двадцатью пушками, на котором было 350 негров, много воска и слоновьих зубов. Английский капитан убил нескольких своих негров во время мятежа, а остальные сбежали на шаланде, которую они украли. У Принс-Айла он захватил небольшой капер "*Браденбург*" (пиратский корабль), оснащенный восемью пушками и имеющий на борту шестьдесят человек. Затем он зашел в порт для ухода и отправил свой приз в Сен-Доминго для осуждения и продажи, посадив на него сеньора де Наве с командой, но корабль был захвачен несколькими английскими военными до Литтл-Гоара. Чтобы занять своих людей на время разборок, Монтобан снарядил капер и с девятиюстами людьми безуспешно крейсировал шесть недель, а затем, зайдя на остров Сент-Томас, перегрузил приз на провизии и отправился к берегам Анголы, узнав, что в Гвинее против него готовятся три английских военных корабля и пожарное судно. По пути

он преследовал голландский интервента, груженный 150 фунтами золотой пыли, но тот выбросился на берег острова Сент-Омер и развалился на куски.

Приближаясь к берегам Анголы и находясь недалеко от порта Кабинда, он увидел английское судно с пятьюдесятью четырьмя пушками, идущее на него. Чтобы обмануть его, Монтобан вывесил голландские флаги, а англичане открыли огонь из пушек в знак дружбы. Француз, делая вид, что ждет, плыл медленно, как будто был тяжело нагружен или обременен недостатком парусов и людей. "Мы держались таким образом, - пишет капер, - с рассвета до десяти часов утра. Время от времени он подавал мне пушку без шара, чтобы уверить меня, кто он такой, но, обнаружив наконец, что я не отвечаю ему с моей стороны тем же, он снова подал мне пушку с шаром, что заставило меня тут же поднять французские флаги и ответить ему другим. После этого английский капитан без лишних слов дал мне два широких борта, которые я принял, не вернув ему ни одного, хотя он убил семь человек; я надеялся, что, если бы мне удалось подойти к нему поближе, я бы лишил его возможности когда-либо уйти от меня. Я старался подойти к нему на расстояние фузильного выстрела и желал дать ему возможность проявить свою храбрость, взяв меня на бордаж, так как я не мог сделать того же с ним, находясь с подветренной стороны. Наконец, подойдя на несколько градусов ближе и обнаружив, что он находится в пределах досягаемости моих фузильных, которые я для этого спрятал на палубе от его глаз, они были выпущены по нему, и мои люди продолжали вести по нему такой сильный огонь, что противник со своей стороны начал быстро слабеть. Тем временем, поскольку команда их корабля состояла более чем из 300 человек и они видели, что их пушки не могут сделать за них их работу, они решили взять нас на бордаж, что они и сделали с большим криком и ужасными угрозами не давать четверти, если мы не сдадимся. Не сумев зацепиться за корму моего корабля, они заставили свой идти так, что их корма налетела на мой болтшприт и сломала его. Заметив, что мой враг обременен таким образом, мои люди стали ожесточенно обстреливать его мелкой дробью и вели по нему такой страшный огонь в течение полутора часов, что, будучи не в силах больше сопротивляться и потеряв много людей, они оставили спорт и побежали вниз между палубами, и я видел, как вскоре после этого они подавали сигналы своими шляпами, взывая о четверти. Поэтому я велел своим людям прекратить стрельбу, приказал англичанам сесть на шаланды и подняться ко мне на борт, а сам в это время заставил часть своей команды вскочить на вражеский корабль и схватить его, чтобы предотвратить неожиданность для них. Я уже радовался, что взял такой значительный приз, и тем более надеялся, что, захватив это судно, сторожевой корабль Анголы и самое большое из тех, что были у англичан в этих морях, я смогу взять еще лучшие призы и напасть на любого военного человека, с которым встречу. Команда моего корабля также радовалась, как и я, и выполняла работу, которой занималась, с большим удовольствием; но вражеский порох внезапно воспламенился, от спички, которую капитан специально оставил гореть, надеясь, что ему удастся спастись с двумя своими шаландами, и оба корабля взлетели на воздух, *издав самый ужасный треск, который когда-либо слышали*. Описать это ужасное зрелище невозможно; зрители сами были действующими лицами этой кровавой сцены, *не зная, видели они ее или нет*, и не имея возможности судить о том, что сами чувствовали. Поэтому оставляю читателю возможность представить себе ужас, который должен был произвести в нас взрыв двух кораблей на высоте более 200 саженей в воздух, где образовалась как бы гора из воды, огня, обломков кораблей, корда, пушек, людей и раздался ужаснейший хлопок, который произвели пушки, взлетевшие в воздух. К этому можно добавить треск мачт и досок, рвущиеся паруса и канаты, крики людей и ломающиеся кости, но, оставив все это на волю воображения читателя, я лишь о том, что случилось со мной, и о том, как мне посчастливилось спастись.

"Когда начался пожар, я находился на носовой палубе своего корабля, где отдавал необходимые распоряжения. Меня вынесло на часть этой палубы, причем так высоко, что, как мне кажется, только высота не позволила мне попасть под обломки кораблей, где я непременно должен был погибнуть и быть разрезанным на тысячу кусков. Я упал обратно в море (*будьте уверены, с головокружением*) и долгое время находился под водой, не имея возможности подняться на ее поверхность. Наконец, вступив в спор с водой, как человек, боящийся утонуть, я выбрался на ее поверхность и ухватился за сломанный кусок мачты, который нашел неподалеку. Я позвал нескольких своих людей, которые, как я видел, плыли вокруг меня, и призвал их к мужеству, надеясь, что мы еще можем спасти свои жизни, если нам удастся найти какой-нибудь из наших шалопов. Но больше, чем само мое несчастье, меня мучило то, что я видел, как два полутрупа, в которых еще оставалось немного жизни, время от времени на поверхность воды и оставляли место, где они оставались, полностью окрашенным кровью. Кроме того, вокруг было огромное количество членов и разбросанных частей мужских тел, и большинство из них плевали на щепки дерева. Наконец один из моих людей, встретив среди всех этих обломков целую шлюпку, которая плавала по воде вверх и вниз, пришел сказать мне, что мы должны постараться заделать в ней несколько отверстий и вытащить каноэ, которое лежало на ее борту.

"Мы собрались, пятнадцать или шестнадцать человек из тех, кто спасся, возле этой шаланды, каждый на своем куске дерева, и старались отвязать наше каноэ, что в конце концов нам удалось. Мы взобрались на борт и спасли нашего главного канонира, которому во время боя сломали ногу. Мы взяли три или четыре весла или куска доски, которые служили нам для этой цели, и, сделав это, мы нашли, из чего сделать парус и мачту, и, оборудовав все как можно лучше, предались Божественному Провидению, которое одно могло дать нам жизнь и спасение. Как только я закончил работу, то обнаружил, что весь перемазан кровью, которая текла из раны, полученной на голове во время падения. Из моего носового платка мы сделали ворс, а из рубашки - филейную часть, чтобы перевязать ее, предварительно промыв рану мочой. Так же поступили и с остальными ранеными, а наш шалоп тем временем плыл, не зная, куда плыть, и, что еще печальнее, без провизии, и мы уже три дня не ели и не пили. Один из наших людей, сильно страдая от голода и жажды одновременно, выпил столько соленой воды, что умер от нее". Большинство людей постоянно рвало, тело Монтобана распухло, и в конце концов он был излечен от водянки с помощью квартан-аги. Все его волосы и одна сторона лица и тела были сожжены порохом, и он истекал кровью, как это делают "бомбардиры на море", - из носа, ушей и рта.

Но это было не время, говорит он мужественно, для консультации с врачами, в то время как они умирали от голода, поэтому, оставив англичан, они пробились через бар Картерсна, неблагоприятный ветер помешал им высадиться в порту Кабинды. Здесь они нашли несколько устриц, прилипших к деревьям, росшим вокруг пруда, и, открыв их своими ножами, которые они, по словам Монтобана, "милосердно и охотно одалживали друг другу", устроили обильную трапезу.

Проведя там два дня, они разделились на три небольшие компании и отправились вверх по стране, но не нашли ни одного дома и не увидели ничего, кроме стад буйволов, которые убегали от них. Достигнув мыса Корса, они обнаружили негров, собравшихся снабжать корабли дровами и водой в обмен на бренди, ножи и топоры.

Монтобан, который часто торговал в этих краях, знал нескольких туземцев и попытался заставить их поверить, что он тот человек, которого он представлял; но, как ни был он обезображен своим последним несчастьем, они сочли его самозванцем. На их родном языке

он сказал , что умирает от голода, но не может достать ничего, кроме нескольких бананов, чтобы поесть.

Затем он попросил их отвести его и его людей к принцу Томасу, сыну короля этой страны, которому он оказал много милостей. Но принц отказался признать его, пока он не показал ему шрам от раны на бедре, который он однажды видел, когда они вместе купались. Увидев это, принц поднялся и обнял его, велел раздать его людям провизию, выразил сожаление по поводу их несчастий и расквартировал их среди своих негров-лордов. Монтобана он содержал за свой счет и заставлял его есть за своим столом. Через несколько дней он отвез его на каноэ за несколько лье вверх по стране, чтобы он увидел короля, своего отца, который управлял деревней из 300 хижин среди болот. Верховный жрец только что умер, и во время похоронных церемоний, продолжавшихся семь дней, Монтобана угощали слоновьей плотью. Короля он нашел в окружении женщин и под охраной негров, вооруженных копьями и фузилами. Флаги, трубы и барабаны сопровождали этого монарха царства охотников, который сам был одет в халат из белого и синего полосатого хлопка. Черный принц пожал руку французскому капитану, который был первым человеком, чью руку он удостоил такой чести. Он задал много вопросов о своем французском брате, и когда услышал, что тот иногда в одиночку ведет войну с Англией и Голландией, а иногда с Германией и Испанией, король выразил свое удовлетворение и, призвав пальмовое вино, сказал, что выпьет за здоровье французского короля, и когда он пил, зазвучали барабаны и трубы, как в "Гамлете", и негритянская гвардия разрядила свои орудия. Принц Томас спросил, как зовут столь могущественного французского короля, и, получив ответ, что это Людовик Великий, заявил, что даст это имя своему сыну, которого собираются крестить, и что Монтобан должен быть крестным отцом. Он также выразил надежду, что во время будущего плавания Монтобан привезет ребенка во Францию, представит его братскому монарху и воспитает в этой стране. "Заверьте его, - сказал тот же принц, - что я его друг и что, если ему понадобится моя служба, я сам отправлюсь во Францию со всеми копьями и фузилиями, принадлежащими королю-отцу". Король ответил, что, если понадобится, он сам отправится туда лично. При этом щедром обещании гвардейцы яростно разрядили свои мушкеты, а мужчины и женщины закричали от восторга. Снова загремели барабаны и трубы, и копьеносцы забежали с одной стороны на другую, издавая ужасные крики, похожие на боль, но выражающие радость. Затем бокалы зазвенели быстрее, и церемония завершилась тем, что негритянский король преподнес Монтобану две лепешки из воска. Теперь белые люди стали пользоваться большим уважением в обществе. Всякий раз, когда они выходили на улицу, за ними следовали толпы негров, приносящих в дар фрукты и мясо буйвола, никогда прежде не видевших белых лиц и, как правило, полагавших, что дьявол имеет такой цвет кожи. Соболиные философы умоляли разрешить им скрести кожу ножами, пока король не издал указ, запрещающий кому-либо под страхом смерти скрести или тереть чужаков.

Крещение прошло с большим *энтузиазмом*. Поскольку в городе не было священника, который знал бы, как крестить, или помнил слова службы, священника доставили с португальского корабля, стоящего у мыса. Вольный разбойник с большой теплотой отзывается о своем поручительстве. "Я делал это с тем большим удовольствием, - говорит он, - что помогал сделать христианина и освятить душу".

Через несколько дней после этой церемонии, которая доставила столько удовольствия нежной совести Монтобана, он решил взойти на борт английского корабля, стоявшего у мыса; но черный король не хотел, чтобы он отдал себя в руки врагов, и вскоре после этого отплыл на португальском судне, прибывшем для обмена железа, оружия и бренди на

слоновую кость, воск и негров. Двух своих людей, заблудившихся в стране, он оставил позади. Португальский капитан оказался его старым другом и сразу же отвез его на остров Святого Фомы, где он пробыл месяц, а губернатор острова оказал ему тысячу любезностей. Затем он отправился на английское судно, с капитаном которого, несмотря на предостережения губернатора, у него завязалась близкая дружба. Он уступил Монтобану свою каюту, по собственным словам нашего искателя приключений, "со всеми удовольствиями и развлечениями, какие только мог придумать, для успокоения моего духа, который я время от времени терпел".

Утомительное трехмесячное плавание привело их на Барбадос. За это время, когда провизии стало не хватать, английский капитан начал жалеть о том, что взял французских пассажиров, и сократил их дневную норму на три четверти. По прибытии в порт полковник Рассел упрекнул капитана за то, что тот привез таких гостей, и под страхом смерти запретил ему высаживаться на берег; но некоторые еврейские врачи заявили, что он должен умереть, если не сделает этого, и губернатор согласился, строго следя за больным и давая ему понять, что он и его товарищи являются военнопленными. Монтобан ответил, что вступил в бой только по вере английского капитана, на дружбу которого он полагается. Он пообещал, что если им будет предоставлена свобода, то он будет всегда помнить об этой услуге и либо заплатит полковнику выкуп, либо вернет в будущем всех пленных, принадлежащих острову.

"Нет, - ответил губернатор, - я не получу ни выкупа, ни пленников, и вы слишком храбрый человек, чтобы я не сострадал вашим многочисленным несчастьям. Напротив, я желаю, чтобы вы приняли эти сорок пистолей, которые я вручаю вам на нынешние нужды". Вскоре после этого с Мартиники прибыло судно, и Монтобан с двумя своими людьми взял на борт все, что смог собрать. Английский губернатор, поблагодарив его на прощание, молил его быть добрым к любому англичанину, попавшему в его руки, и сетовал на военные правила, вынуждающие его к суровости.

По прибытии в Порт-Рояль на Мартинике губернатор, монс. де Бленак, который в то время был при смерти, заставил его остаться в своем доме и каждый день рассказывать о своем приключении с английским судном. При этом Монтобан превозносит мудрость, справедливость, честность и знание всех берегов и высот Америки. Через несколько дней вольный разбойник отплывает на "*Деве*" в Бордо, и мы теряем из виду его крепкую фигуру и покрытое шрамами лицо среди шумной толпы, заполнившей улицы этого оживленного морского порта. Мы догадываемся, что сеньор де Монтобан умер не в постели, а лицом к врагу и спиной к окровавленной доске. Есть что-то восхитительно искреннее и *наивное* в тех размышлениях вслух, которыми он заканчивает свою простую "пряжу".

"Я не знаю, распрощался ли я с морем, так сильно напугало меня последнее несчастье, или снова отправлюсь мстить англичанам, которые причинили мне столько зла, или пойду бороздить моря с намерением раздобыть немного богатства, или буду спокойно доедать то, что оставили мне мои родственники. *В людях есть странная склонность к путешествиям*, как и к азартным играм; какие бы несчастья ни постигали их, они не верят, что всегда будут несчастны, и поэтому играют дальше. Так и на море: какие бы несчастья нас ни постигли, мы надеемся найти благоприятную возможность возместить все наши потери. Я полагаю, что тот, кто прочтет этот рассказ, сочтет за труд дать мне совет по этому поводу или самому принять его".

Лоранс де Графф, наш следующий герой, был голландцем по происхождению и сначала служил в Испании в качестве матроса и артиллериста. Вскоре он стал выдающимся стрелком и прославился своей меткостью и храбростью, а его осанка была столь же

привлекательной и властной. Отправившись в Америку, он реализовал эти таланты на лучшем рынке и, попав в плен к корсарам, стал буканьером, а вскоре дослужился до самостоятельного командира. Его имя стало настолько страшным для испанцев, что монахи в своих молитвах молили Бога избавить их от "Лоренсильо", а вся братия использовала его имя как боевой клич для наведения ужаса. Корабли спускали флаг, услышав этот крик, а всадники бежали перед ним через саванну. Зная, что испанцы не простят ему нанесенных им увечий, де Графф никогда не вступал в бой, не разбросав порох по палубе или не поставив канонира с зажженной спичкой, готового взорвать пороховой магазин по первому сигналу. Однажды жители Картахены, зная, что он плывет вблизи порта на одном небольшом судне, послали два фрегата, чтобы доставить его на сушу. Лоренсильо, считая себя проигравшим, уже отдал приказ взорвать судно, когда, предприняв последнюю отчаянную попытку, схватил обоих своих врагов. Эти люди никогда не были так грозны, как в окружении превосходящих сил. В другой раз адмирал и вице-адмирал галеонного флота получили приказ взять его на мушку, что они с легкостью и сделали, ведь на каждом из их кораблей было по шестьдесят пушек. Почувствовав, что спастись невозможно, Лоуренс оживил свою команду и сказал, что в победе заключается их единственная надежда на жизнь. Канонир был поставлен, как обычно, наготове возле магазина, и тогда, смело пробежав между двумя судами, де Графф дал залп из мушкетов и убил сорок восемь испанцев. Действие все еще продолжалось, когда французский выстрел снес грот-мачту самого большого галеона, и ее консьорт, побоявшись подняться на борт, оставил Лоренсильо победителем. Сообщение об этой победе произвело сенсацию как в Париже, так и в Мадриде. Французы прислали завоевателю письма о натурализации и помиловании за смерть Ван Хорна, а испанский двор отдал приказ отрубить голову своему адмиралу-отступнику.

В другое время Лоранс крейсировал возле Картахены в компании с французскими капитанами Мишелем Жонке, Ле Сажем и Бреакком. Испанцы, решив поймать его одного, выслали два тридцатишестипушечных корабля и небольшое судно с шестью пушками, которые настигли его в бухте с подветренной стороны от города. Удивившись, что он хорошо охраняется, они попытались скрыться, но Лоранс напал на них и после восьмичасового боя, убив 400 испанцев, захватил корабль адмирала, а Жонке - его спутницу. Однако вскоре приз Лоуренса был выброшен на берег, а пленники сбежали.

Капитан Лоуренс в это время описывается как высокий, светлый человек со светлыми волосами и усами. Он любил музыку и держал на борту своего корабля оркестр из скрипок и труб. Однажды, высадившись на Ямайке, французы сравняли с землей три траншеи, утыкали пушки шипами, сожгли город и отступили на свои корабли, унеся с собой 3000 негров, а также много индиго и товаров. Остров спасло то, что жители одного из его уголков укрепили все свои дома и превратили каждый в неприступный и несокрушимый форт. При штурме одного из них погибли капитан Ле Саж и пятьдесят человек. Англичане говорят, что в горах было 7000 беглых негров, которые хотели присоединиться к французам и бежать в Сен-Доминго, но французы, приняв их за врагов, бежали при их приближении.

Опасаясь возмездия, жители Испаньолы приготовились к обороне. Сьер де Графф командовал на мысе Франсуа и должен был устраивать засады, создавать окопы и оспаривать каждый дюйм у испанцев или англичан. Если враг окажется слишком сильным, ему приказывали забить пушки, взорвать порох и отступить в Порт-де-Пэ. В 1695 году испанцы и англичане высадились на берег с 6000 человек. Вопреки всем ожиданиям, де Графф, возможно, слишком старый для службы, потратил восемь дней на разведку и оставлял пост за постом. Его люди потеряли все мужество, видя его нерешительность. Его лейтенант, шевалье де Леон, также бросил свои пушки без единого удара, а де Графф лишь

заметил, что потеряно всего двадцать восемь орудий. Последовала череда бедствий, и только климат и ссоры союзников спасли опустевшую колонию.

В 1686 году де Графф был произведен в майоры французской армии и впредь с большей или меньшей верностью сражался за страну, которая его облагодетельствовала. Вскоре после этого события, завершившего всю его славу, будучи вдовцом, он женился на Анне Дье ле Вет, француженке с неукротимым духом. Она была одной из тех француженок, которых губернатор М. д'Ожерон привозил для брака с охотниками Испаньолы. "Они выросли, - говорит Шарлевуа, - совершенными атлантами и присоединились к погоне, используя мушкет и саблю с наилучшей стороны". Из таких амазонок вышли некоторые вожди буканьеров. Однажды перед свадьбой эта героиня, получив оскорбление от своего мужа, достала пистолет и заставила его отказаться от своих слов. Восхищенный ее мужеством и считая такую амазонку достойной постели героя, он женился на ней. И она, и ее дети попали в плен к англичанам, и после заключения мира их долго не отпускали. Первой женой де Граффа была Петролина де Гусман, испанка.

В момент получения брига де Граффа он находился на рифе возле Картахены, потерпев крушение во время преследования барка на судне с сорока восемью пушками и 400 человек. С помощью своего каноэ он захватил корабль и, высадившись в Дарьене, потерял двадцать пять искателей приключений в индейской засаде. Два своих приза он отправил в Сен-Доминго, но команда заставила его продолжать каперство, пока письма от де Кюсси не отозвали его. Одной из главных причин, по которой ему была оказана эта честь, было то, что своим большим авторитетом у авантюристов он мог привлечь их к поселению на суше.

Примерно в это время испанцы застали врасплох Пти-Гуавса, и началась война. Всего годом ранее этот же народ захватил Бреака, капитана флибустьеров, и повесил его вместе с девятью или десятью его людьми. Вскоре после этого испанский офицер, которого де Графф, теперь комендант острова Ла-Ваш, избавил от английских корсаров, сообщил ему, что испанский галеон, полный сокровищ, потерпел крушение у островов Серанильяс, но этот приз он вынужден был отдать англичанам.

Теперь де Графф стал отличаться твердостью и справедливостью. Он поощрял колонизацию, улаживал разногласия между английскими и французскими буканьерами и запрещал всякое каперство. Его имя по-прежнему было столь грозным, что однажды 2000 испанцев, напавших на Испаньолу, отступили, узнав, что старый вождь командует ополчением острова.

Флибустьеры оказались плохими колонистами: французам удавалось удерживать их на укрепленном посту, когда ожидалось испанское вторжение, но стоило врагу отступить, как море темнело от кораблей буканьеров, жаждущих призов. Задиристые и отчаянные, они соблазняли всю молодежь Испаньолы со своих плантаций. Одно время французский губернатор, похоже, решил полностью их уничтожить, но их спасла польза в качестве легких войск. Высадки французских буканьеров на Ямайку в поисках рабов вскоре стали настолько многочисленными, что английский остров стал известен как "маленькая Гвинея".

В 1692 году французский авантюрист по имени Давиот с 290 людьми высадился и разграбил север Ямайки. Его судно было выведено в море штормом, и его люди были вынуждены оставаться там пятнадцать дней, подвергаясь непрекращающимся нападениям врагов. В ожидании возвращения судна произошло страшное землетрясение, которое поглотило 11 000 душ и разрушило Порт-Ройал. Флибустьеры, встревоженные раскачиванием земли, посадили на каноэ 115 матросов и сорок пленников, но море было в такой же судороге, как и

суша, и они потеряли всех, кроме шестидесяти человек, и были снова вытеснены на берег. Когда он снова вышел в море, на него напали два английских судна, Дэвиот отбил их с потерей семидесяти шести человек, из которых только двое были убиты. Когда англичане взяли его на abordаж во второй раз, его судно взорвалось, и он сдался с двадцатью одним человеком из команды. Вскоре после этого три французских судна, укомплектованные буканьерами, взяли на abordаж английский сторожевой корабль из сорока пушек, убив восемнадцать человек.

В 1694 году де Графф командовал вторжением буканьеров на Ямайку, отправившись на остров с четырнадцатью судами и 550 людьми. Несмотря на 1400 мушкетеров и двенадцать пушек, он форсировал английские укрепления, уничтожил 360 защитников и захватил девять кораблей, потеряв при этом всего двадцать два человека. Затем после двухчасового боя он отбросил 260 солдат от Испанского города. На следующий день де Графф отправил войска для захвата скота.

В 1696 году был возбужден процесс против де Граффа, которого М. Дю Кассе подозревал в интригах с Испанией. Улики, по мнению М. Шарлевуа, свидетельствовали лишь о его крайнем страхе попасть в руки врага. Несомненно, что испанцы предлагали ему стать вице-адмиралом, но он не доверял их искренности. Англичане презирали его за это мнимое предательство, а когда он предложил губернатору Ямайки отступить на этот остров, если тот сможет дать ему работу, губернатор ответил, что он уже предал три нации и не станет предавать четвертую.

Испанцы относились к нему с опаской до самой его смерти и так и не простили ему нанесенной им обиды. "Во время следующей войны между Францией и Испанией, - рассказывает Шарлевуа, - маркиз Коэлогон прибыл в Гаванну с французской эскадрой, которой он командовал в Мексиканском заливе, имея на борту де Граффа; весь город сбежался на берег при этой новости, чтобы увидеть знаменитого Лоренсилю, который так долго был ужасом Вест-Индии, но маркиз не позволил ему высадиться, опасаясь опасности."

Лишенный командования, де Графф был назначен капитаном легкого фрегата. Это положение устраивало его больше, чем сухопутная служба, к которой он не проявлял никакого гения, и он часто служил на борту французских эскадр, не зная лучше навигации северной части Тихого океана. О его смерти ничего не известно, но предполагается, что он прожил до глубокой старости.

Одним из самых важных предприятий, когда-либо предпринятых французскими буканьерами совместно с французским правительством, был захват Карфагены в 1697 году. Флот М. де Пуанси состоял из восемнадцати судов, кроме десяти флибустьеров, на которых находилось 700 искателей приключений, помимо его собственных 4658 человек и двух рот негров. Капитанами буканьеров были Монтжой, Годфруа, Блан, Гале, Пьер, Пайс, Салес, Макари, и Колонг. Их суда назывались *"Ле Пончартрейн"*, *"Ла Виль де Гларма"*, *"Ла Серпенте"*, *"Ла Грейсьез"*, *"Ла Пемброк"*, *"Ле Серф Волант"*, *"Ла Мутин"*, *"Ле Бригантин"*, *"Ле Джерсе"* и *"Л'Англе"*. В целом отряд насчитывал 6500 человек. Авантюристы поначалу отказывались вступать в бой до тех пор, пока им не будет обещана соответствующая доля добычи, привыкнув к тому, что французские офицеры лишают их прав. Разгневанные тем, что с ними не обращались как с равными, и обнаружив, что один из их людей заключен в тюрьму в Пти-Гуаве, они захватили форт, и были успокоены только готовыми уступками. Первым планом экспедиции был поиск галеонов, но от него отказались, хотя впоследствии выяснилось, что в это самое время они лежали в Порто-Бельо богаче, чем за последние пятьдесят лет, и были

нагружены 50 000 000 крон. Вторым планом было нападение на Вера-Крус, а последним - отплытие в Карфагену.

Самый яркий и энергичный из писателей, Майкл Скотт, описывает Картагену как расположенную на группе песчаных островов, окруженных мелководьем. Немного позади города, на пологом склоне, находится цитадель форта Сан-Фелипе, а за ним, на холме, похожем на корабль, - монастырь Попа, выступающий, как фонарь на высокой корме корабля.

Прибыв в этот город, французский галиот всю ночь обстреливал его; а поскольку это был первый бомбардирский корабль, когда-либо виденный в Вест-Индии, разрывы снарядов наводили на жителей большой ужас. Через два дня после этого флот бросил якорь перед Бокка-Чика. Этот форт содержал тридцать три орудия, имел четыре бастиона и защищался сухим проломом, вырубленным в скалах. Валы были защищены от бомб, а стены - от выстрелов. Под огнем "*Сент-Луиса*", галиота и двух бомбардирских судов войска высадились и без сопротивления продвинулись на четверть лиги от форта. По совету буканьеров, привыкших к таким маршам, 3000 человек перешли через лес по тропе, настолько трудной, что по ней мог пройти только один человек, и, оставшись незамеченными, овладели дорогой, ведущей из Картагены в форт, укрепились с обеих сторон и отрезали сообщение между фортом и городом, взяв несколько негров в плен и потеряв несколько человек от выстрелов противника.

На следующее утро, на рассвете, искатели приключений, обнаружив на берегу несколько лодок, преследовали и захватили испанскую пирату, на которой находилось несколько монахов высокого ранга. Напрасно один из священников был послан с флагом перемирия и барабанщиком и трубачом, чтобы призвать губернатора к сдаче. Негры расчистили дорогу, батарея пушек и мортир открыла огонь по форту, а меткие стрелки буканьеров расстреляли вражеских артиллеристов, отбросив несколько полугалер, пытавшихся привести подкрепление. Преследуя лодки, буканьеры укрылись под крытой дорогой и перебили всех, кто показался на батареях форта. Губернатор, видя, как авантюристы, как ему казалось, безумно бросаются на гибель, начал сокрушаться, что нанял таких людей. Предупредив, что если оставить "братьев" в покое, то они дадут о себе знать, он презрительно рассмеялся и приказал прислать подкрепление. Подумав, что флибустьеры просто забежали под крышу в поисках укрытия, он преследовал тростью тех, кто действительно повернул хвост, и тщетно пытался подбить их на штурм. К этому времени вольные разбойники овладели разводным мостом и, выставив свои знамена на краю рва, потребовали средств для эскалады. Тридцать лестниц были установлены, и штурм уже начался, когда испанцы вывесили белый флаг и с криком "*Viva el rey!*" бросили оружие и шляпы в ров. Ворота были открыты, 100 человек из гарнизона были заключены в часовне; 200 других были найдены ранеными. Губернатор, передавая ключи от крепости месье де Пуанси, сказал: "Я передаю в ваши руки ключи от всех испанских Индий". Около сорока авантюристов были убиты и столько же ранены во время этого нападения.

На следующий день флот вошел в гавань, и испанцы сожгли все свои суда, чтобы не попасть в плен. Губернатор по-прежнему отказывается сдаваться, заявляя, что у него нет ни людей, ни оружия, ни храбрости, авантюристы отправляются в путь, чтобы напасть на монастырь Нуэстра-Сеньора-де-ла-Попа и занять высоты. Месье дю Кассе был ранен в бедро, флибустьеры отказались идти под командованием месье Галифе, к которому они питали неприязнь; когда он ударил одного из них, тот схватил его за кокарду. Мятельник был немедленно привязан к дереву и приговорен к расстрелу, но по заступничеству месье Галифе был помилован. Месье де Пуанси, поднявшись на борт корабля капитана Пьера,

схватил его и приказал казнить, после чего бунт прекратился, но де Пуанси пригрозил расправиться с ними при следующей вспышке.

Монастырь стоял на горе, напоминающей крышу корабля, примерно в одном выстреле от Картахены. Он был покинут монахами, которые лишили его всего ценного.

Затем армия двинулась к закату к форту Санта-Крус, сильно страдая от жажды. Форт имел шестьдесят орудий, был окружен сырым рвом, а с сухопутной стороны к нему можно было подойти только через топь, но он сдался без единого выстрела. Затем авантюристы продвинулись на расстояние пушечного выстрела до форта Сен-Лазар, который командовал пригородами на другой стороне города. Французы дефилировали вокруг форта, а некоторые из их гренадеров вели с ним притворные переговоры. На следующий день через холм были прорублены дороги, и армия расположилась на расстоянии пистолетного выстрела от стен, укрывшись за возвышенностью, которая прикрывала их от огня противника. Испанцы, потеряв командира, в беспорядке покинули это место, а их форт, Сен-Лазар, находясь в пределах мушкетного выстрела от Геземании (предместья), открыл огонь из десяти орудий по захваченным батареям, а мушкетный огонь буканьеров очистил улицы. Тридцать человек были убиты при попытке превратить часовню в редут, и лагерь был убран за Сен-Лазар, де Пуанси был ранен в грудь.

За три следующих дня было достроено несколько батарей прорыва, а галиоты и мортиры обстреливали город всю ночь. Еще через три дня прорыв был признан осуществимым, и начался штурм. Месье дю Кассе, хотя и был ранен, возглавил гренадеров, а месье Мачаре - авантюристов, которые подали армии пример смелости. На сломанный разводной мост были уложены доски, и войска перешли через него под сильнейшим огнем с бастиона Святой Екатерины, причем переправляться могли только по одному человеку. Пролом и батареи были усеяны испанскими уланами, которые метали свои копья длиной в девять футов на расстояние двенадцати или пятнадцати ярдов. У французов было 250 человек убитых и раненых, пало много офицеров. Вице-адмирал граф де Коетлогон был смертельно ранен; племянник главнокомандующего, шевалье де Пуанси, молодой мичман, сломал колено, и многие были ранены, преследуя испанцев до города.

Французы не давали покоя, отрубив мечом 200 испанцев, которые бросились в церковь. Губернатор, приказавший слугам нести его в кресле к пролому, чтобы воодушевить своих людей, бежал в Картахену. Теперь армия продвинулась до моста, ведущего из Геземании в город, и отбила две вылазки противника.

Французы заложили окопы и возвели батареи для прорыва стен. Два дня ушло на эти приготовления и перевязку раненых. Предстояло преодолеть еще много трудностей. Армии индейцев приближались. Испанский гарнизон имел провизию на шесть месяцев вперед и восемьдесят орудий на валах. На следующий день Картахена, напуганная судьбой Геземании, капитулировала. Условием было то, что церкви не должны быть разграблены, те, кто пожелает, могут покинуть город без охраны, а жители должны отдать половину своих денег под страхом потери всех. Губернатор и войска должны были покинуть город с воинскими почестями. Купцы должны были сдать свои бухгалтерские книги французскому командиру. Авантюристы мгновенно заняли бастионы и ворота, а остальные войска - валы. Губернатор в сопровождении 700 человек отправился в собор, чтобы послушать *Te Deum*, а затем отправился в дом, где хранились королевские сокровища.

Поначалу солдатам и матросам было запрещено входить в дом под страхом смерти, а плотнику адмирала, пойманному на грабеже и признававшему свою вину, отрубили голову на месте. Но вскоре ситуация изменилась. Губернатор, собрав глав религиозных домов, сообщил им, что договор не пощадит ни один монастырь, у которого есть деньги. Много дней ушло на получение и взвешивание корон. Де Пуанси заявил, что до его прибытия монахи бежали со 120 мулами, груженными золотом, а ему досталось всего девять миллионов. По другим данным, он получил сорок миллионов ливров, *то есть* двадцать миллионов без учета товаров. Каждый офицер должен был получить 100 000 крон, помимо общей доли добычи, прежде чем разрешить своим солдатам войти в дом. Шарлевуа признается, что честь, которую французы завоевали своей храбростью, они потеряли из-за своей жестокости. Капитуляция была нарушена, церкви осквернены, церковная утварь украдена, образы разбиты, девственницы надругались над самыми алтарями, монахи замучены, а больные в госпиталях оставлены голодать или прибегать к ужасам каннибализма. Несмотря на то, что жители принесли свои деньги, некоторые на сумму 400 000 долларов, по всему городу был проведен общий обыск, и было найдено много золота. Несколько жителей наняли охрану из авантюристов, но, как правило, эти люди тоже оказывались грабителями, а офицеры лишь пытались сохранить видимость.

Желая убрать авантюристов с дороги, пока он собирает добычу, де Пуанси распространил сообщение о приближении 10 000 индейцев и послал флибустьеров оттеснить их. Разграбив страну на протяжении четырех лиг, они вернулись с пятьюдесятью пленниками, поголовьем скота и 4000 крон. Во время осады они занимались перестрелками, отрезанием припасов и фуражировкой, и привыкли смеяться над матросами, которые таскали пушки и называли их "белыми неграми".

Устранив болезнь и уведя с собой 800 человек за шесть недель, де Пуанси погрузил добычу на корабль и приготовился к отплытию. Восемьдесят шесть пушек он унес с собой и разрушил Сент-Лазар и Бокка-Чика. Буканьеры, громко требуя свою долю, получили только 40 000 крон. Люди тут же закричали: "Братья, мы не хотим ничего брать с этой собаки, наша доля останется в Карфагене". Это предложение было воспринято со свирепым весельем, и все они поклялись никогда не возвращаться в Сан-Доминго. Они высмеивали обещания месье дю Кассе добиться справедливости от французского короля и стреляли по тем судам, которые не хотели следовать за ними. Жители Картахены с содроганием ожидали их возвращения. Заперев всех людей в соборе, они пообещали отплыть, получив пять миллионов в качестве выкупа. В один день был принесен миллион крон, но, поскольку этого все равно было недостаточно, они вскрыли гробницы и побуждали горожан к пыткам, стреляя из ружей и делая вид, что предают людей смерти в соседних комнатах. Двух человек, виновных в жестокости, их предводители повесили. Каждый получил около 1000 крон; потратив четыре дня на сбор и раздел золота и серебра, они назначили остров а-ля-Ваш местом встречи, чтобы разделить рабов и товары.

Возмездие было близко. Они не проплыли и тридцати лиг, как столкнулись с объединенным английским и голландским флотами. *Ле Крист* с 250 людьми и более чем миллионом крон был захвачен голландцами, *Ле Серф Волан* - англичанами, третий корабль был прибит к берегу и сожжен возле Сен-Доминго, четвертый, натолкнувшийся на сушу возле Картахены, был захвачен, а его команда занялась восстановлением разрушенных укреплений. Из награбленного де Пуанси 120 000 ливров были унесены английской вылазкой в Пти-Гуавес. Адмирал Невилл, которому не удалось догнать французский глубоководный и слабоукомплектованный флот, умер от разрыва сердца в Виргинии.

Дю Кассе был награжден крестом Святого Людовика за свои заслуги, а из Франции пришел приказ распределить 1 400 000 трофеев де Пуанси среди вольных разбойников, из которых, однако, до них дошло очень мало. Проклятие, говорит Шарлевуа, легло на все предприятие.

В 1698 году французский флот под командованием графа д'Эстре, направлявшийся для нападения на голландский остров Кюрасоа, заблудился на островах Авеш, небольшом скоплении скал, окруженных волнорезами. Привлеченные сигналом бедствия, который подал первый севший на мель корабль, его товарищи, полагая, что он подвергся нападению врага, поспешили на помощь и, ослепленные туманом, один за другим бросились на гибель. Восемнадцать из них погибли. Об этой катастрофе Дампир, посетивший остров примерно через год после этого, дает очень интересный рассказ. Буканьеры (ведь буканьеры принимали активное участие в этих войнах), вполне привыкшие к подобным случайностям, выбрались на берег и принялись спасать с затонувшего судна все, что могли; но несколько из них, ворвавшись в магазины севшего на мель судна, уплыли с ним в море, пили и сквернословили на полуюте и, держа свои флаги, кричали и смеялись над тонущими людьми вокруг них. Все они погибли.

В это же время погибло несколько флибустьерских судов, около 800 буканьеров присоединились к экспедиции на Тортуге. Около 300 из них погибли вместе с затонувшими судами. Дампир описывает острова как усеянные клочьями парусов, сломанными лонжеронами, мачтами и такелажом. Вследствие этого на несколько лет Авес стал местом отдыха капитанов-буканьеров, которые здесь разгуливали и переоборудовали, а их экипажи ныряли в поисках тарелок, пытались забрать пушки и якоря.

Чтобы утешиться неудачей, М. де Пуанси повел 800 буканьеров на штурм Сантьяго, предварительно заехав на Тортугу за подкреплением. Они высадились незамеченными, воспользовавшись яркой лунной ночью. Авангард обогнул основание горы, которая преграждала им путь к городу, и, вместо того чтобы продвигаться вперед, двигался в обход, пока не встретил свой арьергард, который они приняли за врага и яростно атаковали. Наконец они поняли свою ошибку по взаимным крикам "Tue, tue". Но было уже поздно; все надежды на неожиданность кончились; испанцы, встревоженные, перешли к обороне и на рассвете оттеснили разбойников к их кораблям с неодолимой силой в 4000 человек. Другая партия, более успешная, разграбила Порт-о-Пренс, Сент-Томас и Труксильо на материке.

Граммон в это время был оставлен на островах Авес, чтобы собрать все ценное с затонувших кораблей и привести в порядок уцелевшие суда. Завершив это дело и обнаружив нехватку провизии, а также благоприятное время года для экскурсии в Венесуэльский залив, Граммон решил посетить Маракайбо. Прибыв к форту Бар, оснащенный двенадцатью пушками и имевшему гарнизон из семидесяти человек, он начал атаку. Французы открыли траншею, уже подогнали ее под пушечный выстрел и готовили лестницы для подъема, когда губернатор сдался при условии получения военных почестей. Подойдя к городу, Граммон обнаружил, что он покинут. Гибралтар также не оказал особого сопротивления. Из озера он увел три судна, а также захватил ценный приз, обстреляв его из своих пушек и одновременно высадив на берег целый рой каноэ. Став хозяином всего озера, он посетил все места, где, по словам его пленников, можно было найти спрятанное золото, и побеждал испанцев везде, где их встречал.

Затем, собрав всех своих разрозненных грабителей, Граммон приготовился атаковать Торилью, сделав крюк в сорок пять лиг, чтобы захватить ее врасплох. Приблизившись к городу, буканьеры вышли на берег быстрой реки с единственным бродом, который им посчастливилось найти, и переправились под прикрытием жаркого огня, который

поддерживал арьергард испанцев, засевших на противоположном берегу. Как только они переправились, их враги бежали, и Торилья стала их собственностью. Однако приз оказался не стоящим победы, город был покинут, а сокровища спрятаны. Правилом буканьеров было то, что ни одно место не стоило разграбления, если оно было взято без боя, так как испанцы всегда сражались лучше всего, когда им было за что сражаться. Буканьеры ушли с небольшой добычей; их 700 человек взяли три города и завоевали провинцию, потеряв всего семьдесят человек, да и те в основном по болезни.

В 1680 году Граммон предпринял еще одну экспедицию к побережью Куманы. Собрав двадцать пять пирagua, он выяснил у пленных, что под фортами Гонайра стоят на якоре три вооруженных судна, которые он решил вырезать. Он посадил все свои 180 человек на один барк, а остальным приказал отплыть к Гонайре по сигналу. Ночью он высадился на берег с несколькими людьми и застал врасплох четырех дозорных, у которых, однако, еще оставалось время, чтобы открыть огонь и поднять тревогу в городе, прежде чем их удастся одолеть. Гонайр мгновенно вскочил со своего места. Зазвонили колокола, загремели пушки, мушкетеры поспешили на рыночную площадь, двери были заперты, женщины и дети в слезах бежали к алтарям. Граммон, удвоив скорость, подъехал к восточным воротам; барабаны били, трубы звучали, цвета развевались. Хотя ворота защищали двенадцать пушек, он принял их с горячим ожесточением цезаря, сразу же продвинулся к форту, расположенному в ста ярдах от них, и начал энергичную атаку. Во главе своей команды он вошел в амбразуры, убив двадцать шесть из тридцати восьми защитников. Повесив свои флаги на стену, бойцы закричали "*Vive le Roi!*" с таким единодушием и ожесточением, что при этих звуках весь гарнизон соседнего форта сразу же сдался, а сорок два человека мгновенно сложили оружие. Эти успехи были достигнуты всего с сорока семью бойцами - лишь немногие смогли удержаться в стремительном и стремительном натиске. Граммон, собрав своих людей, разместил гарнизоны в фортах, разрушил амбразуры, заколотил пушки, а затем занял сильную позицию. На следующий день он вошел в город, сделав несколько энергичных вылазок на врага, который теперь начал собираться вокруг него со всех сторон. Получив информацию о том, что из Карагуа навстречу ему движется 2000 человек, он отдал приказ высаживаться на берег: буканьеры редко сражаются, если не хотят получить добычу. Оставшись последним на берегу, чтобы прикрыть отступление своих людей, и выдержав почти двадцать четыре часа натиск 300 испанцев, он, наконец, был опасно ранен в горло, а одному из его офицеров сломали плечо.

Граммон взял с собой губернатора Гонайра и еще 150 пленных - обычное средство буканьеров, когда город либо не приносил добычи, либо не давал им времени на ее сбор. Это дерзкое предприятие было осуществлено с потерей всего восьми человек. По пути домой, чтобы вылечить от раны, которую его раздражение и нетерпение сделали опасной, он потерпел крушение возле Пти-Гавс, и его собственное судно и его приз были потеряны.

Следующее приключение этого рыцарского корсара вызывает некоторые сомнения, хотя о нем с гордостью рассказывает Шарлевуа: "Он захватил английское судно с тридцатью пушками, которое бросило вызов губернатору Тортуги и отбило у него барк буканьеров. Этот корабль, вооруженный пятьюдесятью пушками и управляемый командой из 300 человек, Граммон, как сообщается, взял на абордаж, убив всех англичан на борту, кроме капитана, которого он оставил, чтобы с триумфом доставить на берег".

Граммон родился в Париже в хорошей семье. Его мать осталась вдовой, за ее дочерью ухаживал офицер, который обращался с Граммоном, тогда еще студентом, как с грубым мальчишкой. Они поссорились, и влюбленный получил три смертельных удара. Получив прощение умирающего, молодой дуэлянт поступил в морскую пехоту, в конце концов стал

командовать каперским фрегатом и захватил возле Мартиники голландскую флейту, содержащую 400 000 ливров. Проведя все это в веселье в Сен-Доминго, молодой капитан превратился в буканьера. Шарлевуа отмечает его манеры и обращение, которые были столь же очаровательны, как и у де Граффа. Писатель описывает "его доброе расположение духа, его почетные манеры, и я не вижу в нем ничего особенного, что могло бы вызвать восхищение у окружающих".

Мы уже описывали его неожиданное взятие Маракайбо и экспедицию в Веракрус. Его экспедиция в Кампеачи была направлена против желания французского губернатора Сен-Доминго. По дороге домой он поссорился и разошелся с де Граффом. "При всем таланте, который может возвысить человека до командира, он обладал, - говорит Шарлевуа, - всеми пороками корсара. Он много пил и предавался разврату, полностью пренебрегая религией".

В 1686 году Граммон по рекомендации месье де Кюсси, губернатора Сен-Доминго, получил должность лейтенанта де Роя, причем Кюсси намеревался сделать его протектором южного побережья. Но Граммон, воодушевленный новым титулом и желая показать, что он его заслужил, вооружил корабль, на котором было 180 буканьеров, чтобы совершить последний поход против испанцев, и больше о нем ничего не слышали.

ГЛАВА III. ПАДЕНИЕ ПЛАВУЧЕЙ ИМПЕРИИ.

Мир в Райсвике - Попытки урегулирования - Буканьеры превращаются в пиратов -
Последняя экспедиция на Дарьенские копи, 1702 год.

Англичане были первыми, кто попытался покончить с букканизмом, но последними, кто преуспел в этом. Когда вольные разбойники отслужили свое, английское правительство выбросило бы их на помойку, как солдат выбрасывает сломанный меч. В 1655 году, после возвращения Моргана из Панама, лорд Джон Воган, новый губернатор Ямайки, получил строгий приказ исполнять договор, заключенный с Испанией в предыдущем году, но объявить о помиловании, возмещении ущерба и предоставлении земли всем буканьерам, которые станут плантаторами. Согласно королевской прокламации, все крейсерства против Испании были запрещены под страхом сурового наказания. Чтобы избежать этого тягостного заточения на участке сахарного тростника, многие английские вольные разбойники присоединялись к своим собратьям на Тортуге или становились коровыми убийцами и лесорубами в заливе Кампичи. В следующем году разразилась война между Англией и Голландией, и многие снарядили каперы.

Неразумные ограничения Франции и вмешательство страны в управление колониями вновь способствовали появлению "людей побережья". Надоедливые запреты и досадные монополии побуждали плантаторов выходить в море.

В 1690 году королевская прокламация даровала помилование всем английским буканьерам, которые должны были сдаться. Французские флибустьеры продолжали процветать во время войны, последовавшей за восшествием на английский престол Вильгельма III.

В 1698 году радостный звон колоколов, возвестивший о заключении Райсвикского мира, окончательно покончил с братством. Англичане и голландцы предъявили губернатору Сен-1600 Доминго большие претензии к французским флибустьерам и потребовали

компенсации, которая была предоставлена. На острове А-ла-Ваш была основана колония в надежде вести торговлю с Новой Испанией, по приказу французского короля была возвращена церковная плита, привезенная из Картахены, и запрещено буканьерство.

Правительство посоветовало прибегнуть к силе, чтобы заставить флибустьеров стать плантаторами, которые не желали воспользоваться амнистией. Те, кто обосновался на Ямайке, увидев в 1702 году, что между Англией и Францией может разразиться новая война, и решив не брать в руки оружие против своей страны, перебрались на материк и поселились в Бокка-Торо. Однако, как только началась война, множество французских буканьеров, преследуемых на Сен-Доминго, присоединились к англичанам под командованием Бенбоу. В 1704 году новый губернатор М. Оже, прибыв в Сен-Доминго и видя ошибочность шага своих предшественников, отозвал флибустьеров и заключил мир с индейцами Бокка-Торо. Месье д'Эрвиль привел 1500 из них к Гаванне и там умер. Он удерживал буканьеров на Испаньоле гораздо больше, чем на Мартинике, и, будь он жив, объединил бы их всех под своим флагом.

В 1707 году новый губернатор Ле граф де Шуазель Бопре попытался возродить буканьерство как единственную надежду на спасение французской торговли в Индиях, поскольку английские каперы уносили все торговые суда, приближавшиеся к берегам Сен-Доминго. Французское правительство одобрило все его планы и предоставило ему неограниченные полномочия для их осуществления. Он объявил амнистию всем флибустьерам, поселившимся среди индейцев Самбреса и Бокка-Торо. Большая часть тех, кто перешел на сторону англичан, вернулась; а те, кто участвовал в последней экспедиции против Карфагена, получили свое жалованье. Братьям были возвращены все их древние привилегии. Граф намеревался охранять побережье с помощью фрегатов, в то время как его более мелкие суда преследовали Ямайку, но в разгар этих незрелых проектов он был убит в 1710 году в морском бою.

Буканьеры, собранные со всех концов, теперь превратились в плантаторов. Так, говорит Шарлевуа, закончился "Флибустьерский поход Сен-Доминга", которому требовались лишь дисциплина и вожди амбиций, чтобы завоевать Северную и Южную Америку. Недисциплинированная и бурная, без порядка, плана, предвидения и подчинения, она все равно вызывала изумление всего мира и совершала подвиги, в которые потомки не поверят.

Привязанность к старым привычкам и трудности с поиском работы заставили многих стать пиратами. Запрещенные теперь всеми народами, не имея оправдания грабежам и безопасного убежища, они плавали по всему миру, враждуя со всеми, кого встречали. Многие из них часто посещали побережье Гвинеи, другие плавали у берегов Индии, а остров Нью-Провиденс, один из группы Багамских островов, стал единственным убежищем. Здесь в 1717 году и были выслежены приснопамятный Черная Борода, Мартель и его соратники.

Последнее достижение флибустьеров относится к 1702 году, когда партия англичан по поручению губернатора Ямайки высадилась на Дарьенском перешейке, недалеко от островов Самбаллас, и к ним присоединились несколько старых флибустьеров, обосновавшихся там, и 300 дружелюбных индейцев. С этими союзниками они отправились на рудники, изгнали испанцев, согласно плану Дампира, и захватили семьдесят негров. Они продержали этих рабов на работе двадцать один день, но в итоге получили всего восемьдесят фунтов золота.

ГЛАВА IV. ПИРАТЫ НОВОГО ПРОВИДЕНИЯ И КОРОЛИ МАДАГАСКАРА.

Законы и одежда - правительство - Черная борода - его злодеяния - капитан Эвери и Великий Могол - Дэвис - Лоутер - Робертс - майор Бонне - капитан Гоу - побережье Гвинеи.

Последние беженцы-буканьеры стали пиратами и обосновались на острове Нью-Провиденс.

Африканское побережье, а не основное, стало теперь их крейсерской зоной, а Мадагаскар - их новой Тортугой. Они больше не воевали только против испанцев - их руки были подняты против всего мира. Их жестокость больше не была жестокостью возмездия, а проистекала из жажды крови, никогда не утоленной и до сих пор неутоленной. Среди бандитов больше не было чести, и они стали столь же трусливы, сколь и свирепы. Стаи торговых судов были разбиты, но ни один город не был атакован. Мы не тратим времени даже на то, чтобы подробно описать их вину, и лишь в качестве *завершения* нашего повествования прилагаем ужасный каталог.

Следующие статьи, подписанные командой Робертса, могут служить примером обычных правил, выработанных пиратскими капитанами: - "Каждый человек имеет право голоса в делах.

"Каждый человек имеет право голоса в важных делах и равное право на свежую провизию или крепкие спиртные напитки, которые он может использовать по своему усмотрению, если только нехватка не заставит его для всеобщего блага проголосовать за сокращение.

"Каждый человек должен быть справедливо вызван по очереди по списку на борт призов, и, сверх положенной доли, ему должна быть предоставлена смена одежды. Любой человек, обманувший компанию на сумму в один доллар пластинами, драгоценностями или деньгами, будет брошен на произвол судьбы. Если ограбление совершено товарищем, вору отрезают уши и нос и высаживают на берег в том месте, где корабль причаливает.

Ни один человек не должен играть в карты или кости на деньги".

"Огни и свечи должны гаснуть в восемь часов вечера. Если кто-то из команды после этого часа все еще склонен к выпивке, он должен делать это на открытой палубе.

"Каждый мужчина должен содержать свои ружья, пистолеты и тесаки в чистоте и пригодности к службе.

"Женщин на борт не допускать. Любой мужчина, соблазнивший женщину и приведший ее в море переодетой, должен быть предан смерти.

"Любой человек, покинувший корабль или оставивший свою каюту во время боя, должен быть либо брошен на произвол судьбы, либо предан смерти.

"Ни один человек не должен бить другого на борту, но спорщики должны улаживать свои разногласия на берегу с помощью меча или пистолета.

"Ни один человек не должен говорить о разрыве компании, пока мы не получим по 100 фунтов стерлингов. Каждый человек, потерявший конечность или ставший калекой на службе, должен получить 800 долларов, а за меньшие увечья - соразмерное возмещение.

"Капитан и квартирмейстер получают по две доли от каждого приза. Мастер, боцман и канонир - полторы доли, а все остальные офицеры - одну с четвертью".

"Музыканты должны отдыхать по воскресеньям, но ни в какие другие дни без особого разрешения".

Из другого свода статей мы узнаем, что

"Тот, кто будет уличен в том, что взял на борту приза любое незаконное оружие, чтобы ударить товарища, должен быть судим капитаном и ротой и понести должное наказание".

"Все люди, виновные в трусости, также должны быть преданы суду.

Если на борту приза будет найдено золото, драгоценности или серебро стоимостью в восемь кусков, и нашедший не сдаст их квартирмейстеру в течение двадцати четырех часов, он должен быть предан суду".

Любой человек, уличенный в обмане другого на сумму в один шиллинг, должен быть предан суду".

"Квартал всегда должен отдаваться по первому требованию.

"Тот, кто первым увидит парус, должен иметь на его борту лучшие пистолеты или стрелковое оружие".

Одним из самых жестоких наказаний было "потение" - изобретательность, вероятно, придуманная лондонскими грабителями и "чистильщиками" времен правления Карла Второго. Сначала они устанавливали зажженные свечи по кругу вокруг мизенмачты, между палубами, и в этот круг вводили пленников по одному. За пределами свечей стояли пираты, вооруженные перочинными ножами, щипцами, вилками и компасами, а музыканты, играя оживленный танец, водили пленника по кругу, укалывая его, когда он проходил мимо. Это редко удавалось выдержать дольше десяти минут, по истечении которых несчастный, обезумев от страха и боли, обычно падал без чувств.

Их развлечения были столь же странными, сколь и жестокими. Однажды пираты захватили корабль, груженный лошадьми, который шел из Род-Айленда в Сент-Кристоферс. Матросы сели на этих животных и поскакали на них взад и вперед, на полном скаку, по палубе, ругаясь и крича, пока животные не взбесились. Когда два или три таких грубых наездника были сброшены, они вскакивали и обрушивались на команду с саблями, заявляя, что убьют их за то, что они не взяли с собой сапоги и шпоры, без которых ни один человек не может ездить верхом.

В одежде пираты были фантастичны и экстравагантны. Их любимым украшением был широкий пояс, перекинутый через грудь и завязанный на плече и бедре цветными лентами. В нем они носили три и четыре пары пистолетов, за которые на распродажах у мачты часто давали по 40 фунтов стерлингов за пару. Шляпы с золотыми шнурками и петухами были заметными элементами их костюма.

В случае мелких проступков, слишком незначительных для суда присяжных, арбитром выступал квартирмейстер. Если они не подчинялись его командам, за исключением случаев, когда во время боя верховодил капитан, ссорились или бунтовали, злоупотребляли пленными, грабили, когда грабеж должен был прекратиться, или небрежно относились своему оружию, он, как хозяин, мог отхлестать их дубинкой или выпороть. Фактически он был распорядителем всех дуэлей и попечителем всей компании, возвращая владельцам все, что

он выбирал (кроме золота и серебра), и конфискуя все, что считал нужным. Квартмейстер был, по сути, их судьей, а капитан - королем.

Капитан всегда имел в своем распоряжении большую каюту и часто получал в подарок тарелки и фарфор. Однако любой матрос мог пользоваться его пуншем, входить в его комнату, ругать его и отнимать у него еду, не смея найти виноватого или оспорить его права. Капитана обычно выбирали за то, что он был "пистолетным", а в некоторых случаях он имел в качестве тайного совета некоторое количество старших матросов, которых называли "лордами".

Во время погони или сражения власть капитана была бесконтрольной: он мог ударить, заколоть или застрелить любого, кто ослушался его приказа. Судьба пленника во многом зависела от капитана, который чаще был склонен к милосердию, чем его команда.

Их флаги, как правило, были призваны наводить ужас. Флаг Робертса был из черного шелка, на нем был изображен белый скелет с часовыми стеклами в одной руке и скрещенными костями в другой, под ним дротик и сердце, из которого капала кровь. На вымпеле был изображен человек с горящим мечом в одной руке, стоящий на двух черепах, на одном из которых было написано А.В.Н. (голова барбадосца), а на другом - А.М.Н. (голова мартиниканца).

Эдвард Тич, по прозвищу Черная Борода, родился в Бристоле, а в портовом городе все смелые юноши становятся моряками. Вскоре он отличился смелостью и отвагой, но не получал никакого командования до 1716 года, когда капитан Бенджамин Хорниголд отдал ему командование шлюпом и стал его партнером в пиратстве, пока он не сдался.

Весной 1717 года они отплыли из Нью-Провиденса к испанскому морю, захватив по пути шаланду из Гаванны, груженную мукой, и снабдив ею свои суда. С бермудского корабля они получили вино, а с судна с Мадейры - значительную добычу.

Оказавшись у берегов Виргинии, они вернулись в Вест-Индию и, захватив большой французский гвинейский корабль, направлявшийся на Мартинику, Тич поднялся на борт в качестве капитана и отправился в плавание. Хорниголд, вернувшись на Нью-Провиденс, сдался по прокламации и отдался губернатору Роджерсу.

Черная борода тем временем установил на свой приз сорок пушек и окрестил его "*Месть королевы Анны*". Крейсируя у берегов Сент-Винсента, он захватил корабль "*Великий Аллан*" и, разграбив его и высадив людей на берег, зажег судно и пустил его в море.

Через несколько дней после этого Тич был атакован военным кораблем "*Скарборо*", который, обнаружив, что он хорошо укомплектован, после многочасовой канонады отступил к Барбадосу. По пути на материк к Тичу присоединился майор Боннет, джентльмен-плантатор, ставший пиратом, который присоединился к нему, командуя шлюпом в десять пушек. Обнаружив, что он ничего не смыслит в морском деле, Тич вскоре сместил его и взял на борт собственного корабля под предлогом освобождения от усталости и забот, связанных с такой должностью, пожелав ему, как он сказал, жить легко и не выполнять никаких обязанностей.

Набирая воду в Гондурасском заливе, они застали врасплох шлюп с Ямайки, который сдался без боя, подняв парус при первом же ужасе, вызванном черным флагом. Они взяли людей на борт судна Тича и укомплектовали его для собственных нужд.

В Гондурасе они нашли корабль и четыре шлюпа, часть из которых была с Ямайки, а часть - из Бостона. Американцы бросили одно судно и сбежали на берег, а пираты в отместку сожгли его. Второе судно они тоже сожгли, потому что в Бостоне недавно повесили какого-то пирата. Трех шлюпам они позволили уйти.

Взяв черепах на островах Большого Каймана, они отплыли в Гаванну, а с Багамских островов направились в Каролину, захватив бригантину и два шлюпа. Шесть дней они простояли у бара Чарльзтауна, захватив множество судов и бригантину, груженную неграми. Жители Каролины, которых незадолго до этого посетил пират Вейн, онемели от ужаса. Ни одно судно не осмеливалось выйти в море, и торговля в этих местах замерла. К этим несчастьям добавилась долгая и дорогостоящая война с туземцами, которая только что завершилась, и колония сильно обеднела.

Тич задержал все корабли и пленных и, нуждаясь в лекарствах, послал на берег команду лодки с одним из пленников, чтобы попросить губернатора снабдить его медикаментами. Пираты были наглы в своих требованиях и, ужасно ругаясь, поклялись, что если им будет предложено какое-либо насилие, то их капитан убьет всех пленников, отправит их головы губернатору, а затем подожжет корабли и кабель. Эти грубые послы слонялись по улицам, оскорбляя жителей, которые хотели схватить их, но не решались, боясь подвергнуть город опасности. Губернатор не стал долго раздумывать, поскольку в руках убийцы оказался один из его братьев-магистратов, и сразу же отправил на борт сундук стоимостью около 400 фунтов стерлингов, с которым пираты с триумфом вернулись. Затем Черная Борода отпустил пленников, предварительно забрав с кораблей около 1500 фунтов стерлингов, помимо провизии.

Из Чарльзтауна королевские злодеи отплыли в Северную Каролину, где Тич разорвал партнерство, отказавшись от раздела денег, предпочтя весь риск и всю прибыль. Забежав в бухту для очистки, он намеренно посадил свой корабль на мель, и Руки, другой капитан, придя ему на помощь, выбежал на берег рядом с ним. Затем он с сорока людьми завладел третьим судном, а семнадцать человек бросил на песчаный остров в лиге от берега, где не росла ни трава, ни птицы. Здесь бы они и погибли, если бы через два дня после этого их не забрал майор Боннет.

Затем Тич сдался с двадцатью своими людьми губернатору Северной Каролины и получил от него грамоты и помилования, вскоре вкравшись в его расположение. С разрешения губернатора корабль *"Месть королевы Анны"*, хотя и являлся собственностью английских купцов, был конфискован адмиралтейским судом как испанский и объявлен собственностью Тича. Перед тем как снова выйти в море, Черная Борода женился на своей четырнадцатой жене, еще двенадцать были живы. Церемонию проводил губернатор, который, похоже, был наполовину пиратом, а наполовину негодяем.

В июне 1718 года он направился к Бермудам и, встретив несколько английских судов, разграбил их, забрав провизию. Он также захватил два французских судна, одно из которых было загружено сахаром и какао и направлялось в Мартинико. Грузное судно он привел домой, и губернатор, созвав суд, осудил его как бесхозное и разделил награбленное с Тичем, получив в качестве дивидендов шестьдесят бочек сахара, а его секретарь - двадцать. Опасаясь, что на судно еще могут претендовать, Тич объявил, что оно негерметично, и сжег его у самой кромки воды.

Теперь он проводил на реке по три-четыре месяца, стоя на якоре в бухтах или плавая от бухты к бухте, обменивая награбленное на любое встречное судно, даря подарки дружелюбным и грабя тех, кто сопротивлялся. Ночи он проводил в пирушках с плантаторами, которым делал

подарки в виде рома и сахара, иногда, когда становился угрюмым, закладывал их под контрибуцию и даже издевался над своим единомышленником, злодейским губернатором.

Разграбленные шлюпы, не найдя возможности добиться справедливости в Каролине, решили тайно послать депешу к губернатору Вирджинии и попросить у него военный корабль, чтобы уничтожить пиратов.

Губернатор немедленно выполнил их просьбу. В следующее воскресенье во всех церквях и часовнях Виргинии, а также в загородных домах шерифов было зачитано воззвание. За голову Черной Бороды предлагалось 100 фунтов стерлингов, если она будет доставлена в течение года, за голову его лейтенанта - 20 фунтов, за низших офицеров - 10 фунтов, а за простых матросов - 10 фунтов. Военные корабли "*Жемчужина*" и "*Лайм*", стоявшие в реке Сент-Джеймс, укомплектовала пара небольших шлюпов, предоставленных губернатором. На них не было установлено пушек, но они были хорошо снабжены стрелковым оружием и боеприпасами. Командование было поручено лейтенанту Роберту Мейнард с корабля "*Жемчужина*", человеку смелому и решительному.

7 ноября лейтенант отплыл из Пикетана, а вечером 21-го достиг устья залива Оллереко и увидел пиратов. Соблюдалась большая секретность: все встреченные лодки и суда, идущие вверх по реке, останавливались, чтобы Черная Борода не узнал об их приближении. Но губернатор сумел усыпить его бдительность и отослал назад четырех своих людей, которых он обнаружил слоняющимися по городу.

Черная борода, часто встревоженный подобными сообщениями, не поверил гонцу, пока не увидел шлюпы. Он мгновенно очистил палубу, имея на борту лишь двадцать пять человек из сорока. Приготовившись к бою со всем хладнокровием старого десперадо, он провел ночь в пьянстве с хозяином торгового шлюпа, который, похоже, был у него на жалованье.

Обнаружив, что место мелководное, а канал запутанный, Мейнард бросил якорь, зная, что в эту ночь до пирата не добраться. На следующее утро он взвесился, послал вперед свою лодку на зондирование и, подойдя на расстояние пушечного выстрела к Тичу, попал под его огонь. Тогда лейтенант, смело подняв королевские флаги, ринулся на него со всей скоростью паруса и весел, часть его людей продолжала стрелять из стрелкового оружия. Тогда Тич перерезал трос и вступил в бой, разряжая свои большие пушки. Через некоторое время пират сел на мель, а королевское судно, набрав побольше воды, встало на якорь на расстоянии полупушечного выстрела. Лейтенант выбросил балласт за борт, вычерпал всю воду, а затем взвесился и встал на защиту противника.

Черная борода, громко ругаясь, окликнул его. "Злодеи, кто вы такие? Откуда вы пришли?" Лейтенант ответил: "Вы видите по нашим цветам, что мы не пираты". Тич велел ему послать на борт лодку, чтобы узнать, кто он такой. Мейнард ответил, что не может выделить свою лодку, но скоро поднимется на борт со своим шлюпом. Тогда Черная Борода, подпоив его, воскликнул: "Дьявол забери мою душу, если я дам тебе четверть или возьму хоть что-нибудь". Мейнард тут же ответил: "Он не должен ни давать, ни брать четверти".

К этому времени шлюп Черной Бороды уже плыл, а королевские лодки быстро приближались.

Шлюпы были едва ли на фут выше пояса, и люди, работавшие на них, были обнажены. До сих пор мало кто падал с обеих сторон. Внезапно Черная Борода выстрелил из гранатомета и убил двадцать человек на борту одного корабля и девять - на борту другого; его судно упало на берег, чтобы сохранить защиту одного борта, а поврежденный шлюп завалился на корму.

Виргинцы все еще держались за весла, как бы ни было опасно, потому что в противном случае, при отсутствии ветра, пирату непременно удалось бы скрыться.

Мейнард, обнаружив, что его собственный шлюп на ходу и скоро окажется на борту, приказал своим людям спуститься вниз, опасаясь еще одного удара, который привел бы к его полному уничтожению. Он сам был единственным человеком, который удерживал палубу, даже человек у руля лежал спокойно; людям в трюме было приказано приготовить свои пистолеты и тесаки к ближнему бою и по сигналу подняться на борт. Две лестницы были установлены в люке наготове. Когда они поднялись на борт, люди Тича бросили гранаты, сделанные из бутылок с гильзами, наполненные порохом, дробью и пулями, и выстрелили с быстротой спички. Черная борода, не видя никого на борту, закричал: "Все они, кроме трех или четырех, сбиты с ног, поэтому я прыгну на борт и разрублю на куски тех, кто еще жив".

Под дымом одного из костров он перепрыгнул через нос шлюпа, за ним последовали четырнадцать человек. На мгновение его не было слышно во время взрыва и не было видно из-за дыма. Как только воздух рассеялся, Мейнард подал сигнал, и его люди, мгновенно поднявшись на ноги, бросились на пиратов с ликованием.

Черная борода и лейтенант сначала стреляли друг в друга из пистолетов, а затем схватились саблями, пока у лейтенанта не сломалась сабля. Отступив назад, чтобы вскинуть пистолет, Черная Борода уже собирался зарубить его, как вдруг один из людей Мейнарда нанес пирату страшную рану в горло, и лейтенант спасся, отделавшись небольшим порезом пальцев.

Теперь между ними разгорелась жаркая схватка: Черная Борода с четырнадцатью людьми, лейтенант с двенадцатью. Море вокруг судна стало красным. Пуля из первого пистолета Мейнарда попала Черной Бороде в тело, но он стоял на своем и яростно сражался, пока не получил двадцать ран и еще пять выстрелов. Выстрелив уже из нескольких пистолетов (ведь он носил их в поясе), он упал замертво, когда взводил очередной. Восемь из четырнадцати его товарищей пали, остальные, сильно израненные, выпрыгнули за борт и потребовали четвертовать их, что и было сделано, пока не будет готова виселица.

Подошедшее другое судно напало на остальных пиратов и заставило их сдаться. Так закончилась жизнь человека, который в хорошем деле проявил себя как Леонид.

С большими пушками лейтенант мог бы уничтожить его с меньшими потерями, но ни одно крупное судно не смогло бы подняться по реке, настолько мелководной, что шлюп, каким бы маленьким он ни был, сотни раз садился на мель. Сам широкий борт, хотя и разрушительный, спас жизнь оставшимся в живых, так как Черная Борода, ожидая, что его возьмут на abordаж, посадил дерзкого парня, негра по имени Сезар, в пороховую комнату с приказом взорвать ее по сигналу. С большим трудом двое пленников в трюме отговорили его от этого поступка, когда он узнал о смерти своего капитана.

Лейтенант отрубил Черной Бороде голову, повесил ее на болт и отплыл в Бат-Таун, чтобы получить помощь для своих раненых. При обыске шлюпа было обнаружено попустительство губернатора; секретарь, заболев от страха, умер через несколько дней, и губернатор был вынужден вернуть деньги за бочки.

Когда раненые начали поправляться, лейтенант отплыл обратно в реку Джеймс, с черной головой, все еще висевшей на лонжероне, и привел пятнадцать пленников, тринадцать из которых были повешены.

Из двух выживших один был неудачливым парнем, захваченным в плен накануне боя, который получил не менее семидесяти ран, но был излечен от них и выздоровел. Другой был хозяином пиратского шлюпа, которого Черная Борода застрелил и высадил на берег в Бат-Тауне. Свою рану он получил следующим образом: Однажды вечером, выпивая в каюте с матросом, лоцманом и еще одним матросом, Черная Борода без всякой провокации достал пару небольших пистолетов и засунул их под стол. Матрос, заметив это, ничего не сказал, а встал и вышел на палубу. Приготовив пистолеты, Черная Борода задул свечу и, скрестив руки под столом, разрядил пистолеты. Хозяин упал, получив пулю в колено, и был искалечен на всю жизнь, вторая пуля никого не задела. На вопрос о смысле такой жестокости Черная Борода ответил, поклявшись, что если он не будет время от времени убивать кого-нибудь из них, то они забудут, кто он такой.

Этого человека собирались казнить, когда из Англии прибыл корабль с прокламацией, продлевающей срок помилования для тех, кто сдастся. Он попросил об этом, был освобожден и закончил свои дни нищим в Лондоне.

Примечательно, что многие из похитителей Черной Бороды сами в конце концов стали пиратами.

Свое прозвище Тич получил за длинную черную бороду, которую он скручивал лентами в маленькие хвостики и закручивал вокруг ушей. Эта борода была страшнее для Америки, чем комета, говорят его историки. Во время боя он надевал на плечи перевязь, к которой в кобурах, как бандольеры, подвешивались три пистолета. Затем он засовывал зажженные спички под шляпу, и это, вместе с его естественными свирепыми и дикими глазами, придавало ему вид демона.

Его забавы были поистине сатанинскими, и только безумие может служить оправданием для подобных преступлений. Превозмогая нечестие, он постоянно прибегал к хитростям, чтобы сохранить это превосходство. Однажды в море, когда он был пьян, он сказал: "Давайте, - сказал он, - устроим себе ад и попробуем, как долго мы сможем его выносить". Вместе с двумя или тремя другими людьми он спустился в трюм и, закрыв все люки, зажег несколько горшков с серой, и так продолжалось до тех пор, пока люди, почти задохнувшись, не закричали и не задраили люки. Черная борода победил, продержавшись дольше всех.

В ночь перед убийством, когда он пил, один из его людей спросил его, если с ним что-нибудь случится, знает ли его жена, где он закопал свои деньги. Он ответил, что никто, кроме него самого и дьявола, не знает, где они лежат, а самая длинная печень должна получить все.

Эти богохульства наполнили экипаж суеверными страхами и, возможно, разжали руки в последней схватке. Оставшиеся в живых рассказывали, что однажды во время плавания на борту обнаружили человека больше, чем экипаж, иногда внизу, иногда вверху. Никто не знал, откуда он пришел и кто он такой, но считали, что это дьявол, поскольку он исчез незадолго до того, как их великий корабль был отброшен.

В дневнике Черной Бороды было найдено множество записей, иллюстрирующих страх и страдания пиратской жизни. Например.

"3 июня, весь ром кончился; наша компания несколько протрезвела; мошенники замышляют заговор; много разговоров о разлуке; так что я внимательно искал приза. 5 июня я взял на борт одно судно с большим количеством спиртного, так что компания была горячеей, г... горячеей; затем все снова пошло хорошо".

На борту пиратского шлюпа было обнаружено немного сахара, какао, индиго и хлопка, а также палатка на берегу. Все это, вместе со шлюпом, было продано на сайте за 2500 фунтов стерлингов. Все это было поделено между экипажами "*Лайма*" и "*Жемчужины*", причем отважные похитители получили не больше своих дивидендов, да и те были выплачены с большим опозданием, как это обычно бывает у английских правительств.

Капитан Ингленд начал свою жизнь с должности помощника на ямайском шлюпе и, попав в плен к пирату по имени Винтер, еще до того, как Провиденс превратился в крепость вольных разбойников, стал хозяином пиратского судна. Вскоре он стал отличаться храбростью и великодушием.

Когда "Провиденс" был захвачен англичанами, Англия отплыл к африканскому побережью, месту жаркому, но не слишком жаркому для него, как берега материка. Здесь он взял несколько кораблей, среди которых был и "*Кадоган*", направлявшийся из Бристоля в Сьерра-Леоне - Скиннер, капитан. Некоторые из команды "Англии" раньше служили на этом корабле и, проявив мятеж, были лишены жалованья и отправлены на борт военного корабля, откуда, дезертировав на вест-индский шлюп, попали к пиратам, в конце концов присоединились к "Англии" и отправились в плавание.

Как только Скиннер поднял черный флаг, ему приказали подняться на борт пирата. Первым, кого он увидел, был его старый боцман, который обратился к нему с усмешкой подавляемой ненависти. "А, капитан Скиннер, - сказал он, - это вы? Тот самый человек, которого я хотел видеть. Я у вас в большом долгу и заплачу вам сейчас вашей же монетой".

Отважный моряк вздрогнул, ибо знал свою судьбу, и содрогнулся, как бык, почуявший кровь на бойне. Боцман, мгновенно крикнув своим товарищам, привязал капитана к брашпилю. Затем, под грохот жестокого смеха, они стали колотить его стеклянными бутылками, пока не нанесли ему ужасные порезы и раны. После этого, несмотря на его молитвы и уговоры, они били его по палубе до изнеможения. Наконец, поклявшись, что его ждет легкая смерть, поскольку он был хорошим хозяином для своих людей, они прострелили ему голову. Англия разграбила судно, отдала его помощнику и команде убийц, и они плыли на нем, пока не достигли двери смерти и порта, чье название ужасно.

Взяв вскоре после этого корабль под названием "*Жемчужина*", Англия переоборудовала его для своих нужд и окрестила "*Королевским Джеймсом*". Вместе с ним они захватили несколько судов различных наций у Азорских островов и мыса Верд.

В 1719 году мореплаватели вернулись в Африку и, начав у реки Гамбия, проплыли по всему торридскому побережью до мыса Корсо. В этом походе они захватили "*Орлиный розовый*", шесть пушек, "*Шарлотта*", восемь пушек, "*Сара*", четыре пушки, "*Вентворт*", двенадцать пушек, "*Бак*", две пушки, "*Кастаньет*", четыре пушки, "*Меркурий*", четыре пушки, "*Трус*", две пушки, "*Елизавета*" и "*Екатерина*", шесть пушек. Три из этих судов они отпустили, а четыре сожгли. Два они оборудовали как пиратские, назвав их "*Месть королевы Анны*" и "*Летающий король*", и многие из пленников присоединились к их бандам.

Эти два корабля отплыли в Вест-Индию и, перевернувшись, направились в Бразилию, захватив несколько португальских судов, но в конце концов были отогнаны португальским военным кораблем. Корабль "*Месть*" спасся, но вскоре вышел из моря; "*Летающий король*" выбросился на берег; двенадцать из семидесяти человек были убиты, а остальные взяты в

плен. Тридцать два англичанина, три голландца и два француза из них были сразу же повешены.

Но вернемся в Англию. Проходя по побережью, он захватил еще два судна и задержал одно, отпустив другое. Два других корабля, заметив их приближение, укрылись под пушками крепости на мысе Корсо. Пираты, превратив свой последний приз в пожарный корабль, решили уничтожить обоих беглецов, но замок открыл по ним жаркий огонь, и они отступили, а на дороге в Уайду обнаружили, что капитан ла Буш, еще один пират, не дал им сбыться.

Здесь Англия оборудовала бристольскую галеру для своих нужд, назвав ее "*Победа*". Совершив на берегу множество оскорблений, негры поднялись на них и заставили их удалиться на корабль, после чего они обстреляли одну деревню и убили многих туземцев.

Теперь они поставили на голосование вопрос о том, в какое плавание отправиться, и, решив выбрать Ост-Индию, прибыли на Мадагаскар (1720) и, взяв воду и провизию, отплыли к побережью Малабара, на территорию Могола. Они захватили несколько индийских судов и одно голландское, которое обменяли на одно из своих, а затем вернулись на Мадагаскар. Англия отправила на берег несколько человек с палатками, порохом и дробью, чтобы убить свиней и добыть оленину, но они тщетно искали людей Эвери.

Очистив свои корабли, они отправились в Панаму, где столкнулись с двумя английскими кораблями и одним голландским, все индийские. Четырнадцать человек из команды Ла Буша высадились на каноэ англичан, заявив, что они принадлежат *индийской королеве*, двадцать восемь пушек, которая была потеряна на этом побережье, и что их капитан с сорока людьми строит новое судно. Два английских капитана, Маккра и Рейли, уже собирались потопить и уничтожить этих беглецов, когда в бухту вошли два корабля Англии, тридцать четыре и тридцать восемь пушек. Несмотря на все обещания помощи, "*Остендер*" и "*Кирби*" покинули Макру, так как дул легкий бриз, позволявший им спастись, а черные и кровавые флаги пиратов все еще развевались в воздухе. Макра, не смотря на их дезертирство, отчаянно сражалась в течение трех часов, отбив одного из пиратов, пробив его между ветром и водой, и отстреливая весла, когда они высунулись и попытались взять на abordаж. Макра, будучи ранен в голову, а большинство его офицеров убиты, бежал на берег, а Англия последовала за ним, также сев на мель и не сумев высадиться. После этого бой начался с новой силой, и, если бы Кирби подошел, пираты были бы выбиты. Англия, получив три шлюпки, полные свежих людей, стала одерживать верх, и вскоре после этого Кирби вышел в море, оставив своего товарища в самых челюстях смерти. Макра, видя, что смерть неизбежна, спустил шлюпки и под прикрытием дыма выбрался на сушу, а пираты, вскоре после высадки, разрубили на куски трех раненых мужчин. Оставшиеся в живых бежали в Кингстаун, расположенный в двадцати пяти милях.

Англия предложила за голову Макры 10 000 долларов, но король и главные люди были в его интересах, и распространилось сообщение о его смерти, он оставался в безопасности в течение десяти дней, затем, получив безопасный путь от пирата, Макра имел беседу с их вождем. Англия и несколько человек, которые когда-то плавали вместе с Макрой, защитили его от тех, кто хотел разрубить его на куски, вместе со всеми, кто не хотел превращаться в бродяг. Узнав, что они говорят о сожжении своих кораблей и переоборудовании английского приза, Макра убедил их отдать ему разбитый корабль "*Фэнси*" голландской постройки и весом 300 тонн, а также вернуть 129 тюков тканей Компании.

Установив мачты для жюри, Макра отплыл в Бомбей с сорока пятью матросами, двумя пассажирами и двенадцатью солдатами, прибыв туда после долгих страданий и сорока трех дней плавания, часто оказываясь в мареве между Аравией и Малабаром. Во время сражения

он имел тринадцать человек убитыми и двадцать четыре ранеными, а также убил около сотни пиратов. Если бы Кирби проявил стойкость, он мог бы уничтожить их обоих и получить 100 000 фунтов стерлингов добычи. Против него было 300 белых и восемьдесят черных. Мы рады сообщить, что этот храбрый парень был хорошо вознагражден и удостоился нового командования.

По его словам, ничто, кроме отчаяния, не могло заставить Макру броситься на милость пиратов, все еще израненных и истекающих кровью. Похоже, он также не знал, насколько дружелюбно гвианцы относятся к англичанам, настолько, что существует пословица: "Гвианец и англичанин - одно целое".

Когда он только поднялся на борт, англичанин отвел его в сторону и сказал, что его интерес к команде падает, что их провоцирует его противодействие их жестокости, и что он не сможет защитить его. Поэтому он посоветовал ему склонить на свою сторону капитана Тейлора, человека, который стал их любимцем благодаря своему превосходству в злодеяниях. Макра попытался смягчить этого негодяя чашей пунша, и пираты засуетились, убивать его или нет, когда на четвердек поднялся матрос, увешанный пистолетами, на деревянной ноге и попросил капитана Макру, ругаясь и пуская пар, и крутя огромные усы. Капитан, ожидая, что это его палач, назвал свое имя. К его радости, бравое схватил его за руку и, яростно тряся ее, поклялся, что очень рад его видеть. "Покажите мне человека, - крикнул он, - который осмелится обидеть капитана Макру, и я встану на его сторону; он честный человек, и я его хорошо знаю".

Это положило конец спору. Тейлор согласился отдать корабль и уснул на палубе. Макра, по совету Англии, немедленно отчалил, чтобы чудовище не проснулось и не передумало.

Такая милость вскоре привела к низложению Англии, и по слухам о том, что Макра собирает против них силы, он вместе с тремя другими был выброшен на остров Маврикий и, сделав лодку из дрейфующего дерева, бежал на Мадагаскар.

Пираты, задержав несколько человек Макры, отправились в Индию. Увидев два корабля, которые они приняли за английские, они приказали одному из своих пленников показать им частные сигналы Компании, иначе они изрубят его на куски по фунту. Когда они приблизились, оказалось, что это мавританские корабли из Маската, груженные лошадьми. Они разграбили корабли, подвергли пыткам офицеров и оставили их без парусов и с прорезанными мачтами.

На следующий день они столкнулись с бомбейским флотом из восьми судов и 100 человек, отправленным для нападения на Ангрию, малабарского вождя. Боясь показать свой страх, пираты напали на флот и уничтожили два лаггера, замучив команду и отправив их в плавание. Коммодор флота не стал сражаться с пиратами без приказа, что так разгневало губернатора Бомбея, что он назначил Макру командующим и велел ему преследовать и вступать в бой с Ангрией, где бы он его ни встретил.

Через некоторое время после этого тот же флот при поддержке вице-короля Гоа высадил 10 000 человек у Калабара, оплота Ангрии, но был вынужден отступить.

На следующий день между Гоа и Карваром пираты загнали два граббера под пушки замка Индия-Дива и, если бы не задержка, захватили бы остров. В Карваре они захватили корабль и послали туда пленника, чтобы потребовать воды и провизии, за что предложили сдать свой приз. Не добившись этого, они отплыли к островам Лаккадева и, высадившись на Мелинде,

совершили насилие над женщинами, уничтожили деревья какао и сожгли церкви. В Теллечери они узнали об экспедиции Макры и проклинали его за неблагодарность. Некоторые хотели повесить оставшихся собак, но большинство согласилось оставить их в живых, чтобы показать свое презрение и отомстить.

В Каликуте они попытались захватить на дорогах большой мавританский корабль, но им помешали несколько пушек, установленных на берегу. Одного из людей Макры они заставили поднять скобы на стрелах среди огня. Когда он отказался, его пригрозили застрелить или засыпать ударами. Его старый мучитель, капитан Тейлор, страдающий подагрой, не мог держать дубину. Некоторые вступились за него, но Тейлор заявил, что если его отпустят, то он раскроет все их планы.

Затем они прибыли в Кочин и, отправив на берег рыбацкую лодку с письмом, пустились в путь, салютуя форту. Ночью отчалили лодки с провизией и спиртным. Губернатор отправил лодку с арраком и шестьдесятю тюками сахара, а в ответ получил в подарок настольные часы и золотые часы для своей дочери. Лодочникам они заплатили около 7000 фунтов стерлингов и бросили им пригоршни дукатонов, за которые они должны были побороться. Фискалы вынесли на продажу ткани и штучные товары, но форт открыл огонь, когда они загнали судно под его укрытие. Вскоре за ними погнались пять высоких кораблей, предположительно принадлежавших Макре, но они спаслись. Рождество, длившееся три дня, они провели в веселье, израсходовав большую часть свежей провизии, так что во время плавания к Маврикию они ограничились бутылкой воды и двумя фунтами говядины в день на десять человек.

Оборудовав корабль на Маврикии, они снова отплыли через два месяца, оставив на одной из стен такую надпись: "Покинул это место 5 апреля, чтобы отправиться на Мадагаскар за лаймами". У острова Маскариус они наткнулись на большой приз, обнаружив вице-короля Гоа на португальском корабле из семидесяти пушек, лежавшем на берегу в разобранном виде. Только алмазов на нем было на четыре миллиона долларов. Вице-король спокойно поднялся на борт, приняв их за английские, был захвачен вместе со всеми своими офицерами и выкуплен за 2000 долларов. С подветренной стороны острова они нашли остендское судно, которое отправили на Мадагаскар, чтобы подготовить мачты для приза, и вскоре последовали за ним с грузом в 2000 мозамбикских негров. Достигнув Мадагаскара, они обнаружили, что голландский экипаж напоил пиратов, и отплыли обратно в Мозамбик, а оттуда вместе с губернатором в Гоа.

Теперь они поделили добычу, большинство из них получили по сорок два небольших алмаза. Безумец, которому достался один большой, разбил его в ступке, поклявшись, что теперь он получил лучшую долю, чем кто-либо из них, потому что у него было сорок три искры.

Некоторые из пиратов отказались от дикой жизни и поселились на Мадагаскаре *в мателотаже*, по принципу тонтин: кто дольше унаследует печень, тот и получит все.

Два приза были сожжены, а Тейлор отплыл в Кочин, чтобы продать свои бриллианты голландцам, а затем в Красное и Китайское моря, чтобы избежать английских военных кораблей.

В это время в Индийском море находилось 11 судов и 1500 человек пиратов, но вскоре они разошлись к берегам Бразилии и Гвинеи, либо обосновались и укрепились на Мадагаскаре, Маврикии, Джоханне и Мохилле. Пират по имени Кондин на корабле под названием "*Дракон*"

захватил судно из Мохилы с тринадцатью лаками рупий (130 000 полукронок) и, спалив корабль, обосновался на Мадагаскаре. Командующий английским флотом, все еще преследуя этих пиратов, пытался уговорить англичанина служить ему шпионом и лоцманом, но тщетно.

Тейлор, решив плыть в Индию, но услышав о четырех военных кораблях, направился в Африку и зашел в Делагоа, разрушив небольшой форт из шести пушек. Этот форт принадлежал голландской Ост-Индской компании, но 150 человек в нем были покинуты и оставлены на голодный паек; шестнадцать человек стали пиратами, а остальные, будучи голландцами, были оставлены умирать. Они пробыли в этом логове лихорадки три месяца и, выкарабкавшись, расплатились с голландцами тюками муслина и ситца.

Некоторые ушли и вернулись, чтобы поселиться на Мадагаскаре. Остальные отплыли в Вест-Индию и, избежав клыков двух английских военных кораблей, сдались губернатору Порто-Белло. Восемь из них затем попали на Ямайку как потерпевшие кораблекрушение моряки и отправились в Англию. Капитан Тейлор поступил на испанскую службу и командовал кораблем, который впоследствии напал на английские лесорубы в бухте Гондураса и стал причиной войны с Испанией.

Капитан Эвери был более выдающимся человеком, чем англичанин, и его амбиции были более широкими. Он был уроженцем Плимута и служил помощником на торговом судне в нескольких плаваниях. До заключения Райсвикского мира французы с Мартиники вели контрабандную торговлю с туземцами Перу, несмотря на испанскую *guarda costas*. Испанцы, сочтя свои суда слишком слабыми для французов, наняли два бристольских корабля с тридцатью пушками и 220 людьми, которые должны были отправиться сначала в Корунну или Гройне, а оттуда - в Майн.

На одном из этих кораблей, "*Герцог*", командиром был Гибсон, а первым помощником - Эвери. Эвери, объединившись с самыми смелыми и буйными членами команды, задумал бежать с кораблей и стать пиратами на индийских берегах.

Капитан, пристрастившийся к выпивке, уже лег спать, когда шестнадцать заговорщиков с другого судна, "*Герцогиня*", поднялись на борт и присоединились к компании. Они спросили: "Ваш пьяный боцман на борту?". Закрыв люки, они просунули трос и вышли в море, без всякого беспорядка, хотя были окружены судами. Голландский фрегат с сорока пушками отказался прервать их продвижение, хотя за это предлагалось вознаграждение.

Капитан, разбуженный движением корабля и шумом работы снастей, позвонил в колокольчик, и в каюту вошли Эвери и еще двое. Капитан, испугавшись и решив, что судно сорвалось с якорей, спросил: "В чем дело?". Эвери невозмутимо ответил: "Ничего". Капитан ответил: "Что-то случилось кораблем; ведет ли его? Какая погода?" "Нет, нет", - ответил Эвери, - "мы в море, ветер попутный, погода хорошая". "В море?" - спросил капитан, - "как это может быть?". Тогда Эвери велел ему встать и одеться, и он мог бы открыть ему секрет, потому что он (Эвери) был капитаном, а это была его каюта, и что он направлялся на Мадагаскар, чтобы сделать свое состояние и состояние всех храбрецов, которые были с ним.

Тогда Эвери сказал капитану, чтобы тот не боялся, так как если он будет трезв и будет заниматься своим делом, то со временем сможет сделать его одним из своих лейтенантов. Однако по его просьбе он отправил его на берег вместе с шестью другими.

Достигнув Мадагаскара, они обнаружили два стоящих на якоре шлюпа, на которых бежали из Вест-Индии люди, принявшие его судно за фрегат, скрылись в лесу и расположились в крепком месте с часовыми. Поняв свою ошибку, после осторожных переговоров они объединились и отплыли к аравийскому побережью. У реки Инд они заметили парус и пустились в погоню, полагая, что поймали голландский ост-индский корабль, но оказалось, что это одно из судов Великого Могола, везущее его дочь с паломниками и подношениями в Мекку. Шлюпы взяли его на abordаж с обеих сторон, и он сразу же заиграл своими красками. Индийский корабль был нагружен сокровищами, рабы и сопровождающие были богато одеты и усыпаны драгоценностями, у всех были сосуды из золота и серебра и большие суммы денег для покрытия расходов в сухопутном путешествии.

Забрав все сокровища, они отпустили принцессу, а корабль отправился обратно в Индию. Могол, узнав об этом, пригрозил изгнать англичан из Индии огнем и мечом, но Компании удалось утихомирить его, пообещав выдать ему пиратский корабль и его команду.

Слухи об этом приключении вызвали в Уоппинге сообщение о том, что Джек Эвери женился на дочери Великого Могола, основал империю и приобрел флот.

Получив свой приз, Эвери решил вернуться на Мадагаскар, построить форт и магаз, где он мог бы оставить гарнизон для усмирения туземцев, когда он будет отсутствовать во время плавания. Но тут ему пришла в голову новая идея, и он решил ограбить шлюпы своих друзей и вернуться на Нью-Провиденс. Для начала он отправил на борт каждого из своих союзников по шлюпу, попросив их капитана прийти и присутствовать на общем совете. На этом собрании он объяснил им, что если их разлучит шторм, то они должны быть захвачены, а сокровища будут потеряны для остальных. Поэтому он предложил, поскольку его корабль настолько силен, что может противостоять любому судну, которое они могут встретить в этих морях, поместить сокровища на борт под его присмотром в сундук, запечатанный тремя печатями, и назначить место встречи на случай разлуки. Оба капитана сразу же согласились на это предложение, как явно направленное на общее благо.

В тот день и на следующий погода была хорошей, и все они составили компанию. Тем временем Эвери уговорил своих людей скрыться с добычей и бежать в какую-нибудь страну, где они могли бы провести остаток своих дней в блеске и роскоши. Воспользовавшись темной ночью, они взяли новый курс и к утру потеряли из виду перехитрившие их шлюпы.

Теперь Эвери решил плыть в Америку, сменить имя, купить поселение и умереть в мире и согласии со всем миром - спокойным, богатым христианином. Сначала они посетили Нью-Провиденс, опасаясь, что в Новой Англии их могут вычислить как дезертиров из экспедиции Гройна. Эвери, притворившись, что его судно - капер, который не попал в цель и был продан владельцами, избавился от него с выгодой и купил шлюп.

На нем он побывал в нескольких частях американского побережья, выдавая своим людям дивиденды и позволяя тем, кто решил покинуть корабль. Большую часть бриллиантов он утаил при первом ограблении судна. Некоторые из его людей поселились в Бостоне, но он, опасаясь продать свои алмазы в Новой Англии, отправился с несколькими компаньонами в Ирландию, зайдя в один из северных портов и избежав канала Святого Георгия. Теперь моряки разбрелись. Некоторые отправились в Дублин, а некоторые в Корк, чтобы получить помилование от короля Вильгельма.

Эвери, все еще опасаясь, что его задержат как пирата, если он выставит свои бриллианты на продажу, перебрался в Англию и послал за бристольскими друзьями в Бидефорд. Они согласились за вознаграждение передать камни в руки бристольских купцов, которые, будучи людьми состоятельными и кредитными, не вызовут подозрений. Купцы после некоторых переговоров посетили его в Бидефорде и, после многочисленных заверений в чести и честности, получили несколько пакетов с бриллиантами и несколько сосудов с золотом, чтобы распорядиться ими. Они дали ему немного денег на текущие нужды и уехали. Изменив свое имя, Эвери продолжал жить в Бидефорде, навещаемый теми родственниками, которым он доверил свою тайну. Купцы, после многих писем и настойчивых просьб, присылали ему небольшие суммы денег, которых едва хватало на оплату долгов и покупку хлеба. Утомленный такой жизнью, он отважился на частную поездку в Бристоль, и, к его ужасу, когда он попросил их свести с ним счета, они пригрозили объявить его пиратом, так как людей, ограбленных им, можно было найти на 'Change, в доках или на любой улице.

Испугавшись их угроз (ведь он никогда не проявлял особой храбрости) или будучи обнаруженным каким-нибудь моряком, он бежал в Ирландию, а оттуда снова обратился к купцам, но тщетно, за припасами. Вскоре, доведенный до нищеты, он решил броситься им на шею, чтобы получить деньги или отомстить, и, отработав свой проезд на торговом судне до Плимута, отправился пешком в Бидефорд. Через несколько дней он заболел, умер и был похоронен за счет прихода.

Вернемся к покинутым экипажам шлюпов. Они, полагая, что разлука произошла случайно, сразу же отплыли к месту встречи, а затем, обнаружив обман и не имея больше свежей провизии, решили обосноваться на суше. Поэтому они разбили палатки из парусов и разгрузили свои суда. На берегу к ним присоединилась команда капера, который был послан правительством Бермудских островов для захвата французской фактории Гори () в реке Гамбия и превратился в пиратов, а капитан Тью захватил большое арабское судно в Бабельмандельском проливе, несмотря на его команду и 300 солдат. За этот приз его люди получили по 3000 фунтов стерлингов за штуку, и если бы не трусость и мятеж квартирмейстера и некоторых других, захватили бы еще пять кораблей. Это привело к ссоре, и группа оставила пиратство и удалилась на Мадагаскар. Капитан Тью отплыл в Род-Айленд и добился помилования.

Пираты жили на Мадагаскаре как маленькие принцы, каждый со своим гаремом и большой свитой рабов, которых они использовали на рыбалке, охоте и посадке риса. Англичане в своих войнах вставали на сторону некоторых негритянских принцев и наводили такой ужас на своих противников своим огнестрельным оружием, что целые армии бежали при виде двух-трех белых лиц. Сначала эти пиратские вожди вели войну друг с другом, но в конце концов, встревоженные восстанием негров, объединились в строгий союз.

До этого они привязывали своих рабов к деревьям, и расстреливали их до смерти за малейший проступок; наконец негры, объединившись в общий заговор, решили убить их всех в одну ночь. Поскольку они жили отдельно, это, несомненно, было бы сделано, если бы одна из их чернокожих наложниц не пробежала почти двадцать миль за три часа, чтобы обнаружить заговор. По тревоге они мгновенно собрались с оружием в руках и заставили наступающих негров отступить. Это бегство заставило их быть очень осторожными. Поэтому они разжигали войну между туземными племенами, но впредь сохраняли нейтралитет. Всех убийц и преступников они брали под свою защиту и превращали в телохранителей, а побежденных защищали. Благодаря этой дипломатии, достойной самого цивилизованного народа, они вскоре стали настолько могущественными и многочисленными, что были

вынуждены разделить на колонии, разбившись на племена, каждое со своими женами и детьми.

Теперь они обладали всей полнотой власти и всеми страхами деспотизма. Их дома были цитаделями, а каждая хижина - крепостью. Обычно они выбирали место, заросшее лесом, и располагались возле источника или водоема. Вокруг этого места они возводили вал, обнесенный фоссом. Эта стена была прямой и крутой, на нее нельзя было подняться без лестницы, и у нее был только один вход. Хижина была спрятана так, что ее нельзя было заметить на расстоянии. Проход, который вел к ней, был запутанным, лабиринтообразным и узким, так что пройти по нему мог только один человек, а сама тропа петляла туда-сюда, имея столько перекрестков, что любой непосвященный мог искать ее часами и не найти. По бокам тропы в землю были воткнуты огромные колючки, характерные для этого острова, с остриями наверху, как *chevaux-de-frise*, достаточными для того, чтобы пронзить нападающего, который решится на это ночью.

В таком состоянии этих людей нашел капитан Вудс Роджерс, когда посетил Мадагаскар на корабле "*Делисия*" (40 пушек), желая купить рабов, чтобы продать их голландцам Новой Голландии. Люди, которых он встретил, прожили на острове двадцать пять лет и семь лет не видели кораблей. Мелкие короли буша были покрыты невыделанными шкурами и представляли собой диких несчастных, заросших бородой и волосами. Они обменивали рабов на ткани, ножи, пилы, порох и шары. Они поднялись на борт "*Делисии*", внимательно осмотрели ее и, приветливо поговорив с людьми, пригласили их на берег, намереваясь застать корабль врасплох ночью, когда на нем будет нести слабый дозор, и имея при себе множество лодок и оружия. Они хотели, чтобы мужчины застали капитана врасплох, а тех, кто будет сопротивляться, захлопнули под люками. По сигналу негры должны были взойти на борт, а затем все они станут пиратами и отправятся в кругосветное плавание. Капитан, наблюдая за близостью, не позволял своим людям даже разговаривать с островитянами, выбирая офицера для переговоров с ними о рабах.

Все эти пиратские короли были людьми с формачты и умели читать не больше, чем их главные секретари писать. Главным принцем этого ньюгейтского рая был водяной с Темзы, совершивший убийство на реке.

Поскольку еще несколько лет назад старый моряк из Минехеда был известен как "король Мадагаскара", мы полагаем, что божественное право и наследственное престолонаследие все еще сохраняются в этом Эдеме тюремных птиц.

Во время войны пираты уменьшились в числе и превратились в каперы, но увеличились во время Утрехтского мира, когда распущенные каперы снова стали разбойниками из-за отсутствия азарта и более честного занятия.

Около 1716 года капитан Мартель объявился как командир пиратского шлюпа из восьми пушек и восьмидесяти человек, который, крейсируя у Ямайки, захватил галеру и еще одно небольшое судно, с первого из которых он награбил 1000 фунтов стерлингов. На пути к Кубе они захватили еще два шлюпа, которые разгромили и отпустили, а у Кавены подняли черный флаг и взяли на бордаж двадцатипушечную галеру под названием "*Джон и Марта*". Часть людей они согнали на берег, а часть зачислили в команду.

Груз древесины и сахара они захватили и, сняв одну из палуб корабля, установили на нем двадцать два орудия и 100 человек, и продолжили крейсировать у Подветренных островов, захватив шлюп, бригантину, и двадцатипушечное ньюфаундлендское судно.

Вскоре после этого они разграбили судно с Ямайки и два корабля с Барбадоса, задержав всех лучших людей, а с гвинейской галеры похитили немного золотой пыли, слоновьи зубы и сорок рабов.

В 1717 году они зашли в Санта-Крус, чтобы почистить и переоборудовать небольшой пиратский флот из пяти судов, и причалили к небольшой бухте, очень мелкой, но защищенной скалами и песком. Затем они установили батарею из четырех орудий на острове и еще одну из двух орудий у дороги, а шлюп с восемью орудиями защищал устье канала.

В ноябре 1716 года главнокомандующий всеми Подветренными островами послал на Барбадос шлюп "*Скарборо*" с тридцатью пушками и 140 людьми, чтобы сообщить о пирате. Капитан только что похоронил двадцать человек и, имея сорок больных, с трудом мог выйти в море. Однако, набравшись смелости, он оставил своих больных и стал искать рекрутов на всех островах, мимо которых проходил. На Антигуа он взял двадцать солдат, на Невисе - десять, и столько же на Сент-Кристофере.

Не найдя пирата, он уже собирался возвращаться, как вдруг лодка из Санта-Круса сообщила ему о бухте, в которую заходило судно. *Скарборо* немедленно направился к этому месту и обнаружил пиратов, но лоцман отказался войти. Пираты все это время стреляли с берега раскаленными патронами, но в конце концов корабль встал на якорь у рифа и открыл пушечный огонь по судам и батареям. Шлюп, находившийся в канале, вскоре затонул, а более крупное судно было сильно наказано, но "*Скарборо*", опасаясь рифа, еще день или два стоял на берегу и блокировал бухту. Пираты, пытаясь отчалить и ускользнуть, сели на мель и, увидев, что "*Скарборо*" снова стоит на месте, обстреляли корабль и сбежали на берег, оставив двадцать негров на верную гибель. Девятнадцать человек спаслись на шлюпе, а капитан и еще двадцать негров скрылись в лесу, где, как предполагается, и погибли, поскольку о них больше никогда не было слышно.

Капитан Чарльз Вейн, наш следующий викинг, известен как один из тех, кто помог украсть серебро, которое испанцы выловили из своих затонувших галеонов во Флоридском заливе.

Когда капитан Роджерс с двумя военными кораблями захватил Провиденс и помиловал всех пиратов, которые покорились, Вейн спустил свой трос, выпустил приз в гавани, поднял черный флаг и, выстрелив в одного из военных, смело уплыл. Захватив барбадосское судно, он укомплектовал его двадцатью пятью людьми и, выгрузив с него восемь кусков интервента, зашел на ключ и провел некоторое время в веселье.

В следующем плавании они захватили несколько испанских и новоанглийских судов, а также одно, груженное древесиной. Команду последнего они заставили выбросить груз за борт, намереваясь превратить его в пиратское судно, но в порыве каприза неожиданно отпустили людей, а вместе с ними и корабль. Капитан приза, оскорбленный высокомерием Вейна, покинул его, сдался сам и 90 негров губернатору Чарльзтауна, получив бесплатное помилование. Уходя, Вейн отсалютовал беглецу широким бортом и некоторое время ждал его, но безуспешно. Вскоре после этого два вооруженных шлюпа пустились в погоню за Вейном и, не сумев захватить его, атаковали и захватили другое пиратское судно, стоявшее у мыса Страха.

В одном из заливов на севере Вейн встретил Черную бороду и, согласно пиратскому этикету, отсалютовал ему выстрелом из пушки. У Лонг-Айленда он атаковал судно, оказавшееся французским военным кораблем, и бросился в погоню; Вейн был за бегство, но многие из людей, несмотря на то, что враг весил больше металла и был вдвое сильнее их, были за

абордаж. Пиратский капитан во всех случаях, кроме боевых, управлялся большинством, но в данном случае имел абсолютную власть; Вейн отказался сражаться и сбежал.

На следующий день голосованием Вейна заклеямили как труса и сместили, а Рэкхема, его офицера, избрали капитаном. Вейн и меньшинство были отправлены в плавание на шлюпе. Зайдя в бухту Гондураса, Вейн захватил еще один шлюп, переоборудовал его под пиратское судно и вскоре захватил еще два. Вскоре Вейн потерпел кораблекрушение на одном из островов близ Гондураса, и большинство его людей утонуло; его самого поддерживали рыбаки-черепахи. Когда он находился в таком плачевном состоянии, прибыло судно с Ямайки, которым командовал старый знакомый буканьер, к которому он обратился за помощью. Тот отказался, заявив, что Вейн будет интриговать с его людьми, убьет его и сбежит как пират. Когда Вейн засомневался в том, что украл рыбацкую лодку на берегу, буканьер заявил, что если по возвращении найдет его там, то отвезет на Ямайку и повесит.

Вскоре после отплытия его друга в бухту зашло судно, и, не зная, что Вейн - пират, он взял его на борт как матроса. Выйдя из бухты, пират встретил их и поднялся на борт, чтобы пообедать. Пройдя в каюту, он увидел Вейна, работающего в трюме, и спросил капитана, знает ли он, что это Вейн, печально известный пират. Тот заявил, что не хочет его брать, и буканьер, послав на борт своего помощника с заряженным пистолетом, схватил Вейна и отвез его на Ямайку, где вскоре был повешен.

После путешествия по Карибским островам Рэкхем провел Рождество на берегу, а когда спиртное закончилось, вышел в море. Их первый приз был зловещим - корабль, нагруженный ньюгейтскими каторжниками, направлявшимися на плантации, который вскоре был захвачен английским военным кораблем. Два других его приза также были захвачены губернатором Нью-Провиденс Роджерсом во время крена в сторону Багамских островов.

Затем они отплыли к задней части Кубы, где у Рэкхемы было поселение, и там потратили награбленное в разврате. Когда они выходили в море, на них напала испанская гвардия Коста, только что захватившая английского интервента. Оказавшись под защитой острова Рэкхем, испанцы в сумерках вошли в канал и стали ждать дня. Пираты, доведенные до отчаяния, поднялись на борт испанского приза с пистолетами и тесаками в темноте ночи и, угрожая команде смертью, если они заговорят, захватили его почти без единого удара и, отвязав трос, ушли в море. С наступлением дня испанцы открыли по покинутому пиратскому судну шквальный огонь, но вскоре обнаружили свою ошибку.

1720 год прошел в небольших крейсерствах вокруг Ямайки, так как их команда была все еще коротка; затем они сняли несколько рыбацких лодок с острова Харбор и, высадившись на Испаньоле, захватили несколько голов дикого скота и нескольких французских охотников.

Затем он захватил еще несколько судов, а в бухте Драй-Харбор к нему присоединилась команда шлюпа. Но их конец был близок. Губернатор Ямайки отправил в погоню за ними шлюп, который обнаружил пиратов, резвящихся с командой судна из Пойнт-Негрил, и вскоре они были побеждены.

Через две недели после этого девять из них были приговорены к смертной казни на адмиралтейском суде, состоявшемся в Сант-Яго-де-ла-Вега. Пятеро из них были казнены на Гэллоуз-Пойнт в Порт-Ройяле, а четверо других - на следующий день в Кингстоне. После этого Рэкхема и еще двоих сняли и повесили в цепях: одного в Пламб-Пойнте, другого в Баск-Ки, а третьего в Ган-Ки. По ужасным драконовским законам Ямайки девять лодочников из

Порт-Негрила также были повешены. Можно ли после такого правосудия удивляться преступлениям, на которые отчаяние часто толкало пиратов?

Среди этих "несчастливых храбрецов", как великодушно называет их Приор, не стоит забывать и о двух женщинах-пиратах. Первая из них, Мэри Рид, была дочерью моряка, жена которого после его смерти родила незаконнорожденную девочку, выдав ее за мальчика, чтобы возбудить сострадание матери мужа. Оказавшись в стесненных обстоятельствах, она отдала девочку на воспитание мальчику, но вскоре сбежала в море и поступила на борт военного корабля. Оставив морскую службу, Мэри Рид перезимовала во Фландрии и поступила кадетом в пеший полк, проявив при этом немало храбрости, и наконец поступила в конный полк. Здесь она влюбилась в своего товарища, молодого Флеминга, за которого в конце концов вышла замуж и открыла в Беде трактир под названием "Три лошадиных башмака". Когда ее муж умер, а мир разрушил ее торговлю, Мэри отправилась в Голландию и вступила в полк, расквартированный в пограничном городе, но, не найдя возможности получить предпочтение, она отправилась на борту судна, направлявшегося в Вест-Индию.

Судно было захвачено английскими пиратами, и амазонка, будучи единственным английским моряком, была задержана. Вскоре после этого было объявлено о помиловании, команда сдалась, но Мэри Рид отплыла на Нью-Провиденс и присоединилась к каперской эскадре, снаряженной там против испанцев. Помилованные пираты вскоре восстали против своего командира и вернулись к прежнему ремеслу, и Мэри Рид была среди них. Отвращаясь от пиратской жизни, она все же первой поднялась на борт и была столь же решительна, как и самые отважные. Случайно оказавшаяся в команде переодетая женщина Энн Бонни обнаружила ее пол и вскоре влюбилась в моряка, которого они взяли в плен, и со временем вышла за него замуж. Ее муж ненавидел свою новую профессию так же сильно, как и она сама, и они уже собирались бросить ее, когда их обоих взяли в плен.

Однажды Мэри Рид, чтобы предотвратить дуэль мужа, вызвала его противника на дуэль на песчаном острове, возле которого стоял их корабль, и убила его на месте, вооружившись шпагой и пистолетом.

На суде она заявила, что ее жизнь всегда была чистой и что она никогда не собиралась оставаться пираткой. Когда их схватили, только она и Энн Бонни держались на палубе, призывая тех, кто находился в трюме, подняться и сражаться как мужчины, а когда те отказались, открыла по ним огонь, убив одного и ранив нескольких. В тюрьме она сказала, что страх перед повешением никогда не отвращал ее от пиратства, поскольку, если бы не страх перед этим, пиратов было бы так много, что торговля не имела бы смысла.

В суде к ней проявили большое сострадание, но ее все равно признали виновной, хотя, поскольку она была близка к беременности, казнь отложили. Ее могли бы помиловать, но вскоре после суда у нее началась сильная лихорадка, и она умерла в тюрьме.

Ее спутница, Энн Бонни, была незаконнорожденной дочерью адвоката из Корка. Ее отец, переодев ребенка в мальчика, выдал его за сына родственника и отдал на воспитание клерку. Разорившись, он эмигрировал в Каролину и, став купцом, купил плантацию. После смерти матери хозяйством занялась Энн Бонни. Она отличалась вспыльчивым и неуправляемым нравом и, по слухам, зарезала английского слугу футлярным ножом. Выйдя замуж за моряка без гроша в кармане, отец выставил ее за дверь, и они с мужем бежали на Нью-Провиденс, где он стал пиратом. Здесь ее соблазнил капитан Рэкхем, и она убежала с ним в море, переодевшись матросом, и сопровождала его во многих плаваниях. В день казни

Рэкхема ее пустили к нему по особой милости, но она лишь насмеялась над ним и говорила, что ей жаль видеть его там, но если бы он сражался как мужчина, его бы не повесили как собаку.

Забеременев в тюрьме, она была освобождена и, как мы полагаем, окончательно помилована.

Капитан Хауэл Дэвис, наш следующий морской король, был уроженцем Милфорда, который, попав плен к англичанам, был назначен капитаном судна, на котором он был старшим помощником. Сначала он заявил, что скорее будет расстрелян, чем станет пиратом, но в конце концов принял запечатанные приказы из Англии, которые должны были быть вскрыты на определенной широте. Вскрыв их, он обнаружил, что они предписывают ему сделать корабль своим и отправиться торговать в Бразилию. Команда, отказавшись повиноваться Дэвису, направилась к Барбадосу и посадила его в тюрьму, но вскоре он был освобожден.

Отправившись на Нью-Провиденс, гнездо пиратов, он обнаружил, что остров только что сдался капитану Вудсу Роджерсу. Здесь он присоединился к кораблям, готовившимся к испанской торговле, а на Мартинике вступил в заговор, захватил хозяев и отправился в круиз против всего мира. На военном совете, состоявшемся за чашей пунша, Дэвис был единогласно избран командиром, а составленный им устав подписали все члены экипажа.

Затем они отправились в Коксонс-Хоул, на восточной оконечности Кубы, чтобы очистить ее, так как это узкая бухта, где один корабль может защитить себя от сотни, и, не имея плотника, они столкнулись с некоторыми трудностями в уходе. На северной стороне острова Испаньола они столкнулись с французским кораблем с двенадцатью пушками, который они захватили и отправили на борт двенадцать человек для грабежа, так как теперь у них было мало провизии. Едва они взойшли на палубу, как в поле зрения появилось другое французское судно с двадцатью четырьмя пушками и шестьюдесятью людьми. Это судно Дэвис предложил атаковать, вопреки желанию своей команды, которая была напугана его размерами. Когда Дэвис приблизился, французы потребовали, чтобы он нанес удар, но, отвечая им широким боком, он сказал, что будет держать их в игре до прибытия своей супруги, когда им придется несладко. В этот момент подошли все пленники, их одели в белые рубашки и заставили выйти на палубу, а для черного флага подняли грязный брезент. Французский капитан, испугавшись, мгновенно ударил, и его тут же, вместе с десятью руками, заковали в кандалы.

Затем пушки, стрелковое оружие и порох с маленького корабля были сняты, а призовая команда отправлена на борт более крупного судна. Часть пленников была помещена на меньший и теперь уже беззащитный барк. По истечении двух дней, обнаружив, что французский приз - неважный парусник, Дэвис вернул его капитану, за вычетом боеприпасов и груза. Француз, раздосадованный тем, что его так перехитрили, покончил бы с собой, если бы ему не помешали его люди.

Затем Дэвис посетил острова Кабо-де-Верд и оставил часть своих людей в качестве поселенцев среди португальцев. Они также разграбили много судов на острове Мэй, получили много свежих рабочих рук, оснастили один из своих призов двадцатью шестью пушками и назвали его *"Король Джеймс"*. В Сент-Джаго губернатор обвинил их в пиратстве, и Дэвис решил нанести им оскорбление, устроив ночной штурм форта. Выйдя на берег во всеоружии, они обнаружили, что охрана небрежна, и заняли место, потеряв всего трех человек. Беглецы забаррикадировались в доме губернатора, в который пираты бросили гранаты. К рассвету вся страна была поднята по тревоге и обрушилась на них, но они, не желая выдерживать осаду, разобрали орудия форта и с боем пробились к своим кораблям.

Собравшись с силами и обнаружив, что их по-прежнему семьдесят, они решили последовать совету Дэвиса и напасть на замок Гамбия, где всегда хранилось много денег, ибо теперь они были такого мнения о храбрости и благоразумии Дэвиса, что пошли бы за ним куда угодно.

Приблизившись к этому месту, он приказал спустить всех своих людей, кроме тех, кто был абсолютно необходим для работы судна, чтобы люди на берегу могли принять его за торговца. Затем он подошел к форту, бросил якорь и, заказав лодку, укомплектовал ее шестью одетыми в штатское людьми, сам - хозяин, а остальные - купцы. Людей проинструктировали, что говорить.

На месте высадки их встретила толпа мушкетеров и повела к губернатору, который принял их вежливо. Они сказали, что прибыли из Ливерпуля, направлялись к реке Сенегал для торговли эвкалиптом и слоновой костью, но, будучи преследуемы в Гамбии двумя французскими военными кораблями, готовы обменять их на рабов; их груз, по их словам, состоял из железа и пластин. Губернатор, пообещав им рабов, попросил корзину европейского спиртного и пригласил их остаться и пообедать. Сам Дэвис отказался остаться, но оставил двух своих спутников.

Уходя, он заметил, что у входа стоит часовая, а рядом - караульный домик, в одном углу которого сложено оружие дежурных солдат. Поднявшись на борт, он заверил своих людей в успехе, велел им сохранять трезвость, а когда взметнется флаг крепости, немедленно отправить двадцать человек на берег. Затем он схватил стоявший неподалеку шлюп, опасаясь, что команда обнаружит их приготовления.

Он положил в карман две пары заряженных пистолетов и заставил всех членов команды сделать то же самое, велел им вступить в разговор со стражником, а когда тот выстрелит из пистолета в окно губернатора, вскочить и схватить сваленное оружие.

Пока готовился ужин, губернатор начал варить пунш, как вдруг Дэвис, услышав шепот коксвейна, который вел разведку, выхватил пистолет и, приставив его к груди губернатора, приказал ему сдать форт и все свои богатства, иначе он - покойник. Губернатор, застигнутый врасплох, пообещал быть пассивным. Затем они закрыли дверь и зарядили оружие в коридоре, в то время как Дэвис выстрелил из своей пушки через окно. Услышав этот сигнал, люди взвели пистолеты, встали между солдатами и оружием и унесли его, заперев людей в караульном помещении и охраняя его снаружи. Затем, ударив по флагу, остатки команды высыпали на берег, и форт стал их собственностью без потери людей. Дэвис сразу же обратился к солдатам с речью и убедил многих присоединиться к нему, а тех, кто сопротивлялся, отправил на борт шлюпа, который сначала отвязал. Остаток дня они провели в салютах - корабль с замком и замок с кораблем, а на следующий день занялись грабежом. За последнее время было вывезено много денег, поэтому они нашли только 2 000 фунтов стерлингов в золоте и много богатых вещей. Затем они демонтировали пушки и разрушили укрепления.

Вскоре к Дэвису присоединился французский пират с 14 пушками и шестьюдесятью четырьмя людьми, наполовину французами, наполовину неграми, и они вместе поплыли вдоль побережья. Вскоре они встретили другой пиратский корабль с 24 пушками и провели несколько дней в веселье. Затем они в компании напали на форт Сьерра-Леоне, и гарнизон после жесткой канонады сдался и бежал. Здесь они провели семь недель; захватив галеру, Ла Бус, второй капитан, разрубил ее до половины палубы и установил на ней 24 пушки. Теперь они плавали вместе и назначили Дэвиса коммодором, но, как люди одного ремесла, вскоре поссорились и разошлись. У мыса Аполлония Дэвис захватил несколько судов, а у мыса Пойнтс-Бей напал на голландский интервента из 30 пушек и девяноста человек. После

многочасового боя голландец сдался под черным флагом, убив девять человек Дэвиса одним залпом. Это судно Дэвис назвал "*Ровер*", оснастив его 32 пушками и 27 вертлюгами, и, доплыв до Анамбоэ, захватил несколько кораблей со слоновой костью, золотой пылью и неграми, отсалютовав форту, а затем направился к Принцеву острову, португальскому поселению у того же побережья.

Здесь они захватили голландца, ценный приз, имея на борту губернатора Акры и 150 000 фунтов стерлингов, кроме товаров, и пополнили свои силы тридцатью пятью людьми. На судне "*Король Джеймс*" образовалась течь, и они покинули его, оставив тонуть. На острове Принсес Дэвис выдал себя за английский корабль, отправившийся на поиски пиратов, и был принят с большими почестями губернатором, который одобрил его открытое разграбление французского судна, которое он обвинил в пиратстве. Через несколько дней после этого Дэвис и четырнадцать его людей попытались увести жен вождей из небольшой деревни, в которой они жили, но потерпели неудачу. Однако Дэвис решил разграбить остров с помощью следующей хитрости. Он решил подарить губернатору дюжину негров в обмен на его любезность, а затем пригласить его вместе с монахами и главными людьми острова на развлечение на борту своего корабля. Затем он заковал бы их в кандалы и не отпустил бы под выкуп в 40 000 фунтов стерлингов.

Этот заговор оказался для него роковым. Португальский негр, выплыв ночью на берег, раскрыл все. Губернатор раскололся и признался, что попался в ловушку. На следующий день Дэвис сам отправился на берег, чтобы доставить губернатора на борт, и был приглашен подкрепиться в правительственный дом. Он сразу же попал в ловушку. Подготовленная засада поднялась и дала залп, убив всех пиратов, кроме одного, который, добежав до лодки, благополучно добрался до корабля. Дэвис, хотя и был ранен в кишки, поднялся, сделал слабую попытку бежать, достал пистолеты, выстрелил в своих преследователей и упал замертво.

После смерти Дэвиса Бартоломью Робертс сразу же был избран командиром, предпочтя многих других *лордов* или старших матросов. Моряки заявили, что любой капитан, который выходит за рамки их законов, должен быть смещен, но для защиты своего содружества они должны иметь мужественного человека и хорошего моряка. Один из лордов, чей отец пострадал во время восстания Монмута, поклялся, что Робертс был папистом. Несмотря ни на что, Робертс, попавший в плен всего шесть недель назад, был выбран командиром. Он сказал им, что, "поскольку он окунул руки в мутную воду и должен быть пиратом, он предпочел бы быть командиром, а не простым моряком".

Первой мыслью было отомстить за смерть Дэвиса, ведь его очень любили за приветливость и добрый нрав. Тридцать человек высадились на берег и атаковали форт, несмотря на крутой холм, на котором он находился. Португальцы покинули стены, а пираты уничтожили пушки. Не успокоившись, они сожгли бы город, если бы он не был защищен густым лесом, который служил укрытием для врага. Однако они подняли французский корабль с двенадцатью пушками, забежали в мелководье, снесли несколько домов, а затем выплыли из гавани при свете двух кораблей, которые подожгли. Захватив еще два судна и сжегши одно из них, они с общего согласия направились в Бразилию.

Проплавав здесь девять недель и не взяв ни одного приза, пираты совсем пали духом и решили направиться в Вест-Индию, но вскоре столкнулись с сорока двумя португальскими кораблями, груженными товаром для Лиссабона и лежащими у залива Лос-Тодос-Сантос в ожидании двух военных кораблей по семьдесят пушек каждый для своего конвоя. Прокравшись среди них, Робертс спрятал своих людей, пока не настиг самый глубокий из

них, пригрозив не отдавать четверть, если хозяин не будет немедленно отправлен на борт. Португалец, встревоженный внезапным взмахом сабеля, тут же подошел. Робертс сказал ему, что они джентльмены удачи и должны предать его смерти, если он не скажет им, какое судно флота самое богатое. Трепач указал на корабль с сорока пушками и 150 людьми, что превышало силы, которыми Робертс мог командовать; но Робертс, ответив: "Это всего лишь португальцы", сразу же обрушился на него. Почувствовав, что противник знает о том, что они пираты, Робертс открыл шквальный огонь, схватился с ними и взял на abordаж. Схватка была короткой и жаркой. Двое пиратов и многие португальцы пали. К этому времени стало ясно, что на птичий двор забралась лиса. Посыпались сигналы с верхних галантных листов, а пушки открыли огонь, чтобы поднять конвой, который все еще стоял на якоре. Робертс, обнаружив, что его призовой парус отяжелел, дождался первого корабля, который, подло отказавшись от дуэли, остался ждать своего спутника, пока Робертс не скрылся из виду. Приз оказался очень богатым: сахар, шкуры, табак и 4000 мойдоров, а также множество золотых цепей и драгоценностей. Бриллиантовый крест, который был частью этой добычи, они потом подарили губернатору Кайаны. Обрадованные этой добычей, они выбрали Дьявольские острова в реке Суринам в качестве места для пиршества и, прибыв туда, нашли губернатора готовым к торгу.

Сильно нуждаясь в провизии, Робертс с сорока людьми сел на призовой шлюп в надежде захватить бригантину, груженную провизией из Род-Айленда, которая была в то время в поле зрения, и восемь дней держался в море из-за встречных ветров. Продовольствие кончилось, и, не сумев захватить приз, они отправили свою единственную шлюпку, чтобы поднять корабль.

Высадившись на Доминике, Робертс взял на борт тринадцать англичан - экипажи двух новоанглийских судов, захваченных французским караулом. У этого острова они едва не были захвачены шлюпом "Мартиника", но сумели бежать к гуаданиллам. Отплыв к Ньюфаундленду, они вошли в гавань с развевающимися черными цветами, барабанами и трубами. Экипажи двадцати двух судов сбежали на берег при их приближении, и они принялись жечь и топить все суда, уничтожать рыбные промыслы и дома плантаторов. Взяв найденную в гавани бристольтскую галеру с шестнадцатью пушками, Робертс уничтожил девять парусов французских кораблей и забрал себе в пользование судно с двадцатью шестью пушками. Со многих других призов они давили людей и получали награбленное. Пассажиров на борту "Сэмюэля", богатого лондонского судна, он пытал, угрожая им смертью, если они не выдадут свои деньги. Его люди задраили люки и, ворвавшись в трюм с топорами и мечами, разрубили и разорвали тюки и ящики. Все портативное они захватили, остальное выбросили за борт, сопровождая это проклятиями и выстрелами из ружей и пистолетов. Они унесли товаров на 9000 фунтов стерлингов, паруса, пушки и порох. Они сказали капитану: "Они не должны принимать никаких милостей. Король мог бы быть в долгу, если бы они оказали им милость: они шли в Хоуп-Пойнт не для того, чтобы их повесили сушиться на солнце, как компанию Кидда и Брэддиша; а если их одолеют, они подожгут порох и *все вместе весело отправятся в ад*".

Размышляя, топить или сжигать приз, они заметили парус и, оставив "Сэмюэль", пустились в погоню. Это оказалось бристольтское судно, и, ненавидя бристольтцев за то, что одним из них командовал мартиникский шлюп, он использовал его с варварской жестокостью.

Провизии стало не хватать, Робертс зашел в Сент-Кристоферс и, получив отказ в помощи, обстрелял город и сжег два корабля на дороге. Затем они посетили Сент-Бартоломею, где их

хорошо приняли. Отплыв в Гвинею, устав от разврата, они захватили богатое судно с Мартиники, и сменили корабль. По какому-то необыкновенному навигационному невежеству Робертс, пытаясь достичь островов Зеленого мыса, оказался подветренным от своего порта и, вынужденный возвращаться назад по попутному ветру, вернулся в Вест-Индию, взяв курс на Суринам, расположенный в 700 лигах, с одним ящиком воды на 124 души.

На островах Сирен их удовольствия сопровождались большими страданиями; каждый человек за двадцать четыре часа получал только один глоток воды. Многие пили свою мочу или рассол и умирали в лихорадке и безумии; другие истощались от флюсов. Остальные получали лишь дюйм или два хлеба в день и становились настолько слабыми, что с трудом могли опираться и карабкаться. Все они уже были близки к смерти, как вдруг их вывели на промер, а ночью поставили на якорь в семи сажнях воды.

Почувствовав жажду при виде озер и ручьев и обезумев от голода, Робертс разодрал пол в каюте и, скрепив каноэ веревочной нитью, поплыл к берегу за водой. Через несколько дней лодка вернулась с неприятным известием о том, что лейтенант скрылся с судна.

Об этом отплытии лейтенанта Кеннеди в Казенный док мы расскажем перед тем, как вернуться к Робертсу. Покинув Кайану, вероломная команда Робертса решила отказаться от пиратства. Свой португальский приз они отдали хозяину призового шлюпа, добродушному человеку, чья спокойная философия в условиях несчастья удивляла и радовала их. У Барбадоса Кеннеди захватил квакерское судно из Виргинии, капитан которого не разрешал брать на борт оружие, и его спокойствие так привлекло пиратов, что восемь из них вернулись с ним в Виргинию. Эти люди вознаградили моряков и подарили миролюбивому капитану золотую пыль и табак на 250 фунтов стерлингов. В Мэриленде вероломный квакер сдал своих друзей, которые были повешены по показаниям нескольких португальских евреев, привезенных ими из Бразилии.

У берегов Ямайки Кеннеди захватил судно с мукой из Бостона, на которое сел сам и многие другие. Этот Кеннеди был карманником и взломщиком домов, не умел ни читать, ни писать и был избран капитаном только за свою жестокость и смелость.

Команда, поначалу испугавшись его предательства, хотела выбросить его за борт, но смирилась, когда он принес торжественную клятву верности. Из всех этих людей только один знал хоть что-то о навигации, и он был настолько невежественен, что, пытаясь добраться до Ирландии, высадил их на берег Шотландии. Высадившись, они поначалу приняли их за потерпевших кораблекрушение моряков; семеро из них благополучно добрались до Лондона, остальные были схвачены в Эдинбурге и повешены, привлекая к себе внимание буйством и пьяным разгулом. Двое других были убиты по дороге.

Кеннеди стал разбойником и через несколько лет был арестован как пират приятелем разграбленного им корабля, дал показания королю, но был повешен в 1721 году.

Теперь мы должны вернуться к Робертсу, которого мы оставили ругающимся и испаряющимся на побережье Ньюфаундленда. Для начала он составил свод законов и установил более строгую дисциплину, а затем отправился в Вест-Индию, захватив по пути несколько судов, и вскоре был преследуем бристольской галерой двадцатью пушками и восьмьюдесятью людьми, а также шлюпом в десять пушек и сорок человек, посланными губернатором Барбадоса. Робертс, приняв их за торговцев, попытался взять на abordаж, но был отброшен широким боем, причем люди короля кричали "ура" во время стрельбы.

Робертс, собрав все паруса, обратился в бегство и спасся после жестокой погони, выбросив за борт свои пушки и тяжелые вещи. Впредь он был особенно суров к барбадосским судам, настолько глубоко укоренились принципы справедливости и компенсации в сознании этого великого человека.

Утром они увидели землю, но на большом расстоянии, и, отправив лодку, вернулись поздно вечером с грузом воды: они достигли Суринама. Самый страшный богохульник, услышав эти слова, упал на колени, чтобы возблагодарить Бога, которого он так часто отрицал. Они поклялись, что то же Провидение, которое дало им питье, принесет им и мясо.

Взяв провизию с нескольких судов, Робертс пристал к Тобаго, а затем отплыл на Мартинику, чтобы отомстить губернатору. Приняв обычай голландских интервентов, он поднял домкрат и приплыл, как будто для торговли. Вскоре его окружил целый рой шлюпов и шхун; затем, отправив все команды на берег на борту одного судна, за вычетом их денег, он перестрелял двадцать других. На его новом флаге отныне было изображено, как он попирает черепа барбадосцев и мартиникцев. На Доминике он захватил несколько судов, еще несколько - на Гваделупе, а затем зашел в ключ у острова Испаньола, чтобы почистить и отремонтировать.

Когда он находился здесь, капитаны двух пиратских шлюпов посетили его, прослышав о его славе и достижениях, чтобы выпросить у него порох и оружие. После нескольких ночных пирушек Робертс отпустил их, надеясь, что "Господь благословит их удобные дела". Трое из них, давно вызывавшие подозрения своей сдержанностью и трезвостью, дезертировали, но, будучи пойманными, предстали перед судом. Присяжные сидели в кубрике перед чашей ромового пунша, судья на скамье подсудимых курил трубку. Приговор был уже вынесен, когда один из присяжных, произнеся залп клятв, поклялся, что Глэшби (один из заключенных) не должен умереть. "Он был таким же хорошим человеком, как и лучшие из них, и за всю свою жизнь ни разу не повернулся к человеку спиной. Глэшби был честным парнем, несмотря на свое несчастье, и он любил его. Он надеялся, что тот будет жить и расскажет в содеянном, но если ему придется умереть, он умрет вместе с ним", - с этими словами он взял в руки пару заряженных пистолетов и предъявил их двум судьям, которые, сочтя доводы вескими, тут же оправдали Глэшби. Остальных, которым позволили выбрать себе палачей, привязали к мачте и расстреляли.

Запасшись провизией, они отплыли в Гвинею, чтобы купить золотую пыль, и по пути сожгли и потопили множество судов. Робертс, обнаружив, что его команда мятежна и неуправляема, принял грубый вид, предложив сразиться на берегу с любым, кто будет оскорблен, мечом или пистолетом, поскольку он не боялся и не ценил никого. По пути в Африку их покинул приз - бригантина, которую они укомплектовали. Робертс был оскорблен пьяным матросом и убил его на месте. Его товарищ, вернувшийся с берега, заявил, что капитан заслуживает такой же участи. Услышав это, Робертс ударил его шпагой, но, несмотря на рану, матрос повалил его на пушку и стал избивать. Началось всеобщее волнение, которое было утихомирено квартирмейстером, и большинство согласилось с тем, что капитана нужно поддерживать при любом риске, матрос получил по два удара плетью от каждого человека на борту, как только оправился от раны. Затем этот человек сговорился с капитаном бригантины и его семьюдесятью помощниками и согласился дезертировать с Робертса, что они вскоре и сделали при первой же возможности.

У реки Сенегал пиратов преследовали два французских крейсера с десятью и шестнадцатью пушками, которые приняли его за одного из тех залетчиков, которых они высматривали. Однако они сдались без сопротивления с первого выстрела "*Веселого Роджера*" и с этими призами вошли в Сьерра-Леоне. Здесь жили около тридцати отставных буканьеров и

пиратов, один из которых, по прозвищу Крекерс, держал у своей двери две пушки, чтобы салютовать всем прибывающим пиратским кораблям.

Они узнали, что пятидесятипушечные корабли *"Ласточка"* и *"Веймут"* только что побывали здесь и не собирались возвращаться до Рождества, поэтому после шестинедельного дебоша они снова вышли в море, грабя побережье. Одно из своих судов они обменяли на французский фрегат, наняв матросов и разрешив некоторым солдатам плыть с ними за четверть доли.

Они нашли на борту английского капеллана и хотели, чтобы он пошел с ними готовить пунш и читать молитвы, но так как он отказался, они отпустили его, не задержав ничего из имущества церкви, кроме трех молитвенников и штопора. Этот корабль они переделали, спустив переборки и сделав его вровень. Затем они окрестили его *"Королевская удача"* и установили на нем сорок пушек.

Затем они направились в Калабар, где гавань защищала отмель. Разгневанные отказом негров торговать, они высадили сорок человек под защитой огня кораблей, оттеснили партию из 2000 туземцев, а затем сожгли их город. Так и не сумев раздобыть провизию, они вернулись к мысу Аполлония. Здесь они захватили судно под названием *"Царь Соломон"* и высадились на него из длинной шлюпки, несмотря на залп с корабля, пираты кричали о неповиновении. Капитан хотел сопротивляться, но боцман заставил его сложить оружие и потребовал отпустить его. Затем они перерезали ванты и вытряхнули из корабля все, что можно. Затем они срубили мачту голландского судна, нанизали себе на шею найденные на борту сосиски, убили птиц и предложили капитану выпить из его собственной посуды, распевая непристойные французские и испанские песни из своего голландского молитвенника.

Подойдя слишком близко к суше, они встревожили побережье, и английская и голландская фактории подали сигналы об опасности.

Войдя в Уайду с мичманом Святого Георгия и черным флагом, одиннадцать кораблей мгновенно сдались без единого удара; большинство экипажей, по сути, находились на берегу. Каждый капитан выкупил свой груз за 8 фунтов золотой пыли, после чего они дали ему оправдательные документы, подписанные фиктивными именами, такими как *"Whiffingpin"* и *"Tugmutton"*. Одно судно, полное рабов, отказалось дать выкуп, и он поджег его и сжег восемьдесят негров, которые были закованы в цепи в трюме; несколько человек выпрыгнули за борт, чтобы избежать пламени, и были разорваны на куски акулами, кишасами на пути.

Узнав из перехваченного письма, что *"Ласточка"* преследует его, Робертс вернулся к острову Анна-Бона, но при попутном ветре взял курс на мыс Лопес. За три недели пребывания у острова Принца крейсер потерял 100 человек от болезни и, не имея возможности вернуться в Сьерра-Леоне, повернул к мысу Корсо, неизвестному Робертсу, который не знал о причинах, приведших к их возвращению. Получив множество призывов о помощи и обнаружив, что торговля на всем побережье нарушена, *"Ласточка"* отплыла в Уайду. Экипажу не терпелось напасть на пиратов, узнав, что у них есть сундук с золотом, защищенный тремя ключами. Набрав тридцать добровольцев, англичан и французов, *"Ласточка"* достигла реки Габун и вскоре обнаружила пиратов, один из которых устроил им погоню, посчитав ее португальским сахарным судном, а сахар для их пунша теперь был на исходе.

Пираты проклинали ветер и паруса, которые не позволили им получить столь богатую добычу, когда *"Рейнджер"* внезапно набрал ход и задраил нижние порты, а первый же боковой удар сбил их черный флаг. Подняв его снова, они осыпали рубку на полуюте, но попытались скрыться. Некоторые приготовились к abordажу, но после двухчасового обстрела их грот-мачта свалилась с разбегу, и они упали, имея десять человек убитыми и двадцать ранеными. *Ласточка* не потеряла ни одного человека. На *"Рейнджере"* было тридцать два орудия, и на нем служили шестнадцать французов, семьдесят семь англичан и десять негров. Их черные цвета были выброшены за борт. Когда *"Ласточка"* отправляла шлюпку на борт, раздался взрыв, и из большой рубки повалил дым. Оказалось, что полдюжины самых отчаянных выстрелили порохом, но его было слишком мало, чтобы сделать хоть что-то, кроме страшных ожогов.

У командира, валлийца, была прострелена нога, и он отказался спускаться вниз. Остальные были веселы и бодры, одеты в белые рубашки и шелковые жилеты, носили часы.

Один из офицеров обратился к человеку с серебряным свистком на поясе: "Я полагаю, вы боцман этого корабля". "Вы ошибаетесь, - ответил пират, - я боцман *королевского корабля "Фортуна"*, капитан Робертс, командир". "Тогда, господин боцман, вы будете повешены", - сказал офицер. "Как будет угодно вашей чести", - ответил тот и отвернулся.

Когда офицер спросил его о взрыве, тот поклялся, что "все они сумасшедшие и заколдованные, потому что я потерял из-за этого хорошую шляпу". Его сдуло с галереи каюты в море. "Но что значит шляпа, друг?" - спросил офицер. "Ничего особенного", - ответил он.

Когда матросы сняли с него башмаки и чулки, офицер спросил его, все ли члены экипажа Роберта такие же люди, как он сам? Он ответил: "Среди них есть 120 таких умных парней, которые когда-либо ступали по коже; хотел бы я быть с ними". "Не сомневайтесь", - сказал офицер. "Это голая правда", - сказал мужчина, смеясь, глядя на свои босые ноги.

Затем офицер подошел к другому человеку, черному и обожженному, который угрюмо сидел в одиночестве в углу. Он спросил его, как это произошло. "Джон Моррис выстрелил из пистолета в порох, и если бы он этого не сделал, то это сделал бы я". Офицер сказал, что он хирург, и предложил перевязать его раны, которые он перенес без стоны. Он поклялся, что этого делать нельзя и что он сорвет повязку, поэтому его пересилили и перевязали. Ночью он стал бредить и бредить о "храбром Робертсе", который скоро его освободит. Тогда люди привязали его к форштевню, но он так сопротивлялся своей обожженной плотью, что на следующий день умер от мучений. Остальных пиратов связали, а разбитый корабль, который едва ли стоило сохранять, отправили в порт.

На следующий день Робертс появился в поле зрения с призом, и его люди побежали рассказать ему о крейсере, когда он ужинал в каюте с пленным капитаном. Робертс заявил, что это судно - его собственное возвращения или не что иное, как португальский или французский невольничий корабль, и посмеялся над трусами, боявшимися опасности, предложив поразить самых боязливых. Как только он обнаружил свою ошибку, он спустил трос, встал под парус и приказал своим людям взяться за оружие, объявив, что это "укус".

Он появился на палубе в малиновом дамасте, с красным пером в шляпе, золотой цепью и бриллиантовым крестом на шее, со шпагой в руке и двумя парами пистолетов, висевших по-пиратски на шелковой перевязи через плечо. Приказы он отдавал громким голосом и с непоколебимой смелостью. Получив от дезертира информацию о том, что *"Ласточка"* лучше всего идет по ветру, он решил идти впереди нее, если не удастся, бежать на берег и скрыться

среди негров, а если, поскольку многие из его людей были пьяны, все остальное не удастся, взять на abordаж и взорвать оба судна.

Обменявшись ударами, он поставил все паруса, какие только мог, но, плохо управляясь, был выбит из колеи и настигнут. В этот критический момент виноградная пуля попала ему в горло, и он спокойно сел на снасти пушки и умер. Человек у руля, прибежавший к нему на помощь и не увидевший раны, решил, что у него отказало сердце, и велел ему встать и сражаться как мужчина, не забывая о *Веселом Роджере*. Поняв свою ошибку, грубый моряк разрыдался и стал молиться, чтобы следующий выстрел поразил его. Затем пираты выбросили своего капитана за борт со всем его оружием и украшениями, как он уже не раз просил в своей жизни.

Когда Робертс упал, люди покинули свои каюты и впали в оцепенение, пока грот-мачта не была прострелена, что вынудило их сдаться. Некоторые из команды зажгли спички и попытались взорвать магазин, но остальные помешали им. Черный флаг, зажатый под упавшей мачтой, они не успели уничтожить.

На *"Ройял Форчун"* оказалось сорок пушек и 157 человек, из которых сорок пять были неграми. Только трое были убиты во время боя, а *"Ласточка"* не потеряла ни одного человека. На корабле находилось до 2000 фунтов стерлингов золотой пыли. С другого судна такое же количество было присвоено английским капитаном, который уплыл до прибытия *"Ласточки"*.

Пленники бунтовали под арестом, проклинали и укоряли друг друга за глупость, которая привела их в эту ловушку. Из страха перед вспышкой мятежа их заковали в кандалы и поместили в оружейную комнату, которая была крепко забаррикадирована, а офицеры с пистолетами и тесаками охраняли ее днем и ночью.

Пираты смеялись над коротышками и клялись, что они слишком легкие, чтобы их можно было повесить. Те, кто читал и молился, подвергались насмешкам со стороны остальных. "Дайте мне ад", - сказал один богохульник, - "это место веселее рая, и при входе я дам Робертсу салют из тринадцати пушек". Все заключенные подали официальную жалобу на "негодяя с молитвенником" как на общего нарушителя порядка.

Несколько самых буйных сговорились, освободившись от оков, подняться, убить офицеров и бежать с корабля. Присутствовавший при них мальчик-мулат передавал сообщения от одного к другому, но в самый вечер вспышки двое заключенных услышали шепот и предупредили офицеров. После этого с ними стали обращаться грубее и надели более тяжелые цепи.

Негры и хирург на борту другого корабля также организовали заговор, причем хирург немного знал язык ашанти. Их выдал предатель, всех снова заковали в цепи и привезли в замок Кейп-Корсо, чтобы судить. Здесь они погрузились в шутить и выпросили хорошие книги. Некоторые присоединились к молитвам, другие пели псалмы. Загорелые, покрытые шрамами мужчины, обгоревшие на солнце, писали гимны и сквозь кроваво-красную дымку тысячи преступлений пытались вспомнить спокойные воскресные вечера, когда ласковые матери впервые учили их словам давно забытых молитв.

Когда веревки были установлены, только один выглядел удрученным, и тот был болен флюсом. Здешний хирург оказался достаточно милосердным, чтобы предложить себя в качестве капеллана, и объяснил им настоятельную необходимость покаяния и нежного прощения Спасителя. Они почти не слушали его, но некоторые просили шапки у солдат,

потому что солнце палило их голые головы. Другие просили хоть глоток воды. Когда их заставили заговорить о религии, они разразились проклятиями и отомстили судье и присяжным, заявив, что их повесили как бедных изгоев, но многим удалось спастись, потому что они были богаты.

Тогда он призвал их быть милосердными ко всему миру и спросил их имена и возраст. Они ответили: "Что вам до этого? Мы страдаем по закону и не дадим отчета ни перед кем, кроме Бога". Один проклинал женщину из толпы за то, что она пришла посмотреть, как его повесят, а другой смеялся над тем, что ему связали руки за спиной, "потому что он видел много хороших людей, которых вешали, но такого еще никогда не делали". Третий сказал, что чем скорее, тем лучше, чтобы он мог избавиться от боли.

Девять других проявили большое раскаяние. Один получил короткую отсрочку и посвятил ее молитве, распевая тридцать первый псалом у подножия виселицы. Другой (дезертир) увещевал моряков к хорошей жизни и пел псалом. В следующее мгновение раздался выстрел, и его смахнули с фор-ярда. Банс, самый молодой из них, произнес патетическую речь и попросил прощения у Бога и всего человечества. Увидев виселицу, стоящую на скале над морем, он бросил последний взгляд на стихию, которой так часто подвергался, и, сказав, что стоит "как маяк на скале, предупреждающий мореплавателей об опасности", был свернут палачом.

Капитан Уорли, следующий искатель приключений, отправился в открытой лодке с восемью другими людьми из Нью-Йорка в 1718 году, захватил шаланду на реке Делавэр и вскоре захватил много других судов, преследуя английский крейсер у Сэнди-Хук. На его борту было двадцать пять человек и шесть пушек, а его команда дала клятву не сдаваться. Во время разворота в заливе в Северной Каролине он был атакован двумя правительственными шлюпами. Эти крейсера взяли его на abordаж с обеих сторон, и пираты сражались так отчаянно, что в плен попали только капитан и еще один человек, которых, будучи сильно ранеными, повесили на следующий день из опасения, что они умрут и закон не получит положенного.

Капитан Джордж Лоутер первоначально был вторым помощником на судне, перевозившем солдат в форт Королевской африканской компании на реке Гамбия, тот самый, который был разрушен Дэвисом. Капитан Масси, командовавший этими людьми, обидевшись на высокомерие купцов, сговорился с Лоутером, с которым плохо обращался его капитан, сбежать с судном. Они отправились в путь как пираты - на их судне, "*Деливери*", было пятьдесят человек и шестнадцать пушек. Достойные партнеры вскоре поссорились: Масси ничего не знал о море, а Лоутер - о суше. Масси хотел высадиться на берег с тридцатью людьми и напасть на французов на Испаньоле, но Лоутер отказал ему в этом; а когда Лоутер решил спустить на воду корабль, Масси вступился за него. Вскоре после этого Масси, попав на борт приза вместе с десятью недовольными, сдался на Ямайке и был отправлен в плавание в поисках своего старого партнера. Масси написал в Африканскую компанию и попросил простить его или хотя бы расстрелять как солдата, а не вешать как пирата. Затем он пришел на сайт Лондона, сдался и вскоре был повешен.

У берегов Испаньолы Лоутер захватил два судна - одно из них испанское, команда которого, учитывая, что они тоже были пиратами и только что взяли на abordаж английский корабль, отчалила на своей шлюпке, а английские матросы были зачислены в их собственную команду. Затем их поместили в ключ, почистили и провели некоторое время в веселье. Снова отправившись в путь около Рождества, в Гранд-Каймане они встретились с небольшим

пиратским судном, которым командовал капитан по имени Лоу, ставший теперь лейтенантом Лоутера. Старый корабль они потопили, а вскоре после этого напали на бостонское судно *"Грейхаунд"*, которое, хотя и весило всего 200 тонн, отказалось поднять пушку Лоутера и продержалось целый час, прежде чем сняло свой мичман, сочтя сопротивление безнадежным. Пираты жестоко били, избивали и резали этих людей, а в конце концов подожгли их судно и оставили гореть и погибать. Вскоре после этого они сожгли и потопили несколько шлюпов Новой Англии; судно с Ямайки они великодушно отправили обратно своему хозяину, а два других судна они оборудовали для собственного использования, установив на одном из них восемь лафетов и десять поворотных пушек.

С этим небольшим флотом адмирал Лоутер на корабле *"Счастливая доставка"* отправился в залив Матик, чтобы снять с берега все паруса и запасы и разместить их в палатках на берегу. Однако пока корабли стояли на киле, а люди были заняты конопаткой, чисткой и талированием, на них напало большое количество туземцев. Сжегши *"Счастливую доставку"*, свой самый большой корабль, и оставив все свои запасы, они пустили в плавание один шлюп, а все перебрались на другой, *"Рейнджер"*. Эта катастрофа и нехватка провизии вскоре привели к мятежу и взаимным обвинениям.

В мае 1721 года они отправились в Вест-Индию, захватили бригантину, которую разграбили и потопили, а затем отправились в Новую Англию. Лоу и Лоутер, постоянно ссорясь, в конце концов разошлись, Лоу взял сорок четыре человека на бригантине и оставил столько же на шлюпе Лоутера. Последний в течение некоторого времени не захватил ничего, кроме рыболовных судов и новоанглийского корабля с грузом сахара из Барбадоса. У берегов Южной Каролины, преследуемый английским судном, на которое он неосмотрительно напал, он был выброшен на берег в попытке спастись. Английский капитан, пытавшийся взять судно на абордаж, был застрелен, а его помощник отказался от боя. Вскоре пиратский шлюп снова вышел в море, но уже сильно потрепанный, а многие члены команды были убиты и ранены. Зимой Лоу провел в ремонте, в одном из заливов Северной Каролины, где его люди поставили палатки и питались диким скотом, которого они подстрелили в лесу, а в очень холодные ночи спали на борту корабля.

После круиза вокруг Ньюфаундленда пираты отплыли в Вест-Индию и зашли в бухту на острове Бланко, недалеко от Тортуги, чтобы покататься. Здесь их атаковал барбадосский шлюп *"Орел"*, принадлежащий Компании Южных морей. Сначала она выстрелила из пушки, чтобы заставить Лоутера показать свои цвета, а затем взяла на абордаж. Лоутер и двенадцать членов его команды спаслись через окно каюты после столкновения с судном. Хозяин *"Орла"* с двадцатью пятью людьми пять дней искал беглецов и, захватив только восемь из них, вернулся в Куману.

Испанский губернатор, похвалив *"Орла"*, осудил шлюп и послал небольшое судно с двадцатью пятью людьми прочесать заросли *лигновых* деревьев, покрывавших низменный остров, и захватил четырех пиратов, но Лоутер с тремя мужчинами и мальчиком все же сбежал. Предполагается, что после этого он покончил с собой, так как вскоре несколько матросов нашли его мертвым возле куста с разрывным пистолетом на боку. Из его товарищей девять человек были повешены в Сент-Кристофере, двое помилованы, а пятеро оправданы; четверых испанцы приговорили к пожизненному рабству, троих - на галеры, а остальных - в замок Аррария.

Капитан Сприггс был еще одним членом этой же банды, служившим квартирмейстером у Лоутера. В 1723 году Сприггс с восемнадцатью людьми отплыл ночью от побережья Гвинеи

на корабле "*Восторг*", захваченном Лоу, так как они поссорились по поводу наказания пирата, убившего другого. Лоу выступал за милосердие, а Сприггс - за "ярд-арм".

Затем они выбрали Сприггса капитаном, подняли черный флаг и выстрелили из всех пушек в честь его вступления в должность. Во время плавания в Вест-Индию они разграбили португальский барк, пытали команду, посадили их в лодку с небольшим количеством провизии, а затем сожгли судно. Команду барбадосского шлюпа они изрезали и избili за отказ служить у них, а затем их, как португальцев. Затем они разграбили судно с бревнами с Ямайки, перерезали трос, разбили окна, разрушили каюты, а когда помощник отказался идти с ними, каждый мужчина на судне дал ему десять плетей, что они называли "написать увольнительную" красными буквами на его спине. День рождения Георга Второго они провели, выкрикивая здравницы, крича и напиваясь, ожидая, что при его воцарении будет объявлена амнистия, и поклявшись, если их не исключат, убить каждого встречного англичанина. Затем они пустились в погоню за судном (предположительно испанским), пока команда не подняла жалобный крик о четверти, и обнаружили, что это то самое судно с дровами, которое они отбили за три дня до этого, не стоившее ни гроша. Разъяренные этим, пятнадцать из них набросились на капитана и изрубили его, хотя его помощник, присоединившийся к пиратам, вступился за его жизнь. Наступила полночь, и почти все, как обычно в такой час, были пьяны, поэтому было принято единогласное решение развести костер на ямайском корабле. Затем они позвали истекающего кровью капитана в каюту ужинать и заставили его со шпагой и пистолетом у груди съесть блюдо со свечами, точно так же обошлись и со всей командой. Через двадцать дней после этого они высадили капитана и пассажира на необитаемом острове в Гондурасском заливе, дав им порох, шары и один мушкет. Здесь они поддерживали жизнь в течение пятнадцати дней, пока двое моряков на каноэ не переправили их на другой остров, где они получили пищу и воду. Захватив шлюп в море, они устроили большой перекур и были сняты после девятнадцати дней мучений. Пока Сприггс ждал, чтобы отомстить "*Орлу*", его преследовал французский корабль с Мартиники, а затем он отправился в Ньюфаундленд, чтобы набрать больше людей и напасть на капитана Харриса, который недавно захватил еще одно пиратское судно. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно. Будем надеяться, что они плыли дальше, пока не достигли Гэллоуз-Пойнт и не бросили там якорь.

Джон Гоу был одним из членов команды амстердамской галеры, которая в 1724 году во время плавания в Барбарию задумала убить капитана и захватить судно. Перерезав ему горло, они попытались выбросить его за борт, но когда он схватился с ними, Гоу, второй помощник и канонир прострелили ему тело. Затем они убили старшего помощника и писаря, который спал в своем гамаке; последний, передав ключ от своего сундука, просил дать ему время помолиться, но матрос застрелил его, когда он стоял на коленях, из пистолета, который разорвался при выстреле.

Убийства закончились, один из поличных вышел на палубу и, ударив по пистолету своей дубинкой, воскликнул: "Добро пожаловать, капитан Гоу, в ваше новое командование". Затем Гоу поклялся, что если кто-нибудь из них будет шептаться или откажется подчиняться приказам, то отправится тем же путем, что и те, кто только что ушел. Они разграбили французское фруктовое судно и некоторые другие, но вскоре после этого сели на мель на побережье Оркни, где намеревались убраться, были задержаны джентльменом по имени Феа и доставлены в Лондон.

Гоу упрямо отказывался признать свою вину, и тогда ему связали большие пальцы рук шнуром от кнута, пока они не сломались. Поскольку он по-прежнему молчал, по тогдашним драконовским законам его приказали удавить до смерти. Когда приготовления были

закончены, мужество Гоу покинуло его, он угрюмо признал себя невиновным и вскоре был казнен вместе с девятью членами своей команды.

Капитан Уивер с бригантин *"Гуд Форчун"*, унесшей около шестидесяти парусов от берегов Ньюфаундленда, по возвращении оттуда зашел в Бристоль и, выдав себя за моряка, сбежавшего от пиратов, открыто разгуливал по городу. Здесь его встретил капитан, которого он когда-то ограбил, и пригласил разделить с ним бутылку в соседней таверне, сказав, что очень страдает от потери своего корабля, но что за четыре бочонка сахара он никогда больше не будет вспоминать об этом деле. Не сумев получить эту компенсацию, он арестовал Уивера, который вскоре был повешен.

Капитан Эдвард Лоу, наш последний коммодор, изначально был лондонским вором, главой банды вестминстерских мальчишек и азартным игроком среди лакеев в холле Палаты общин. Один из его братьев был первым вором, который крал парики, переодевшись носильщиком и неся мальчика на голове в крытой корзине. Он закончил свои дни в Тайберне.

Лоу изначально был лесорубом в Гондурасе, но, поссорившись с капитаном и покушаясь на свою жизнь, вышел в море с двенадцатью товарищами и, взяв шлюп, поднял черный флаг и объявил войну всему миру. О его приключениях с Лоутером мы уже упоминали. В мае 1722 года, находясь у берегов Род-Айленда, губернатор приказал бить в барабан, чтобы вызвать добровольцев, и снарядил два шлюпа со 140 людьми для его преследования, но Лоу сумел скрыться, а вскоре после захода в Порт-Розмари одним махом захватил тринадцать судов, вооружив для собственных нужд десятипушечную шхуну, посадив на нее восемьдесят человек и назвав ее *"Фэнси"*. Вскоре его отбили два вооруженных шлюпа из Бостона. Прождав слишком долго, пока его спутница, бригантина, подойдет, и направившись к Подветренным островам, они попали в страшный шторм, тот самый, который утопил 400 человек на Ямайке и почти уничтожил город Порт-Ройал. Пираты спаслись, бросив всю добычу и шесть пушек, и зашли на один из Карибских островов, чтобы переоборудоваться, покупая провизию у туземцев. Во время этого шторма в гавани Порт-Ройала было отброшено сорок кораблей.

Переоснастившись, Лоу отправился на дорогу Святого Михаила и взял семь парусов, угрожая смертью всем, кто осмелится сопротивляться. Оказавшись без воды, он послал к губернатору с требованием дать ему воды и заявил, что если ее не будет, то он сожжет все свои призы. С согласия губернатора он отпустил шесть, а седьмой оборудовал для себя. Еще один он сжег. Они заставили экипажи присоединиться к ним, всех, кроме одного французского повара, который был настолько толст, что, по их словам, хорошо прожарился. Они привязали его к мачте и позволили сгореть вместе с кораблем. Команду другой галеры они жестоко изрезали и изуродовали, а двух португальских монахов привязали к кронштейну, дергая их вверх и вниз, пока они не умерли. Португальский пассажир с горечью наблюдал за этими зверствами, но один из пиратов закричал, что ему не нравится его вид, и распорол ему живот своей секирой, так что тот упал замертво. Другой пират, разделявая пленника, распорол Лоу верхнюю губу так, что обнажились зубы. Позвали хирурга, чтобы зашить рану, но тот, будучи пьяным, проклял Лоу за его бестактность. В ответ тот ударил Лоу по губам, отчего швы разошлись, и велел ему самому зашивать свои отбивные.

У берегов Мадейры они захватили рыбацкое судно и получили воду, угрожая повесить рыбаков. Во время крейсерства у островов Зеленого мыса, взяв много призов, Лоу послал

шлюп к острову Святого Михаила в поисках двух судов, но его команда была схвачена и осуждена на пожизненное рабство.

Другой его корабль был потерян, и Лоу пришлось вернуться на свою старую шхуну "*Фэнси*", на которой он отплыл с сотней человек. Направляясь в Вест-Индию, они после некоторого сопротивления захватили богатое португальское судно "*Ностра Синьора де Виктория*", шедшее из Баии. Несколько человек из команды пытали до тех пор, пока они не признались, что во время погони их капитан вывесил из окна каюты мешок с 11 000 майдоров, а когда корабль был захвачен, сбросил его в море. В ярости пираты отрезали ему губы, зажарили их перед его лицом, а затем убили его и тридцать два человека из его команды. В следующем месяце они захватили четыре корабля, сжигая все суда из Новой Англии.

В Гондурасском заливе Лоу взял на абордаж испанский шлюп с шестью пушками и семьюдесятью людьми, который тем утром захватил пять английских судов. Узнав об этом от пленников в трюме, эти мясники принялись уничтожать весь экипаж, забрасывая их шестами, мечами и пистолетами. Одни прыгали в трюм, другие - в море. Двенадцать человек спаслись на берегу: остальные попали в воду по голове. Пока пираты резвились на суше, один израненный несчастный, теряя сознание от ран, подошел к ним и стал просить у Бога четверти, на что жестокий матрос ответил, что даст ему хорошую четверть, и, заставив его встать на колени, приставил дуло пистолета к его горлу и застрелил его. Затем они сожгли судно и заставили пленных англичан вернуться в Нью-Йорк, а не на Ямайку.

Ненавидя всех жителей Новой Англии, Лоу отрезал уши одному джентльмену из этой страны и привязал горящие спички между пальцами других пленников. Команду китобойного судна он голым выпорол на палубе, а хозяина заставил есть собственные уши с перцем и солью.

Однажды, когда капитан виргинского судна отказался отдать ему в залог чашу с пуншем, он выстрелил из пистолета и заставил его выпить всю кварту. У берегов Южной Каролины его супруга была захвачена крейсером, но Лоу, подло бросив его, сбежал, а у Ньюфаундленда захватил восемнадцать кораблей, а в июле 1723 года снарядил приз под названием "*Веселое Рождество*" с тридцатью четырьмя пушками и принял титул адмирала, подняв черный флаг с фигурой смерти в красном. У Сент-Майкла он вырезал с дороги лондонское судно в четырнадцать пушек, которое люди отказались защищать. Капитану Лоу отрезали уши за то, что он осмелился попытаться оказать сопротивление, и, дав ему лодку для бегства, сожгли его корабль.

Затем он посетил Канары, острова Кейп-де-Верд и, наконец, побережье Гвинеи. В Сьерра-Леоне он захватил корабль "*Восторг*" с двенадцатью пушками, который он снабдил шестнадцатью пушками и семьюдесятью людьми, назначив капитаном Сприггса, своего квартирмейстера, который через два дня после этого дезертировал и отплыл в Вест-Индию.

О конце этого отвратительного чудовища нам ничего не известно, но если в старых пословицах есть доля правды, то он не мог погибнуть от простого шторма.

Лучший рассказ о жизни пирата, сохранившийся до наших дней, можно найти в "Повествовании капитана Робертса о гибели его судна в 1721 году", которое сохранилось в забавном "Собрании путешествий" Астли, четырех пыльных кварто, содержащих множество сведений "старого варда".

Этот капитан Робертс, судя по всему, заключил договор с некоторыми лондонскими купцами, чтобы отправиться в Виргинию, снарядить шлюп под названием "*Дельфин*" с грузом

"для рабов" на побережье Гвинеи, а затем вернуться для торговли на Барбадос. Прибыв на этот остров в 1722 году, он был уволен, после чего купил шлюп *"Маргарет"* и снова отправился к африканскому побережью. В Курисале он заехал за дровами и водой, а на следующее утро после прибытия, когда было тихо, выглянул и заметил в бухте три корабля, и, разглядев один из них, заметил, что он полностью построен и нагружен, и предположил, что ему и его спутникам нужна вода, о чем они сначала и сообщили, а затем удалились, не подавая никаких сигналов.

Как только рассвело, и они к его кораблю, один из них встал прямо к нему, а когда солнце взошло и ветер посвежел, взял галс на восток. Когда она приблизилась, Робертс разглядел в иллюминатор, что это шхуна, полная рабочих рук, все в белых рубашках; а когда он увидел целый ярус огромных пушек, ухмыляющихся через портовые отверстия, он начал подозревать неладное. Но бежать было уже поздно: в бухте установился штиль, и три корабля надвигались на него со скоростью ветра, размахивая английским мичманом, валетом и шкентелем. Затем Робертс поднял свой мичман. На первом из трех прибывших кораблей было 8 пушек, 6 патеронов, 70 человек, и он, вытянувшись вперед, приветствовал его. Робертс сказал, что он из Лондона и прибыл с Барбадоса. Они ответили с проклятиями, что знают это, и заставили его послать шлюпку на борт.

Капитан пиратов, португалец Джон Лопес, выдававший себя за англичанина Джона Рассела из северной страны, спросил их, где их капитан. Они указали на Робертса, который прогуливался по палубе. Он тут же воскликнул: "Ах ты, собака, сукин сын, собака в крапчатой рубашке!", потому что Робертс только что вышел в море, был одет в крапчатую голландскую рубашку и был в туфлях без чулок. Робертс, опасаясь, что если он проявит неуважение и будет молчать, то они проткнут его шаром, счел за лучшее ответить и крикнул "Holloa!", на что Рассел сказал: "Ах ты, собака, почему ты не поднялся на борт вместе с лодкой? Я выпорю тебя на дюйм жизни, и этот дюйм тоже".

Робертс кротко ответил, что на борту была только лодка, и он не думает, что его ждали, но если они соизволят прислать лодку, он будет ждать ее. "Ах ты, собака, - сказал португалец, - я научу тебя хорошим манерам". После этого восемь пиратов поднялись на борт и завладели кораблем, и как только Робертс подошел к борту, пират снова начал угрожать ему, что выпорот его за то, что он посмел оскорбить его; когда же тот заявил, что не хотел обидеть, он закричал: "Д-н, ты, собака, не стой здесь и не болтай, поднимайся на борт", и встал с готовой к приему тесаком наготове. Пока он еще колебался, канонир, носивший шляпу с золотым шнурком, заглянул за борт и сказал: "Поднимайтесь, хозяин, вас не обижают". Когда он поднялся, пират поднял саблю, чтобы зарубить его, и спросил, чего заслуживает собака за то, что не поднялась на борт, когда шлюпку только послали. Робертс ответил, что если он и провинился, то только по незнанию, так как не знал, что это такое. "Будь ты проклят, - сказал пират, - за кого ты нас принимаешь?" Робертс задрожал от страха, ведь, попав однажды в плен к пиратам на Ньюфаундленде, он знал: одно неверное слово - и нож окажется у его горла. После небольшой паузы он сказал: "Я полагал, что вы джентльмены удачи, принадлежащие к морю". На это португалец, немного успокоившись, ответил: "Вы лжете, мы - пираты".

Попыхтев еще некоторое время, пират спросил насмешливым тоном, почему Робертс не надел свою одежду, чтобы посетить джентльменов. Робертс ответил, что не знал о визите, когда одевался, и, кроме того, пришел в такой ужас от их угроз, что у него не было ни мысли, ни желания переодеваться, однако, если им будет угодно дать ему свободу, он пойдет и оденется получше, надеясь, что еще не поздно. "Нет, - сказал пират, - да, уже поздно; одежду, которую ты взял, оставь себе, но твой шлюп и все, что в нем, - наше". Робертс

сказал, что понимает, что это так, но надеется, что, поскольку он находится в их власти, они будут настолько щедры, что заберут только то, что им приспичило, а остальное оставят ему.

Португалец ответил, что "это дело компании, и он пока ничего не может сказать по этому поводу". Тогда он велел ему дать отчет о грузе и деньгах, а также обо всем, что находится на борту его шлюпа, ибо если при обыске они найдут хоть малейший предмет, то сожгут судно и его самого. Стоявшие рядом пираты также умоляли его полностью раскрыть все деньги, оружие и боеприпасы, которые были главным, что они искали, так как это был их способ жестоко наказывать лжецов и укрывателей. Робертс составил отчет по памяти и попросил показать ему корабельные документы, чтобы завершить его. Рассел ответил: "Нет, о бумагах он позаботится сам, а если в описи чего-нибудь не хватит, пусть ищет шквалы". В это время пираты обшарили шлюп, но не нашли ничего, кроме кольца и пары серебряных пряжек, не внесенных в список.

Во время захвата португальский священник и шесть чернокожих рыбаков, взятых на борт на острове Сал, которые были отправлены на берег, сбежали на холмы. Рассел, увидев их, рассказал Робертсу, что захватил рыбацкий шлюп, на котором находились беглецы, но один из его банды сбежал на нем, прихватив с собой 800 фунтов наличными. После этого Рассел спустил кабельтов и заставил Робертса вести их в Парагиси вместе с другим судном, *"Розовой розой"* с тридцатью шестью пушками, которым командовал Эдмунд Лоу, их коммодор. В Парагиси они высадили тридцать пять человек и захватили беглого священника, пятерых негров и сына старого губернатора. По возвращении Рассел был принят своим командиром с большой церемонией: канонир выступил в роли церемониймейстера и представил Робертса.

Капитан Лоу приветствовал его на борту с обычными комплиментами: "Я не хотел бы, капитан, - сказал он, - встречаться с кем-либо из моих соотечественников (а скорее иностранцев), за исключением нескольких человек, которых я хотел бы наказать за их плутовство; но, однако, раз уж судьба распорядилась так, что вы попали в наши руки, я хотел бы, чтобы вы были в хорошем настроении и не падали духом".

Робертс ответил: "Мне очень жаль, сэр, что я случайно оказался на вашем пути, но я чувствую, что все еще нахожусь в руках джентльменов чести и великодушия, в чьих силах сделать так, чтобы мое пленение не стало несчастьем".

Лоу ответил: "Это не лежит на моей совести, ибо все дела такого рода решаются большинством голосов всей компании, и хотя ни я, ни, полагаю, кто-либо из остальных не желает встретиться с кем-либо из нашего народа, все же, когда мы это сделаем, нельзя не принять за свое то, что пошлет нам Провидение; И поскольку мы - джентльмены, полностью зависящие от фортуны, мы не должны быть настолько неблагодарны к ней, чтобы пренебречь любой ее благосклонностью, пусть даже самой ничтожной, из страха, что она может отвести свою руку и оставить нас погибать из-за отсутствия тех самых вещей, которыми мы пренебрегли."

После этого философского изречения великий человек, восседавший на огромной пушке, а не в государственном кресле, как другие властители, не двигаясь с места, с большой снисходительностью попросил Робертса чувствовать себя как дома, поинтересовавшись, что он будет пить. Сломленный духом человек, все еще дрожавший за свою жизнь, ответил: "Тогда он не очень-то заботился о выпивке, но из чувства чести, которую они оказали ему, попросив, он будет пить все, что пожелает". Лоу сказал ему: "Не падайте духом, это военная

удача: забота убивает кошку, а беспокойство разжижает кровь и вредит здоровью. Чтобы понравиться компании, он должен быть бодрым и веселым, и вскоре удача к нему придет".

Затем он позвонил в колокольчик и велел одному из *камердинеров* принести чашу с пуншем. Его принесли и смешали в богатой серебряной чаше, вмещавшей два галлона. Затем он попросил принести вина, и, когда принесли две бутылки кларета, Робертс потягивал кларет, а Ло осушал чашу со свойственной ему философией и довольством. Согревшись ароматным напитком, он сказал Робертсу, что тот - чертовски хороший парень, и он окажет ему все возможные услуги, но жалеет, что ему не посчастливилось попасть в плен десятью днями раньше, когда они захватили два португальских бразильца, груженных сукном, шерстью, шляпами, шелком и железом, ибо, по его мнению, он мог бы убедить свою компанию загрузить корабль Робертса. "Но теперь, к сожалению, - добавил он, опустошая чашу, - у них совсем не было товаров: все бразильские вещи они выбросили в шкафчик Дэвида Джонса (в море). Однако он не знал, что может снова встретить Робертса (такое случается), и тогда, если ему будет угодно, он возместит Робертсу его потерю, ибо может рассчитывать на его готовность служить ему, насколько хватит его сил или интересов". На эту вспышку сочувствия Робертс ответил поклоном и потягиванием своего неизменного бокала кларета.

Пока они разговаривали, пришло известие, что генерал-квартирмейстер Рассел прибыл с заключенными, и коммодор, приказав убрать пустую чашу, велел им войти. Рассел, старшие офицеры и пленные ввалились в каюту, и на вопрос "Как идет игра?" Рассел рассказал о своей экспедиции. Рассел рассказал о своей экспедиции. Высадившись на берег, они сразу же захватили двух негров, которых губернатор послал в качестве глашатаев, и использовали их как проводников. Хотя дорога была неровной и каменистой, они добрались до города, расположенного в двенадцати милях от них, ночью, удивив губернатора и священника. Рассел сказал им, что, узнав о том, что у них скопились большие запасы долларов, он пришел поделиться ими с ними, так как это одно из правил его торговли - поддерживать движение денег и оживленное обращение. Священник сказал, что у них их нет, а остров бесплоден и неводелан. Рассел сказал, что у него есть только два чувства - зрение и чувство, которые могут убедить его в том, что эта информация ложная. Тогда священник зажег несколько освященных восковых свечей и разрешил им искать. Однако они не нашли ничего, кроме двадцати долларов, которые, по его мнению, не стоило брать. После этого мужчины легли спать, держа оружие заряженным, а пистолеты наготове, и поставили часы. На следующее утро он отнес пленников в лодки.

После такого умиротворяющего заключения Ло, сидевший до этого терпеливо и спокойно, как судья, поднялся и сказал, перебивая Рассела: "Господи! Какое же это удовлетворение для меня или компании? Нам не нужны были эти черные дураки, черт бы их побрал! Нет, нам нужны были их деньги, а если у них их не было, они могли бы остаться на берегу или отправиться к дьяволу".

Рассел, ошеломленный этим упреком, яростно ответил: "Я был так же заинтересован в получении денег, как и любой из компании, и сделал столько же, чтобы их найти: Не думаю, что там было больше, чем мы видели, да и не было бы шести пенсов за голову - пустяк, не стоящий того, чтобы из-за него ставили под сомнение наше имя. Я же, со своей стороны, стремлюсь к тому, что стоит взять, и если мне не удастся это сделать, я никогда не дам миру повода сказать, что я бедный подлый плут и подлец. Нет, я буду грабить то, что имеет ценность, или не буду грабить вовсе, особенно среди этих людей, где, если наша компания разобьется, мы сможем найти убежище; и я смело заявляю, что это глупость - навлекать на

себя их одиозность такими торгашескими кражами, которые все люди сочтут узкодуховным, нищенским поступком и будут прокляты на всю жизнь этим братством, которое может пострадать от его последствий".

Капитан Ло, смущенный одобрительным ропотом, последовавшим за этой речью, сказал, что все это очень верно и не лишено оснований, что он доволен рассудительностью и мужеством Рассела в этом деле; но давайте, - говорит он, - не будем делать ничего опрометчивого", - и, наполнив бампер, выпил за Рассела, пожелав Робертсу успеха в следующем плавании.

Затем Рассел снова сошел на берег и, обнаружив, что священник сбежал в горы, сказал губернатору, старому негру, что сожжет город в пепел, если его не приведут через три часа. Губернатор сказал, что это невозможно, что он находится на их милости и надеется, что не погубит невинного за виновного. Рассел заявил, что откладывать решение не следует, но пообещал, что священника не убьют, если он сдастся. Пока отряды чернокожих охотились, Рассел приказал зажарить быка для своих людей и протянуть трубку с вином, а когда священник был схвачен, угостил всех туземцев за счет их христианского служителя, оставив ему право снова взыскать с них десятину.

Священник и губернатор, узнав, что их собираются взять на борт, чтобы уверить Лоэ в своей бедности, молили не задерживать их как рабов. Рассел сказал им, что он католик и никакого вреда им не причинит. Вскоре после этого их отпустили. Затем Лоу приказал поставить гамак для Робертса, пока его судьба и судьба корабля не будут решены компанией, и сказал ему щедро, скорее метафорическим, чем точным языком, что все на корабле находится в его распоряжении, и попросил его не менять свой обычный распорядок дня, питья и компании. На следующее утро около восьми, когда Робертс безработно и меланхолично расхаживал по палубе, к нему подошли три пирата и сказали, что когда-то плавали с ним на борту "Сусанны" в 1718 году. Они выразили сожаление по поводу его невезения и пообещали что-нибудь для него сделать. Они сказали, что у них есть пятьдесят кусков белого белья и восемь - шелка, и что, когда компания согласится вернуть ему корабль, они проявят интерес, чтобы загрузить его. Затем, оглядевшись по сторонам, словно желая открыть ему секрет, и увидев, что палуба чиста, что редко бывает на пиратских судах, они с большой тревогой сообщили ему, что если он не будет соблюдать осторожность, то будет вынужден остаться с ними, так как их помощник обнаружил, что он знает побережье Бразилии, куда они направляются после того, как обшарили Гвинею, и они возьмут его лоцманом. Затем, приказав ему хранить тайну (ведь от этого зависела их жизнь), они сказали, что тщательно обсуждали его судьбу и почти согласились взять его в принудительный плен. Они хвалили его за доброту к своим людям и хорошее жалованье, и, зная пиратский закон, согласно которому женатых мужчин нельзя принуждать к работе на их кораблях, поклялись на, что он женат и у него четверо детей. Его помощник стал осведомителем, но он еще не знал их статей, которые они никогда не показывали, пока не подписывали. Его единственным шансом спастись было придерживаться их версии. Рассел, один из членов совета, выступал за то, чтобы в данном случае нарушить закон и во что бы то ни стало удержать Робертса, пока не удастся поймать другого проводника, но Лоэ был против, сказав, что это будет дурным прецедентом и приведет к плохим последствиям, поскольку, если они однажды возьмут на себя смелость нарушить свои статьи и клятву, ничто не будет гарантировано. Они добавили, что большинство компании придерживается мнения Ло, Рассел был раздосадован и решил, если возможно, нарушить устав.

Вскоре после их ухода Лоу вышел на палубу и, пожелав доброго утра, со множеством комплиментов приказал поднять флаг - сигнал к совещанию. Этот флаг назывался "зеленый

трубач" и представлял собой зеленый шелковый флаг с фигурой трубача желтого цвета, водруженный на мизен-пике. После этого все поднялись на борт и стали завтракать, набившись и в каюту, и в рулевое отделение.

После завтрака Лоу как бы невзначай спросил Робертса, женат ли он и есть ли у него дети. Тот ответил, что у него их пятеро, а может быть, и шестеро, поскольку один из них был в запасе, когда он уходил. Тогда он спросил его, хорошо ли он их обеспечил. Робертс ответил, что оставил свою жену в таких безразличных обстоятельствах, поскольку с ней недавно случились несчастья, и что большая часть его имущества находится на корабле и в грузе, и если это не удастся, то они будут нуждаться даже в хлебе.

Тогда Лоэ повернулся к Расселу и сказал: "Так не пойдет, Рассел".

"Что не подойдет?" - ответил квартирмейстер.

"Вы знаете, что я имею в виду, - сказал Лоу, - этого не должно быть и не будет, к..."

"Должно быть и будет, по...", - ответил Рассел; "Самосохранение - первый закон природы", а "Необходимость не знает законов", - гласит пословица".

"Ну что ж, - сказал Лоу, - с моего согласия этого никогда не произойдет".

Остальные члены компании заявили, что это очень жаль, и нужно все серьезно взвесить и поставить на голосование. Лоэ сказал, что так и должно быть, и что сейчас не время решать этот вопрос. Все остальные воскликнули: "Да, лучше покончить с этим сейчас". Лоу приказал всем подняться на палубу, а Робертсу - остаться в каюте.

Примерно через два часа (ужасные часы для Робертса - сидеть и слушать крики и вопли) Ло спустился и спросил его, как дела. Рассел, нахмурившись, сказал: "Хозяин, ваш шлюп очень дырявый".

Робертс ответил, что так оно и есть, желая обесценить его стоимость.

"Протекает", - сказал Рассел, - "я не знаю, что ты сможешь с ней сделать, если мы отдадим ее тебе, ведь все твои руки теперь принадлежат нам". Затем Рассел продолжил дразнить его за отсутствие груза и провизии, как бы желая придать еще большую остроту его страданиям.

Наконец: "Ну-ка, ну-ка, - сказал Лоэ, - давайте бросим чашу и возьмем новый курс".

Затем они продолжили веселиться и рассказывать о своих прошлых сделках на Ньюфаундленде, Западных островах, Канарах и т. д., а за ужином вырывали еду друг у друга, считая, что такая свирепость выглядит по-боевому.

На следующее утро один из троих мужчин сумел поговорить с Робертсом и извинился за свою осторожность, поскольку у них есть статья, согласно которой вести тайную переписку с заключенным смертельно опасно. Затем он сообщил ему, что его собственный товарищ - его большой враг и, похоже, может стать негодяем и уйти с ними, оставив управлять шлюпом только мальчика и ребенка. И он, и его товарищи от всей души желали присоединиться к нему, но сочли, что даже упоминать об этом будет равносильно смерти, поскольку у них есть статья, согласно которой любой из компании, советующий или просто говорящий о разлуке, должен быть расстрелян по приказу квартирмейстера, даже без военного трибунала. Рассел был другом Робертса до тех пор, пока помощник не рассказал ему о том, что его капитан знает Бразилию, и даже планировал собрать для него коллекцию, почти равную по

стоимости тому, что они взяли, поскольку на пиратских судах было принято держать запас белья, шелка, золотых кружев и одежды, чтобы отдать их любому пленнику, который им приглянулся или был знаком раньше. Лоэ был его другом, заверил моряк, но он мало что мог сделать против Рассела, который действительно обладал большей властью и влиянием, чем кто-либо другой.

Через некоторое время после того, как этот человек покинул его, появился капитан Ло, который, сделав обычные комплименты, прислал немного рома и побеседовал на множество безразличных тем. На все из них Робертс был вынужден делать заинтересованный вид, опасаясь недовольства этого морского гада. Пожалуй, у такого пуговичника, как этот Труньон, никогда не было столь внимательного слушателя или столь искреннего аплодирующего анекдотам, хорошим или плохим.

Около десяти часов на борт поднялся Рассел, злой гений, и в приятной манере обратился к Робертсу, пытаясь склонить его к согласию на свое предложение. Он сказал, что обдумывал план Робертса и не понимает, как тот сможет его осуществить. Он считал Робертса человеком понимающим, но в данном случае им руководило скорее отчаяние, чем разум. Со своей стороны, он не считал, что это отразится на репутации и репутации компании, если он будет вынужден по собственной воле бросить себя, как он, похоже, решил сделать. Желая ему добра, он всю ночь обдумывал план, который, не подвергая его опасности, принесет ему больше пользы, чем все, на что он мог рассчитывать, получив шлюп. (Он решил потопить или сжечь шлюп, а Робертса взять в плен, причем вся компания обещала отдать ему первый попавшийся приз или позволить присоединиться к их команде. Это поможет ему стать настоящим мужчиной и вскоре покинуть море и жить на берегу, если он захочет.

Робертс поблагодарил его, но сказал, что, по его мнению, он не получит никакой выгоды от такого плана, поскольку не может распоряжаться кораблем или грузом без законного права продажи, а если владельцы узнают об этом, то он будет вынужден либо возместить ущерб, либо быть брошенным в тюрьму и подвергать свою жизнь опасности.

Рассел ответил, что его возражения легкомысленны, и их можно легко обойти. Чтобы избежать разоблачения, они составят для него купчую и дадут ему письменные полномочия, которые позволят ответить на любой запрос. Что касается владельцев, то они позаботятся о том, чтобы из судовых записей, которые они всегда сначала захватывали, сообщить ему, кто является владельцем груза и где они живут. Эти записи должны быть сделаны на вымышленное имя, которое Робертс мог принять на себя, пока все не будет продано.

По словам Робертса, в его замысле было много адреса и много правдоподобия. Но даже если бы он был уверен, что все обойдется, у него был еще более сильный мотив, чем тот, о котором он уже говорил, а именно - страх перед постоянными укорами и обвинениями совести. Тогда он с большей смелостью, чем до сих пор, принялся излагать долг возмещения ущерба и попытался пробудить в своих слушателях понимание греха пиратства.

Многие со смехом говорили, что ему неплохо было бы читать проповеди и из него получился бы хороший капеллан. Другие кричали, что не хотят читать проповеди. "У пиратов нет бога, кроме денег, нет спасителя, кроме их мушкетов". Несколько человек одобрили его слова и заявили, что если бы среди них было немного доброты или хотя бы грубой человечности, то их репутация была бы немного лучше и у Бога, и у людей.

Последовало короткое молчание, которое капитан Рассел нарушил, применив иезуитскую софистику, чтобы убедить Робертса, что для него не будет грехом просто принять то, что они украли, поскольку он не причастен к краже и является их скованным пленником.

"Предположим, - сказал он, - мы все же решим потопить или сжечь ваш шлюп, если вы не примете его. Где же, молю, собственность владельца, если корабль потоплен или сожжен? Я думаю, что невозможность получить его снова отменяет это, и наша власть остается прежней, несмотря на то, что мы отдали ее вам, если бы мы сочли нужным воспользоваться ею".

Лоэ и все остальные разразились хохотом и заявили, что это не хуже пьесы, когда они спорят, и что Робертс не уступает Расселу, хотя мало кто может противостоять ему в поединке на одних только словах.

Робертс не позволил этой похвале перевесить его благоразумие, не стал подгонять Рассела, видя, что тот раздосадован их аплодисментами. Он лишь сказал, что знает, что находится в полной их власти и может распоряжаться им по своему усмотрению, но что, поскольку до сих пор они обращались с ним так щедро, он не может сомневаться в их добром отношении к нему в будущем. Если они соизволят снова отдать ему шлюп, то это все, чего он просит у них, и что, он не сомневается, своими честными усилиями он сможет возместить свою нынешнюю потерю.

На это капитан Ло сказал: "Джентльмены, хозяин, надо сказать, говорил только то, что я считаю очень разумным, и я думаю, что он должен получить свой шлюп. Что скажете, джентльмены?" Большинство в один голос закричало: "Ай, ай, клянусь Богом, пусть бедняга снова получит свой шлюп и, во имя Бога, отправится искать на нем пропитание для своей семьи".

Вечером Рассел настоял на том, чтобы угостить Робертса на борту его собственной шхуны перед отплытием. Все прошло хорошо до самого ужина, когда на стол поставили чашу пунша и полдюжины кларета. Капитан первым поднял бокал, пожелав успеха затее, и этот тост передали по кругу, причем Робертс не посмел отказаться выпить. Следующим было: "Прозцветания нашей торговле". Третье: "Здоровье короля Франции". Затем Рассел предложил "здоровье короля Англии", и все выпили, некоторые повторяли его слова, другие говорили: "вышеупомянутое здоровье". Как раз перед тем, как дело дошло до Робертса, Рассел налил в пунш две бутылки кларета, и его пленник, которому не понравилась эта смесь, попросил заложить здоровье в бампер кларета.

При виде этой ереси Рассел, заложивший свою ловушку, пришел в ярость: "Д...", - сказал он, - "ты выпьешь в свой черед полный бампер того ликера, который делает компания". "Ну что ж, джентльмены, - сказал Робертс, - вместо того чтобы говорить, я выпью, хотя для меня это в некотором роде яд ". "Будь ты проклят, - сказал Рассел, - если это в некотором роде или не в некотором роде, или действительно яд, ты будешь пить так много и так часто, как никто здесь, если только не свалишься замертво".

Тогда Робертс, опасаясь ссоры со своим старым врагом, взял стакан, вмещавший примерно три четверти пинты, и, наполнив его до краев, сказал: "За вышеупомянутое здоровье". "Что это за здоровье?" - спросил Рассел. "А то, - ответил Робертс, - что вы все пили - здоровье короля Англии". "Кто такой король Англии?" - спросил Рассел. "По моему мнению, - сказал Робертс, - тот, кто носит корону, безусловно, является королем Англии". "Ну, - возразил его оппонент, - и кто же это?" Когда он ответил, что король Георг, тот обругал его и сказал, что у англичан нет короля. Робертс ответил, смеясь: "Он удивился, что должен начинать и пить за здоровье человека, которого нет на свете". На эту реплику Рассел достал из пояса пистолет и застрелил бы своего обидчика, если бы стрелок не выхватил его из рук. На это Рассел,

который был католиком и якобитом, еще больше разъярился и выстрелил в Робертса, заявив: "Претендент - единственный законный король". Хозяин сбил ствол, и пистолет выстрелил, не причинив вреда.

Между Расселом и канониром завязалась перепалка, и последний, обращаясь к компании, сказал: "Что ж, джентльмены, если вы намерены поддерживать эти законы, принятые, установленные и присягнувшие всем нам, как я думаю, нас обязывают к этому самые прочные узы разума и корысти, уверяю вас, мое мнение таково: мы должны охранять Джона Рассела, чтобы он не нарушил нашу конституцию".

Когда Рассел в порыве страсти попытался оправдать свое поведение, канонир заявил: "Ни один человек не должен хладнокровно лишать себя жизни, пока компания, под чьей опекой он находился, не вынесет такого решения". Затем, обвинив его в ненависти к Робертсу только за то, что тот, задержав его, помешал ему нарушить устав, он покинул это место.

Оружие Рассела забрали, а Робертса, охранявшего его всю ночь, утром отправили к коммодору, поскольку среди них существовал закон не принимать на борт лодки после девяти часов вечера.

Около четырех часов пополудни Рассел пришел к Лоу вместе со Сприггсом, командиром другого корабля, и сказал, что помощник Робертса готов присоединиться к ним в качестве добровольца. Лоу сказал, что в таком случае Робертсу никто не будет помогать, кроме ребенка, и, по его мнению, они не могут дать ему меньше, чем помощника и двух мальчиков.

Рассел сказал, что ничего не может с этим поделать: "Корабль был бодрым и похотливым молодым парнем, и он уже бывал на корабле. Он заявил, что не пойдет на шлюп, если его не заставят; что, когда он только прибыл на Барбадос, он решил отправиться на борт первого встречного пирата". Лоу ответил: "Дать хозяину судно без людей - значит обречь его на томительную смерть, и лучше сразу дать ему по голове".

Рассел ответил: "Что касается того, что они могут делать, что хотят; он говорил для блага компании и в соответствии с уставом, и он хотел бы увидеть или услышать человека, который осмелится оспаривать его. Он был квартирмейстером, и по полномочиям этой должности должен был сразу же вступить в товарищество, и у него был пистолет и запас пуль для любого, кто ему возразит". Лоу сказал, что не будет спорить против закона и обычая, но считает, что если они оставят комендора, то должны заменить его другим человеком.

Рассел, скрежеща зубами, произнес с клятвой: "Нет, люди шлюпа уже записаны в его книгах, и он не должен вычеркивать ни одного имени". Затем, повернувшись к Робертсу, он добавил: "Компания, хозяин, определила вам шлюп, и он останется у вас; вы получите двух своих мальчиков, вот и все; но у вас не будет ни провизии, ни чего-либо другого, кроме того, что есть у нее сейчас. И, поскольку я слышал, что некоторые из компании намереваются устроить для вас сборы, это я также запрещаю властью моей канцелярии, потому что мы не уверены, что у нас самих может быть повод для таких вещей, прежде чем мы получим больше. И клянусь всем добром и злом, если я узнаю, что на шлюпе пронесли или оставили что-нибудь против моего приказа или без моего ведома, я в тот же миг подожгу его, и вас вместе с ним".

После еще небольшого спора и слабого и запуганного сопротивления этому насилию суровая решимость и бессердечное злодейство Рассела взяли верх, и около сумерек они разошлись, каждый к своему кораблю, несколько человек признались в доброте к Робертсу,

но никто ничего ему не дал. Когда Рассел был готов, он отправил Робертса в свою лодку и, приведя его на свой корабль, заказал для него ужин, а бутылки, трубки и табак, поставленные на стол, пригласил Робертса и его офицеров в свою каюту.

Его месть была свершена, и теперь негодяй, решив заставить Робертса вкусить смертные муки, обратился к нему с усмешкой, достойной адских аплодисментов.

"Капитан Робертс, - сказал он, - добро пожаловать, и я молю вас есть и пить от души, ибо вам предстоит такое же утомительное путешествие, как Илииде в его сорокадневном пути к Хориву, и, насколько я знаю, без чуда, это должно быть только благодаря тому, что вы сейчас едите, ибо на шлюпе у вас не будет ни еды, ни питья". Робертс ответил: "Надеюсь, что это не так", но Рассел ответил, что это, несомненно, так.

Тогда Робертс сказал, что вместо того, чтобы быть помещенным на борт шлюпа таким образом, когда не было никакой возможности спастись, кроме как чудом, он был бы рад быть отправленным на берег какого-нибудь острова у берегов Гвинеи или даже остаться на борту, пока не представится возможность высадиться там, где он пожелает, ибо он уступит всему, что они сочтут нужным сделать с ним, кроме поступления к ним на службу.

Рассел ответил клятвой, обычной прелюдией к пиратской агитации, что когда-то в его власти было стать самому себе другом, но раз уж он решил пренебречь предложенной им благосклонностью и сделал этот выбор, то теперь должен его принять, поскольку все извинения запоздали; и он считает, что оказался лучшим другом, чем Робертс мог ожидать, поскольку из-за него у него было больше разногласий с его компанией, чем когда-либо прежде.

Робертс уверял в невинности своих намерений и просил Рассела и всех присутствующих джентльменов считать его объектом скорее жалости, чем мести. Но его мучитель, более неумолимый, чем староста, сказал: "Все твои хныкающие аргументы, пес, теперь уже слишком поздно. Ты не только отказался от нашей помощи, когда она была предложена, но и неблагодарно презрел ее. Твой жребий брошен, и тебе ничего не остается, кроме как смириться со своим шансом. Наполните свой живот яствами и хорошей выпивкой и укрепите себя на три дня или около того, или выпейте бренди, умрите пьяным и будьте счастливы. Это ваша последняя трапеза в этом мире, так что не используйте ее по максимуму". И все же, возможно, такой добросовестный человек, каким вы себя считаете, сможет сотворить для вас чудо, но я, со своей стороны, не верю, что сам Бог, если он есть, сможет вам помочь. Мне жаль мальчиков, и я очень хочу, Робертс, чтобы они остались на борту, и пусть чудо произойдет только с вами".

Хозяин и губернатор сказали, что, как они слышали, мальчики готовы рискнуть с хозяином, пусть будет так, как будет. "Нет, так нет, - сказал Рассел, - так и должно быть, молодые дьяволята, и я полагаю, что хозяин сделал их такими же религиозными и добросовестными, как он сам. Однако, хозяин, - вскричал он, - ешьте и пейте от души; это ваш последний ужин, как называют его священники, и не пытайтесь изменить предначертанную вам судьбу, иначе это может спровоцировать нас на худшее обращение с вами".

"Джентльмены, - сказал Робертс с покорностью, которая тронула бы любого другого человека, - я сделал; вы не можете сделать больше, чем Бог вам позволит, и я понимаю, что по этой причине должен терпеливо принять это. Бог простит вас". "Хорошо, хорошо, - сказал Рассел, - если это сделано с Божьего позволения, не стоит бояться, что Он допустит, чтобы кому-то из Его особых избранных был причинен вред".

Около десяти вечера, чтобы темнота еще больше усугубила его тревогу, кто-то из партизан Рассела привел шлюп. На вопрос, очистили ли они судно, как он приказал, они ответили с клятвой: "Да, да, у нее на борту нет ничего, кроме балласта и воды". "Черт возьми, - сказал Рассел, стуча кулаком по палубе, - разве я не велел вам вынести все бочки, в которых была вода?" "Так и есть", - ответил тот, - "вода, которую мы имеем в виду, - это соленая вода, просочившаяся внутрь и теперь находящаяся выше балласта, потому что мы не откачивали ее, мы не знаем, когда". Он спросил, убрали ли они паруса. Они ответили, что убрали, все, кроме грот-мачты, которая была согнута, потому что другая старая грот-мачта так прогнила, что годилась только на разделку, и была так порвана, что ее невозможно было приладить, и ее уже не починить.

"Боже, - сказал Рассел, - мы должны получить его, потому что я хочу, чтобы он сделал нам грот". Та же чудесная сила, что приносит негодяю провизию, принесет ему и паруса".

"Вот дьявол! Он что, колдун?" - сказал кто-то.

"Нет, нет!" - ответил Рассел, - "но он ждет, что для него будут твориться чудеса, иначе он никогда бы не выбрал то, что у него есть".

"Нет, нет, если он такой, то у него все получится".

"Но я сомневаюсь, - вскричал другой, - что он такой могущественный фокусник, ибо если бы он был таковым, то как, черт возьми, он не обманул нас?"

"Черт!" - вскричал третий, - "может быть, его колдовские книги были закрыты".

"Да, - сказал четвертый, - теперь мы все его колдовские книги за бортом, и я сомневаюсь, что ему будет трудно".

Только канонир, казалось, сохранил хоть какие-то следы человечности, и он велел Расселу позаботиться о том, чтобы ему не пришлось отвечать за это в тот день, когда он пожалеет об этом. "Как бы то ни было, - сказал он, - вы получили согласие компании, не могу сказать как, и поэтому я больше ничего не скажу, только скажу, что я и, думаю, большинство джентльменов пришли сюда, чтобы получить деньги, но не убивать, разве что в драке, тем более хладнокровно, или ради личной мести. И я говорю вам, Джек Рассел, что если подобные случаи еще когда-нибудь будут практиковаться, я постараюсь покинуть эту компанию как можно скорее".

Рассел ничего не ответил, но приказал своим людям принести грот со шлюпа. Затем он вручил Робертсу старый, изъеденный червями мушкет, сырой патрон и два с половиной фунта табака "в качестве прощального подарка". Затем его жертву с величайшей церемонией перенесли через борт в его собственную лодку и посадили на борт вместе с двумя его мальчиками.

Когда их лодка отчаливала, Робертсу показалось, что он слышит голос своего товарища, и он позвал его: "Артур! Что, ты собираешься меня бросить?". Голос ответил, так как было темно: "Да". "Что!" - спросил Робертс, - "ты делаешь это добровольно или тебя принуждают?" Он ответил туманно: "Я вынужден, я думаю!" Робертс ответил: "Очень хорошо". Тогда приятель позвал Робертса и попросил его, если у него когда-нибудь будет возможность, написать и дать брату отчет о себе. Робертс спросил, где он живет, и помощник ответил, что в Карлингфорде, в Ирландии. Этого помощника капитан подобрал на Барбадосе, голого

потерпевшего кораблекрушение человека, служившего на шлюпе Новой Англии. Он купил ему одежду и инструменты и относился к нему с сочувствием и добротой. Он был убежденным пресвитерианином, любил спорить по теологическим вопросам и громко выступал против Англиканской церкви. Хотя раньше он никогда не произносил клятв, как только Рассел уговорил его присоединиться к пиратской команде, он стал постоянно пьянствовать и превзошел всех в богохульстве и нечестии, но он так рассказывал своим новым товарищам о доброте Робертса, что, если бы не Рассел, они бы не позволили ему присоединиться к ним.

На следующее утро Робертс принялся рыскать по шлюпу и, обшарив шкафчики с хлебом, обнаружил около своей шляпы корону, полную крошек от печенья, несколько сломанных трубок и несколько винтиков табака. Они оставили его носовой посох, но забрали постельные принадлежности, хотя обычно они лежали на палубе или у орудийного лафета. В трюме более милосердные оставили десять галлонов рома в одном бочонке, тридцать фунтов риса в другом, три пинты воды и немного муки, а также несколько иголок и бечевки, которых хватило бы на починку прогнивших парусов. Через день или два после этого они поймали акулу, которую сварили на несколько ужинов, используя для масла растопленную печень акулы. Вскоре он добрался до Курисала, набрал команду негров, потерпел крушение, построил лодку и в конце концов был доставлен домой английским кораблем.

Едва ли менее интересен, чем рассказ Робертса, рассказ капитана Уильяма Снельгрейва, который в 1738 году занимался торговлей рабами на побережье Гвинеи. Сбежав от одного из страшных кораблей Сале, он был захвачен в Сьерра-Леоне капитаном Коклином из *"Восходящего солнца"*, пиратом, командовавшим тремя судами и бандой из восьмидесяти человек. Он был выброшен на берег человеком по имени Муди, но постепенно собрал людей и за короткое время захватил десять английских судов. Команда Муди вскоре после отплытия Коклина, невзлюбив жестокость своего капитана, посадила его и еще двенадцать человек в открытую лодку, которую они захватили у испанцев у Канарских островов, и выбрала командиром француза по имени Ле Бус, который тут же вернулся и присоединился к Коклину, который понравился им своей свирепостью и жестокостью, решив больше не иметь таких джентльменских капитанов, как Муди.

На следующий день прибыл пират Дэвис со 150 хорошо дисциплинированными людьми, на его мачте развевался черный флаг.

Вечером, когда Снельгрейв вошел в реку, он заметил на суше подозрительный дым, но его помощник сказал, что это всего лишь путешественники жарят устриц, и, как выяснилось впоследствии, это был предатель. Когда он подошел к устью реки, в поле зрения появились пиратские суда. Ближе к сумеркам он услышал приближение лодки и приказал двадцати людям приготовить огнестрельное оружие и тесаки. Принеся фонари и окликнув лодку, пираты дали залп по кораблю, находившемуся в тот момент на расстоянии пистолетного выстрела, что было смелым поступком для двенадцати человек, нападавших на корабль с шестнадцатью пушками и сорока пятью людьми.

Когда они стали приближаться, капитан попросил открыть огонь из рулевых отверстий. Не получив ответа, он спустился вниз и увидел, что его люди смотрят друг на друга и заявляют, что не могут найти сундук с оружием. Пираты мгновенно поднялись на борт, открыли огонь по рулевым, прострелили матросу поясницу и забросали их ручными гранатами. На их призывы "поощадить" с квартердека спустился квартермейстер, который всегда возглавлял пиратов, и стал допрашивать капитана, спрашивая, как он осмелился стрелять. Когда Снельгрейв сказал, что его долг - защищать свой корабль, капитан приставил к его груди пистолет, но он

парировал, и пуля прошла у него под мышкой. Тогда негодяй ударил его прикладом по голове, поставив на колени. Когда он поднялся и побежал на квартердек, пиратский боцман нанес ему удар по голове своей широкой шпагой, поклявшись, что ни один капитан, осмелившийся защищать свое судно, не останется в живых. Удар пришелся мимо, но лезвие прорезало перила квартердека на дюйм вглубь и сломалось. Все пистолеты пирата были разряжены, и тогда он ударил его прикладом одного из них, пока команда не закричала, требуя его жизни, и сказала, что никогда не плавала с лучшим человеком. Одному из членов команды, однако, отрезали подбородок, другой упал замертво на палубу. Подошедший капитан сказал ему, что он будет разрублен на куски, если его люди не вернут пиратскую лодку, которая дрейфовала. Узнав об этом, он взял его за руку и заявил, что его жизнь в безопасности, если никто из его команды на него не пожалуется. Пират сделал несколько залпов, радуясь своему выздоровлению, но, забыв окликнуть своих товарищей, был обстрелян с других кораблей. Когда Снельгрейв спросил квартермейстера, почему он не использует свою говорящую трубу, тот сердито спросил его, не боится ли он попасть к дьяволу от большого выстрела, "ведь он надеется, что его когда-нибудь отправят в ад пушечным ядром".

Пираты приготовились к ужину, набив в печь гусей, индеек, птиц и уток, всех без разбору, и несколько вестфальских окороков, а также большую свиноматку, которую они забили кишками, оставив только шерсть. Вскоре после этого к Снельгрейву пришел матрос, чтобы спросить, который час, и, когда капитан подал ему часы, положил их на палубу и стал пинать, говоря, что из них получится хороший футбольный мяч. Один из пиратов подхватил их и сказал, что они должны попасть в общий сундук и быть проданы на мачте.

Вскоре Снельгрейв был доставлен на борт пиратского корабля. Командир сказал ему, что сожалеет о плохом обращении с ним, но такова военная судьба, и что если он не будет правдиво отвечать на все вопросы, то его изрежут на куски, но, что если он скажет правду, то они сделают это плавание лучшим в его жизни. Один из них спросил, хорошо ли ходит его корабль по ветру, и, когда он ответил: "Очень хорошо", Коклин бросил шляпу, сказав, что из нее получится храбрый пиратский военный корабль. Тут подошел высокий парень с четырьмя пистолетами на поясе и шпагой в руке, назвал его старым школьным товарищем и по секрету рассказал, что он человек подневольный, так как был помощником на бристольтском судне, недавно захваченном, и вынужден был идти вооруженным. Он также рассказал ему, что ночью, когда пираты крепко выпивают, пленники подвергаются наибольшей опасности.

Затем была заказана чаша пунша, и люди, пройдя в большую каюту, уселись на пол, скрестив ноги, за неимением сидений, и пили здоровье Претендента под именем "Король Яков Третий". В полночь Снельгрейву дали гамак, и его старый школьный товарищ караулил его с занесенным мечом, но он не мог уснуть из-за песен и ругательств. Около двух часов на борт поднялся пиратский боцман и, узнав, что Снельгрейв спит, заявил, что вырежет его печень за то, что он посмел стрелять по кораблю и отказался сдать вахту. Гриффин пригрозил, что разрубит его, если тот подойдет ближе, и ударил его мечом. Утром, когда все протрезвели, дозорный пожаловался боцману на нарушение пиратского закона, согласно которому "нельзя причинять зло пленникам, если они уже получили четверть". Команда предложила выпороть нарушителя, но Снельгрейв благоразумно отговорил его. Вскоре после этого его собственный первый помощник пришел рассказать ему, что, будучи в плохом положении и ругая жену, он присоединился к пиратам. Впоследствии он узнал, что спрятал сундук с оружием и отговорил людей от сопротивления.

Затем пират принялся обшаривать судно и, не заботясь ни о чем, кроме денег, выбросил за борт до ночи индийские тюки на сумму около 4000 фунтов стерлингов. Они разбили его эскритур и уничтожили сундуки с книгами, поклявшись, что "челюстей хватит на целую нацию". В отношении всех религиозных книг они установили строгую цензуру, опасаясь, что у кого-нибудь из команды возникнут угрызения совести или неприязнь к профессии. Вино тоже стало свободно расходиться, пираты стали милосерднее и с добрым юмором приготовили узелок с одеждой для пленников. В этот момент один из команды Дэвиса, молодой парень лет 18, вскрыл сундук с награбленным добром, а на жалобу квартального ответил, что "все они равны, и он считает себя правым". Тогда квартермейстер ударил его шпагой и погнался за ним в каюту Дэвиса, где тот набросился на него и пробил ему руку, ранив и капитана. Дэвис поклялся отомстить, заявив, что если его человек обиделся, то никто не имеет права его наказывать, тем более в его присутствии. Он тут же отправился на борт своего корабля и обрушился на Коклина, который в конце концов согласился заставить квартермейстера просить прощения за свою провинность.

Снельгрейв сидел в каюте вместе с плотником и тремя или четырьмя другими пиратами, когда боцман спустился очень пьяный и, начав оскорблять его, выгнал из дома. Вскоре после этого порыв ветра затушил свечу, и боцман, вернувшись, заявил, что Снельгрейв погасил ее с намерением пойти в пороховую комнату и взорвать корабль; и несмотря на то, что плотник заявил, что это произошло случайно, он достал пистолет и поклялся, что вышибет собаке мозги. Поднявшись, чтобы задуть свечу, Снельгрейв и плотник, не зная боцмана, поменялись местами. Пистолет мелькнул в кастрюле, и плотник, увидев при свете, что в него, должно быть, стреляли, если бы он выстрелил, в ярости бросился в темноте к боцману, вырвал у него из рук пистолет и бил его до тех пор, пока тот чуть не умер. Шум поднял тревогу на корабле, и нарушителя спокойствия унесли спать.

На следующее утро команда Дэвиса поднялась на борт, чтобы разделить вина и спиртные напитки. Они подняли на палубу множество полубочонков кларета и французского бренди, выбили им головы и вычерпали полные банки и миски, бросая их друг в друга и омывая палубы тем, что осталось. Бутылки они не потрудились пометить, а "накололи", как они это называли, отбив горлышки тесаком, расплескав содержимое примерно каждой третьей. Съестные припасы пропадали таким же образом. Трое пьяных пиратов, войдя в каюту и опрокинув сверток с одеждой Снельгрейва, выбросили троих из четверых за борт. Четвертый пират, более трезвый, чем остальные, открыл оставшийся сверток и, вытащив оттуда черный костюм и парик, надел их и вышагнул на палубу, бросив их через час, когда команда облила его кларетом. Когда Снельгрейв мягко возразил ему по поводу этого грабежа, тот ударил его по плечу плоской стороной шпаги, шепнув при этом предостережение никогда не оспаривать волю пирата, опасаясь, что за свою дерзость он может проломить себе череп.

Когда наступила ночь, у Снельгрейва из четырех свертков одежды не осталось ничего, кроме шляпы и парика, которые вскоре надел на себя пьяный человек, вошедший в каюту и заявивший, что он "один из самых уважаемых купцов на африканском побережье". Когда он выходил из комнаты, вошел матрос и жестоко избил его за то, что он взял то, на что не имел права, и принял его за одного из членов команды. Затем матрос утешил Снельгрейва и пообещал вернуть потерянное, а другие члены команды принесли ему еду.

На следующий день Дэвис, собрав всех членов экипажа на квартердеке, произнес речь в защиту Снельгрейва, уговаривая их отдать ему корабль и разную добычу на несколько тысяч фунтов. Один из них предложил взять его с собой на побережье Гвинеи, а если они захватят португальское судно, то дать ему груз рабов. На побережье он мог бы продать свои товары за золотую пыль, а затем, отплыв в Сент-Томас, продать свой корабль и рабов датчанам и

вернуться в Лондон богатым человеком. Снельгрейв возразил, они рассердились, решив, что их дар будет законным, но Дэвис любезно сказал: "Я знаю этого человека и легко угадываю его мысли, он думает, что потеряет свою репутацию. Я за то, чтобы каждый отправлялся к дьяволу своим путем, поэтому прошу вас отдать ему остатки его собственного груза, и пусть он поступает так, как считает нужным".

Они согласились, но от его собственных приключений осталось не более 50 фунтов стерлингов. Матросы взяли рулоны прекрасной Голландии и развернули их, чтобы лечь на палубу. А когда пришли другие и вылили на них ведра кларета, они выбросили испачканные свертки за борт. При погрузке пираты всегда сбрасывали тюки, если они не проходили так быстро, как они ожидали. Ирландскую говядину они выбрасывали: Коклин говорил, что у Снельгрейва достаточно бобов, чтобы хватило на полгода его команде.

Вскоре после этого жестокий квартирмейстер заболел лихорадкой и послал к Снельгрейву просить прощения за то, что пытался его застрелить. Он сказал, что был злым негодяем и что его мучает совесть, так как он боится, что ему придется катиться в адском огне. Когда Снельгрейв проповедовал покаяние, тот заявил, что его сердце ожесточено, но он попытается, и приказал Снельгрейву взять из его сундука все необходимое, но умер той же ночью в страшных мучениях и проклиная Бога. Это так подействовало на многих новобранцев, что они умоляли Снельгрейва освободить их и обещали не совершать убийств и других жестокостей. В каюте пираты нашли несколько прокламаций и, не умея читать, попросили пленника сделать это за них. Затем он зачитал прокламацию Его Величества о помиловании всех пиратов, которые сдадутся на любой из британских плантаций до 1 июля 1719 года. Следующим было объявление войны против Испании. Услышав последнее, некоторые сказали, что хотели бы узнать об этом до отплытия из Вест-Индии, так как могли бы стать каперами и обогатиться. Снельгрейв сказал им, что еще не поздно: до конца срока оставалось еще три месяца. Но когда они услышали о вознаграждении за поимку пиратов, один из буканьеров, виновный в убийстве, отнесся к прокламации с презрением и разорвал ее на куски. Среди других людей, консультировавших Снельгрейва, был матрос по имени Кертис, который, будучи больным, ходил по палубе, завернувшись шелковый халат. Он плавал вместе с отцом Снельгрейва. Среди прочих трофеев три пиратских капитана нашли ящик с тремя поддержанными вышитыми плащами, которые они захватили и надели на себя. Самый длинный выпал на долю Коклина, который был невысокого роста, он доходил ему до щиколоток, но Ле Бус и Дэвис отказались меняться с ним, заявив, что, поскольку он отправляется на берег, где негритянские дамы ничего не знают о моде белых мужчин, это не имеет значения, а кроме того, поскольку его плащ был алым, расшитым серебром, он будет самым храбрым из всех.

Эту одежду, взятую вопреки закону и без разрешения квартирмейстера, команда обиделась, заявив, что если они будут терпеть подобное, то капитаны обретут новую власть и вскоре возьмут все, что им понравится. На следующее утро, когда вернулись капитаны, у них отобрали плащи и сложили их в общий сундук; когда стало известно, что Снельгрейв посоветовал костюм, многие ополчились против него, а один из них пригрозил изрубить его на куски. Стоявший рядом матрос сказал Снельгрейву, чтобы тот не пугался его угроз, потому что он всегда так разговаривает, и посоветовал ему называть его капитаном, когда он войдет на борт, потому что этот парень когда-то был командиром пиратского шлюпа, не любил должность квартирмейстера и любил, чтобы его называли по старому титулу. Войдя на корабль, Снельгрейв негромко сказал ему: "Капитан Уильямс, прошу вас выслушать меня по тому вопросу, на который вы так обижены". На это Уильямс игриво ударил его по плечу плоской стороной шпаги и сказал: "У меня нет сердца, чтобы обидеть вас". Затем он

объяснил ему суть дела, выпил с ним бокал вина, и после этого они остались друзьями. Затем пираты захватили французский корабль, который они сначала приняли за преследующий их сорокапушечный корабль. Пьяные и недавно набранные люди могли бы в это время легко перебить их и спасти сто парусов кораблей, которые они потом уничтожили. Когда некоторые из них закричали, что никогда не видели, как стреляют из пушки в гнев, Коклин отлупил их, сказав, что они скоро научатся чувствовать запах пороха. Французского капитана они повесили за то, что он не попал в цель с первого выстрела. Когда они несколько раз дергали его вверх и вниз, пока он не стал почти мертвым, Ле Бус вступился за своего соотечественника, заявив, что больше не будет плавать с такими варварскими злодеями. Тогда они отдали ему французский корабль, предварительно уничтожив его груз, срезав мачты с бортов и выбросив его на берег как старый и бесполезный.

Корабль Снельгрейва, который пираты уже оборудовали, был приглашен на крещение. Офицеры стояли вокруг большой каюты, держа в руках пунши, а когда капитан Коклин сказал: "Боже, благослови галеру Уиндхэма", они выпили напиток, разбили бокалы, и пушки прогремели широкий залп.

На новом корабле, построенном на галерах и имевшем только две палубы, пороховой погреб находился в главной каюте и в тот момент был открыт. Одна из пушек, дуя в сенсорное отверстие, подожгла несколько патронных ящиков, в которых хранились патроны для стрелкового оружия, и дробь разлетелась, наполнив помещение дымом. Когда все закончилось, Дэвис заметил, что они подвергались большой опасности, поскольку люк все время был открыт, а под ним лежало 20 000 фунтов пороха. Коклин ответил с проклятием: "Жаль, что он не загорелся, это был бы отличный взрыв, чтобы отправиться в ад".

На следующий день пиратские капитаны пригласили Снельгрейва на обед, и во время ужина трубач и другие музыканты, взятые с различных призов, играли и пели. Примерно в середине ужина раздался внезапный крик о пожаре, и вбежавший мальчик-матрос с бледным лицом сказал, что горит главный люк. Команда была почти пьяна, и многие из них прыгнули в шлюпки, оставив офицеров и пятьдесят пленников. Когда Снельгрейв заметил Дэвису, какой опасности они подвергаются, оставшись без лодки, Дэвис выстрелил по беглецам из большой пушки и вернул их обратно. Затем канонир накрыл мокрыми одеялами навалы порохового погреба и тем самым спас его от разрушения. Этот огромный запас пороха был собран с различных призов, так как негры пользовались большим спросом. Снельгрейв взял одну из решеток четвертого дека и спустил ее на канате через борт корабля на случай, если ему придется покинуть судно, и все это время пьяные матросы стояли на четвертом деке, к ужасу пленников, и кричали: "Ура, скорей бы попасть в ад!".

Около десяти часов хозяин, бодрый и мужественный человек, который вместе с пятнадцатью другими не жалел сил, чтобы побороть пламя, вышел к нам весь в ожогах и, позвав хирурга, объявил, что опасность уже миновала. Пожар возник по неосторожности негра, который, будучи послан выкачать ром, держал свою свечу так близко к отверстию в бочке, что искра попала на спиртовку. От нее вскоре загорелась другая бадья, и обе головы разлетелись с грохотом пушки; но хотя в магазине было двадцать бочек рома и столько же смолы и дегтя, все остальное удалось спасти.

Перед утром, когда помощник канонира высказался в пользу поведения Снельгрейва во время пожара, команда послала за ним, чтобы он присутствовал при продаже своих вещей на борту галеры "Уиндем". Некоторые обещали быть добрыми к нему, а капитан предложил купить его часы. Пока они разговаривали, полупьяный помощник предложил оставить

Снельгрейва в качестве лоцмана, пока они не покинут берег, но Дэвис выпорол его с четверти палубы.

Через два дня после этого пираты захватили небольшое судно, принадлежащее Африканской компании. Первый помощник Снельгрейва рассказал им, что когда-то эта компания очень плохо с ним обошлась, и попросил, чтобы они в отместку сожгли судно. Приказ уже был отдан, когда встал быстро соображающий матрос Стаббс и сказал: "Прошу вас, джентльмены, подождите, и я докажу вам, что сожжение этого корабля только послужит интересам компании. Судно стоит уже два года, оно старое, сумасшедшее и изъеденное червями, его запасы стоят мало, а груз состоит только из красного дерева и перца, потеря которых не повредит компании, которая сохранит жалование людей, втрое превышающее стоимость груза". Это убедило команду, которая тут же пощадила судно и вернула его капитану.

Через несколько дней после этого вещи Снельгрейва были проданы у мачты, многие вернули ему свои покупки, особенно его старый школьный товарищ, который усердно просил за него. Когда более свирепые люди увидели большую кучу собранных им вещей, они поклялись, что собака ненасытна, и сказали, что было бы хорошим поступком выбросить их за борт. Услышав это, Снельгрейв погрузил свое каноэ и, по совету друзей, вернулся на берег. Вскоре после его отплытия его часы были выставлены на продажу и выставлены по цене 100 фунтов стерлингов, чтобы разжалобить Дэвиса, который, однако, купил их по этой огромной цене. Один из матросов, разгневанный этим, попробовал корпус на ощупь и, увидев, что он выглядит медноватым из-за сплава с золотом, поклялся, что это плохой металл. Тогда они заявили, что Снельгрейв - большой негодяй, чем любой из них, поскольку он обманул их всех. Рассел посмеялся над этим, а затем поклялся выпороть его, когда тот придет в следующий раз. По совету друзей Снельгрейв спрятался в лесу, пока пираты не покинули реку, и вскоре вместе с несколькими другими разорившимися людьми вернулся в Англию.

О мадагаскарских пиратах есть скудные сведения в книге Гамильтона "Рассказ об Ост-Индии", опубликованной в 1726 году. Он упоминает о том, что пираты полностью уничтожили английскую работорговлю на этом острове, несмотря на то, что против них было направлено несколько эскадр военных кораблей. По словам самого автора, "один корабль под командованием некоего Миллара сделал больше, чем могли бы сделать все обвиняемые флотилии, ибо с грузом крепкого эля и бренди, который он вез, чтобы продать их в 1704 году, он убил около 500 пиратов, хотя они приняли его корабль и груз в подарок от него, а его люди вошли, большинство из них, в общество пиратов". Коммодор Литтлтон одолжил им блоки и снасти для каботажа и, по каким-то тайным причинам, отпустил некоторых из них на свободу".

В заключение автор пишет следующее: "Мадагаскар окружен островами и опасными отмелями, как скалами, так и песком. Сент-Мэри, расположенный на восточной стороне, - место, которое пираты впервые выбрали для своего убежища, поскольку здесь есть хорошая гавань, защищающая их от непогоды, хотя заход в нее сопряжен с некоторыми трудностями. Но услышав, что эскадры английских кораблей пришли на их поиски, они перебрались на главный остров для большей безопасности, и там они сделали себя свободными жителями, вступив в брак." И автор считает, что отнять их будет нелегко. В 1722 году мистер Мэтьюс отправился их поиски, но обнаружил, что они покинули остров Святой Марии, оставив после себя следы своих грабежей: в некоторых местах он нашел перец, рассыпанный на земле

толщиной в фут. Коммодор отправился со своей эскадрой на главный остров, но пираты завели свои корабли в реки или бухты, вне опасности для военных моряков, и сжечь их вместе с лодками было бы невозможно, так как они могли бы легко потревожить экипажи из леса. Коммодор немного поговорил с некоторыми из них, но они стояли на чеку, готовые защищаться, если бы им предложили какое-либо насилие.

11-й и 12-й законы Вильгельма III, а также 8-й закон Георга I являются законодательными актами против пиратства и указывают на годы, когда его бедствия были особенно ощутимы. Согласно первому из них, любой урожденный подданный, совершивший враждебный акт против любого из подданных Его Величества под прикрытием поручения любой иностранной державы, мог быть привлечен к суду за пиратство. Кроме того, любой командир, предавший свое доверие, сбежавший с кораблем или добровольно отдавший его пирату, или любой, кто удерживал своего капитана, чтобы помешать ему сражаться, признавался пиратом, преступником и разбойником и приговаривался к смертной казни.

В более поздних актах пиратством считалась даже торговля с известными пиратами.

Командиры, моряки, получившие ранения, или их вдовы, убитые в пиратских стычках, имели право на вознаграждение, не превышающее пятидесятой части стоимости груза, а раненые получали пенсию в Гринвичском госпитале. Если командир проявлял трусость, он лишался всего жалованья и подвергался шестимесячному тюремному заключению.

Таковы лишь некоторые факты, связанные с почти неучтенной и неопределенной историей пиратов Нью-Провиденса и Мадагаскара, самых отвратительных мерзавцев, которые, возможно, со времен Каина когда-либо омывали свои руки в человеческой крови. Свирепые, но часто трусливые, они были хитры и жестоки, не отличались ни щедростью, свойственной разбойникам, ни предприимчивостью военных авантюристов. Давным-давно их кости осыпались с темных выступов на одиноких песчаных островах Тихого океана, и они остались без памятников и записей, за исключением тюремных хроник и забытых путешествий. Мы рассмотрели их историю просто как естественное продолжение наших летописей и как иллюстрацию характера английского моряка в его самом жестоком и сатанинском аспекте.

КОНЕЦ.

ГЛАВНЫЕ АВТОРИТЕТЫ. ПИСАТЕЛИ-БУКАНЬЕРЫ.

Джон (Джозеф?) Эскемелинг "[1] Буканьеры Америки; или Рассказ о самых выдающихся нападениях, совершенных на побережье Вест-Индии буканьерами Ямайки и Тортуги; с описанием подвигов сэра Генри Моргана". Переведено на английский язык с голландского, с портретом сэра Г. Моргана, картой и пластинами, с таблицей. 4to. London. 1684.

[1] Рич в своей "Bibliotheca Americana Nova", 1835, путает голландца Эскемелинга с французом Oexmelin. В английском переводе 1684 года говорится о том, что работа Эскемелинга написана французом и голландцем вместе, название французское, а язык голландский. Рич описывает ее как впервые напечатанную на голландском языке в 1678 году, затем переведенную на испанский, затем с испанского на английский и с английского на французский; имя автора было изменено в последнем переводе.

-- De Americanische Zee Roovers. 4to. Амстердам. 1678.

-- Hisp. 12mo. Col. Ag. 1682.

-- Англ. 12mo. Лондон. 1684.

-- 4to. Col. Ag. 1684.

-- 12mo. 4 vols. Карты и пластины. Треву.

(Дополненная история англоязычных пиратов с момента их поселения на острове Провиденс до настоящего времени): 1775.

Œxmelin, Alexandre Olivier-Histoire des Aventuriers qui se sont signalés dans les Indes Occidentales depuis Vingt Ans. Traduite de l'Anglais par le Sr. de Frontignières; avec un Traité de la Chambre de Comptes établie dans les Indes par les Espagnols, traduit de l'Espagnol; le tout enrichi des Cartes et des Figures, avec des Tables. 2 тома. 12mo. Париж. 1688.

-- 8vo. Париж. 1688. 2 тома.

ИЕЗУИТСКИЕ ИСТОРИКИ.

Pierre François Xavier Charlevoix-Histoire de l'Isle Espagnole, ou de St. Domingue, écrite sur des Mémoires Manuscrits du P. Jean Baptiste le Tertre, Jésuite Missionnaire à St. Domingue, et sur les Pièces Originales qui se preservent au Dépôt de la Marine; avec des Cartes, des Plans, et des Tables. 2 vols. 4to. Paris. 1730-31.

Piratas de la America y Luz à la Defensa de las Costas de Indias Occidentales. Traducida del Flamenco en Espanol, por el Doctor Buena Maison, Medico Practico en la Amplissima y Magnifica Ciudad de Amsterdam Dala à Luz esta Tercera Edicion, D.M.G.R. Madrid. 4to. 1763. 12mo. 1682. 4to. 1684.

Jean Baptiste du Tertre, missionnaire apostolique dans les Antilles-Histoires des Antilles Habitées par les François; avec des Figures. 4 vols. 4to. Paris. 1667-71.

Жан Батист Лабат, доминиканский парижанин, профессор философии в Нанси и т.д. - Новое путешествие по островам Америки. 8 томов. 12mo. Париж. 1742.

Кругосветное путешествие капитана Уильяма Дампира. Иллюстрировано картами и пластинами. 4 тома в 3. 8vo. Лондон. 1703-9.

Путешествие капитана Коули вокруг земного шара. 8vo. Лондон. 1679.

Путешествие и описание Американского перешейка Лионеля Уофера. 8vo. Лондон, 1699. 8vo. Лондон, 1704.

Хронологическая история открытий в Южном море или Тихом океане капитана Джеймса Берни. 3 vols. 4to. 1803-13-17.

Хронологическая история Вест-Индии капитана Т. Саути. 3 тома. 8vo. Лондон. 1817.

СПИСОК ВОЖДЕЙ БУКАНЬЕРОВ,

ОТ НАЧАЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ ИХ ИМПЕРИИ ДО ЕЕ КРУШЕНИЯ.

Луи Скотт.

Пьер ле Гран.

Пьер Франсуа.

Рок Бразильский.

Бартелеми Португальский.

Лолоннуа Жестокий.

Александр Браш де Фер.

Монбарс Истребитель.

Мозес Ван Вин.

Пьер ле Пикар.

Трибут.

Капитан Шампани.

Ле Баск.

Сэр Генри Морган.

Капитан Сван.

Капитан Шарп.

Капитан Брэдли.

Капитан Коксен.

Капитан Бетшарп.

Дампир.

Капитан Гронье.

Капитан Янки.

Лоран де Графф.

Сьер де Граммон.

Сьер де Монтобан.

Де Лисл.

Анна ле Ру.

Воклин.

Овине.

Элиас Уорд.

Уиллис.

Д'Ожерон.

Капитан Дэвис.

Ван Хорн.

Капитан Майкл.

Капитан Роуз.

Капитан Дэвиот.

ЛОНДОН: СЕРКОМБ И ДЖЕК, 16 ВЕЛИКАЯ ВИНДМИЛЛ-СТРИТ.

Только что издано, иллюстрировано портретами,
ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМА,
ЗАВЕРШАЮЩИЕ РАБОТУ
МЕМОАРИ О ДВОРЕ И КАБИНЕТАХ ГЕОРГА III.
НА ОСНОВЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ СЕМЕЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ.
BY THE DUKE OF BUCKINGHAM & CHANDOS, K.G.

Среди основных важных и интересных тем этих томов (охватывающих период с 1800 по 1810 год) можно выделить следующие:- Союз Великобритании и Ирландии- Католический вопрос- Отставка г-на Питта и лорда Гренвилла- Администрация Аддингтона- Амьенский мир- Связь принца Уэльского с оппозицией- Коалиция Питта, Фокса и Гренвилла- Падение министерства Аддингтона- Поведение принцессы Уэльской- Нельсон на Балтике и при Трафальгаре- Администрация лорда Гренвилла и г-на. Фокса - Отмена работоторговли - Вальхеренская экспедиция - Расследование поведения герцога Йоркского - Конвенция в Цинтре - Экспедиции в Португалию и Испанию - Ссора лорда Каслрига и мистера Каннинга - Болезнь Георга III - Процедуры по установлению регентства. В тома также включена частная переписка лорда Гренвилла, когда он был государственным секретарем и первым лордом казначейства, достопочтенного Томаса Гренвилла, когда он был президентом Контрольного совета и первым лордом Адмиралтейства, герцога Веллингтона во время его первых кампаний на полуострове; многочисленные конфиденциальные сообщения от Георга III, принца Уэльского, лордов Каслрига, Элгина, Хобарта, Камдена, Эссекса, Кэрисфорта, Мелвилла, Ховика, Уэлсли, Фицуильяма, Темпла, Букингема, мистера Фокса, мистера Уиндэма и т. д. и т. п.

Н.Б. - НЕСКОЛЬКО ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ТОМОВ ЭТОЙ РАБОТЫ ЕЩЕ МОЖНО ДОСТАТЬ.

"Эти тома содержат много ценной информации. Есть три периода, на которые они проливают много света: формирование коалиционного министерства в 1783 году, болезнь короля в 1788 году и первая война с республиканской Францией" - "Таймс".

"Очень примечательная и ценная публикация. В этих томах впервые представлена публике самая секретная история многих важных сделок" - "Геральд".

ХЕРСТ И БЛЭКЕТТ, ИЗДАТЕЛИ,
ПРЕЕМНИКИ ГЕНРИ КОЛБЕРНА,
13, ГРЕЙТ-МАРЛБОРО-СТРИТ.

Примечание транскриптора:

Несоответствующие кавычки в одном абзаце главы I оставлены как в оригинале.
